

Фред Меркс

**В
ПОИСКАХ
«ГОЛУБОЙ
ЗЕМЛИ»**

Annotation

Известный журналист из ГДР рассказывает об истории открытия крупнейших месторождений алмазов в различных районах Африканского и Азиатского континентов. Особое внимание уделено хищнической политике империалистических держав по отношению к молодым независимым государствам.

- [Фред Меркс](#)
 - [Светло-голубой камень](#)
 - [Война, интриги, смерть](#)
 - [Империя от мыса Доброй Надежды до Каира](#)
 - [Война в пустыне и участь раба](#)
 - [Сырьевой покер в разные времена](#)
 - [Воина наемников и «челночная дипломатия»](#)
 - [Контрабандисты, дельцы, спекулянты](#)
 -
 -
 -
 -
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)

- [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Фред Меркс

В поисках «голубой земли»

Светло-голубой камень

Увлечение монаха

Только после пасхи брат Кристоф выкроил время» чтобы разобрать архив монастырской библиотеки. Ему давно хотелось привести в порядок сообщения, записки, хроники, которые уже несколько лет поступали из Африки в адрес монастыря святого Бонифация в Хюнефельде, недалеко от Фульды. Других монахов совсем не интересовало, что происходит за пределами монастыря, а тем более в Африке.

Брат Кристоф не относился к их числу. Его давно манил к себе Черный континент, он мечтал о таинственной Офир — этой богатой золотом стране, о которой было известно уже в далекой древности. Некоторые полагали, что она лежит где-то на юге Африки, другие были уверены, что Офир находится на Арабском Востоке, в Ост-Индии, на Малакке или Суматре. В Священном писании упоминается, что в страну Офир снаряжал торговые экспедиции царь Соломон. Из преданий монах знал, что золото и драгоценные камни, которые в средние века считались символами богатства и власти, были привезены из этой страны. Его воодушевляли сообщения тех, кто многие годы прожил в далекой Африке, хотя он и не был уверен, что страна Офир находится именно там.

Монаха так увлекло его занятие, что он даже стал пропускать церковную службу, за что получил выговор. Но Кристоф не отказался от своего увлечения. Во время работы он часто находил подтверждение изречению древних римлян: «Из Африки всегда приходит что-то новое».

Шел 1899 год. Уже два года Кристоф изучал и систематизировал документы, делал записи. Постепенно у него сложилось довольно четкое представление о том, что происходило в Африке в последние 30 лет, в тот период, когда в Сакраменто (Калифорния) «золотая лихорадка» пошла на убыль, а на реке Клондайке (Аляска) борьба за золото только разворачивалась. На возвышенных плато Южной Африки были обнаружены месторождения золота и алмазов.

Все началось с находки сверкающих камней в районе мало известной реки Оранжевой, в Южной Африке. Здесь обитали оседлые племена банту, занимавшиеся скотоводством и земледелием, а после высадки голландца Яна Ван Рибека в 1652 году на юге Африки появились голландские, французские и немецкие переселенцы, которых называли бурами. Они занимались земледелием и разведением скота. Со временем из буров образовалась относительно замкнутая национальная группа со своей культурой и своим языком — африкаанс.

Бурам нужны были обширные пастбища, и они начали вытеснять африканские племена из этого района. Многие африканцы вынуждены были работать в хозяйствах буров на положении рабов.

С одним из таких бурских патриархальных хозяйств связан эпизод истории алмазов.

Блестящие камни в детской руке

Ирландец Джон О'Рейли уже несколько недель бродил в окрестностях реки Оранжевой. Он любил охоту на широких просторах. Спасаясь от преследований английских угнетателей у себя на

родине, он перебрался в Африку. Охота приносила ему радость и обеспечивала его существование. Зверя и дичи он добывал больше, чем потреблял. Излишки охотник выгодно сбывал бурам.

Солнечным октябрьским утром 1867 года он проходил мимо фермы «Де Кальк», которая принадлежала Ван Никерку. У ворот играли дети.

— Здравствуйте! Как дела? — приветствовал их охотник.

— Все хорошо, мистер О’Рейли. Вы принесли нам какую-нибудь зверюшку? — дружно ответили ребятишки.

Охотник спешил и хотел уже ответить: «К сожалению, нет», но поперхнулся, увидев в детских руках нечто сверкающее и переливающееся. Не отрывая взгляда от блестящих камней, которые держали дети, ирландец подошел ближе, чтобы разглядеть это чудо. Хозяин дома, наблюдавший эту сцену, сказал:

— Из такого камня получилась бы прекрасная брошка. — При этом он взял большими корявыми пальцами самый большой и красивый камень и, смеясь, протянул его охотнику.

Тот растерянно посмотрел на подарок. Затем поднял с земли кусочек стекла и провел по нему камнем — на стеклышке осталась царапина. Подарок оказался алмазом! Но откуда в этой грязно-желтой почве на берегу реки Оранжевой алмазы, да еще такие большие и так много? И почему ими играют дети? Почему крестьянин не продал эти драгоценные камни, за которые заплатили бы тысячи и даже миллионы?

Придя в себя, охотник опять увидел перед собой играющих детей и улыбающегося фермера, на обветренном лице которого не было и следа хитрости, недоброжелательности или коварства. Напротив, видя замешательство охотника, он повторил:

— Я действительно дарю его тебе. У детей много таких камешков, они все время находят новые.

Смущенный О'Рейли горячо поблагодарил за подарок и отправился в путь. Крестьянина удивило, что этот обычно молчаливый человек так долго рассыпался в благодарности за какой-то камень.

А в это время ирландец очень спешил поскорее попасть в ближайший город. Прибыв в Капштадт^[1], он показал подарок Ван Никерка хозяину гостиницы.

— Спорю на дюжину пива, что этот кусок гальки не стоит и пенни, — рассмеялся тот.

Кто их рассудит? Разве что член муниципального совета Лоренцо Бойе из Колесберга? Последний осмотрел камень, подивился его необычной твердости, но ничего определенного сказать не мог.

Два хитрых торговца предложили ирландцу небольшую сумму денег. Они утверждали, что этот камень — топаз. Но охотник оказался недоверчивым и решил показать блестящий камень геологу Атерстону, разбирающемуся в драгоценных камнях. Проведя несколько проб, последний установил, что находка имеет специфический удельный вес алмаза — 3,25. Атерстон был уверен, что этот камень обронил какой-то путешественник.

Для О'Рейли второе предположение не имело особого значения — ему хотелось прежде всего выгодно продать камень. Это ему удалось сделать при посредничестве Атерстона. Покупатель нашелся сразу, тем более что и французский консул в Капштадте тоже подтвердил, что найденный камень — алмаз. На покупку решился губернатор Капской колонии сэр Филип Водехауз, который заплатил за него 500 фунтов стерлингов. Так О'Рейли сразу же стал, как он сам считал, богатым человеком.

Губернатор отослал камень в Париж на Всемирную выставку. Алмаз в $24\frac{1}{4}$ карата — это сенсация. Ведь никто до сих пор не находил алмазы в Южной Африке, и тем более такой величины. И если камень действительно из Африки, то это свидетельствует о наличии там алмазных россыпей. У жуликов, спекулянтов, искателей приключений, а их на Всемирной выставке собралось несколько сотен, — тонкое чутье. Они приготовились первыми ринуться на Африканский континент, если там начнется большая «алмазная лихорадка».

Но были и сомневающиеся, голоса которых с каждым днем звучали все громче. Почти ежедневно во французской столице распускались новые слухи. С их помощью кое-кто надеялся поддержать высокий курс акций, помешать действиям конкурентов и удачно обделать собственные делишки. В это оказались втянутыми и ученые.

Английский геолог Грегори исследовал район реки Оранжевой и пришел к заключению, что там алмазов нет. В декабрьском номере лондонского «Джиолоджикел мэгезин» за 1868 год Грегори напал на тех, кто считал Южную Африку алмазоносной. По его мнению, это вопиющее невежество и бесчестный способ выманить деньги.

Однако новость о находке первых алмазов передавалась из уст в уста и в районе реки Оранжевой. Многие стремились найти камень, приносящий счастье и богатство. Скоро в окрестностях фермы «Де Кальк» появились люди, которые были заняты поисками. Среди них — даже член муниципального совета Бойе. Но им пришлось уйти ни с чем: новых алмазов у фермы обнаружить не удалось.

Один африканец, узнав, что белые ищут какие-то камни, решил показать знакомому буру блестящий камень, который он когда-то нашел. Каково же было его

удивление, когда бур предложил ему взамен целое стадо крупного рогатого скота, которое стоило не меньше 250 фунтов стерлингов. Африканец решил, что над ним шутят, но бур тут же пригнал стадо, чтобы как можно скорее совершить сделку.

Покачивая головой, африканец медленно брел за своим стадом. Почему белый так поступил? Он не знал, что человек, купивший у него этот редкий камень необычайной чистоты, вскоре продал его двум ювелирам из Капштадта ни больше ни меньше как за 11 000 фунтов стерлингов.

Ювелиры из Лондона приобрели его за 11 500 фунтов стерлингов и отправили в Амстердам в знаменитые гранильные мастерские. Здесь камень, весивший 83,5 карата [2], потерял более половины своего веса и благодаря искусству гранильщиков превратился в один из самых красивых и дорогих бриллиантов в мире. Граф Дадли купил эту драгоценность, которая получила название «Звезда Южной Африки», за 25 000 фунтов стерлингов.

Лондон и Париж были возбуждены новой сенсацией: в Южной Африке открыты алмазы. Это вновь разожгло у людей древнюю, как мир, страсть к волшебным камням.

Еще в далеком прошлом короли и князья развязывали опустошительные войны, плели кровавые интриги, обрекали на уничтожение целые народы, совершали убийства — все это из-за ненасытной жажды богатства и украшений.

В прошлом бриллианты почти всегда служили украшениями и лишь изредка — как орудие труда. В последнем качестве они стали широко использоваться лишь в наше время.

Алмаз издавна называют «царем камней», иногда — «красивейшим цветком света». И это совершенно справедливо: своим блеском, прозрачностью, игрой света, высокой дисперсностью алмазы превосходят все камни. Необычайно сильное преломление света и дисперсия — вот в чем тайна светового эффекта и игры красок отшлифованного алмаза.

Именно поэтому феодальные властители считали этот камень символом богатства, власти и величия. Императоры, короли и князья хранили его наряду с другими драгоценными камнями и металлами в сокровищницах — самых надежных и недоступных помещениях замков, крепостей и дворцов. Часто именно алмазы служили главной и самой желанной целью походов и грабежей. Драгоценные камни и украшения из них были лучшими подарками или приданым знатных женихов и невест.

Столяры, кузнецы, слесари трудились над окованными железом сундуками, шкатулками и ящиками, в которых перевозили ценный груз. Было изобретено более 20 типов замков, для того чтобы эти драгоценности не попали в руки чужих людей.

***В Индии алмазами и жемчугом украшали попоны слонов,
участвовавших в торжественных шествиях***

Среди камней алмазы пользовались особой любовью. Еще в древности очень ценилась их необычайная твердость. Арабы и персы называли его «алмас» или «эльмас». В древней Индии он назывался «азира» — «неразрушимый» или «лохадшит» — «победитель металлов», а в древней Греции — «адамас» — «непреодолимый».

Об алмазе сложено множество историй и легенд. В одной арабской сказке, относящейся к IV столетию до нашей эры, говорится: «В непроходимых горах было глубокое ущелье, полное сверкающих и переливающихся алмазов. Никто не мог до них добраться, потому что дорогу стерегли ядовитые змеи. Но нашлись два хитреца, которые стали бросать туда куски сырого мяса. Мясо, к которому прилипали сотни алмазов, хватали горные орлы и несли его в свои гнезда. Отважным скалолазам оставалось лишь добраться до орлиных гнезд».

В индийской поэзии упоминается о властителях, одежда, посуда и оружие которых были украшены драгоценными камнями.

В древней Греции также были известны алмазы и другие драгоценные камни, однако их происхождение нельзя установить точно. Кольцо Поликрата напоминает об обычае тогдашних властителей носить перстни, украшенные резными камнями. В греческой поэзии упоминается о бриллианте, «испускающем лучи», которому приписывали исключительные свойства и чудесную силу.

Алмазы и другие драгоценные камни почитались и в древнем Риме. Ими украшали статуи, посуду, одежду. Бриллианты сверкали на скипетре римских императоров, мечах преторианцев. Это были любимые камни жен императоров.

Цезарь перед переходом Рубикона, обращаясь к солдатам с речью, высоко поднял палец, который был

украшен кольцом с бриллиантом. Он обещал подарить это кольцо тому, кто окажется в бою самым мужественным. Солдаты, стоявшие далеко от своего предводителя, не могли слышать его слова, но на них сильное впечатление произвел необычайный блеск камня.

Древний ученый Плиний, изучивший происхождение и свойства алмазов, писал: «Среди предметов, с которыми человек имеет дело, дороже всего ценится адамас, который уже давно известен королям, хотя и далеко не всем. Он настолько тверд, что если его положить на наковальню, то после удара по нему и молот и наковальня рассыпаются на куски. Его не берет даже пламя. Большую власть над алмазом имеет свежая баранья кровь. Только бог мог открыть эту глубокую тайну людям. И если камень удастся разбить, он разлетается на мельчайшие части, которые с трудом можно различить».

В средние века придворная знать развлекалась тем, что составляла из названий благородных камней «алфавит». Считалось верхом галантности преподнести даме своего сердца несколько камней, начальные буквы названий которых составляли ее имя.

Существовал также обычай связывать каждый месяц года с определенным камнем. Так, январю соответствовал гиацинт, февралю — аметист, марту — яшма, апрелю — сапфир, маю — агат, июню — смарагд, июлю — оникс, августу — сердолик, сентябрю — хризолит, октябрю — берилл, ноябрю — топаз, декабрю — рубин.

В списке нет «короля камней». Это свидетельствует о том, что в Европе в те времена он не был еще широко распространен.

Защитник от молнии, хранитель сна

Персы приписывали алмазу, как и другим драгоценным камням, чудесные свойства, которые передавались его обладателю.

Некий Мухаммед бен Маузур, живший в XIII веке, писал: «Камни оказывают волшебное воздействие на тех, кто их носит. Алмазы защищают от удара молнии, смарагд — от укуса ядовитых змей, от диких зверей, он укрепляет сердце, сапфиры и рубины оберегают святость, согревают честолюбие, шпинель приносит радость, держит сердце в чистоте и, если его положить под подушку, отгоняет дурные сны, гранат вызывает любовь и оберегает сон, хризолит усиливает остроту глаза, аметист придает мужество, бережет от дурных снов, отрезвляет, поэтому вино из аметистовых кубков не опьяняет, „кошачий глаз“ предохраняет от завистливых глаз и умножает деньги, сердолик лишает силы врагов, удерживает от легкомысленных поступков, оникс вызывает меланхолию, яшма приносит ее обладателю уважение окружающих, бирюза — камень победы, чести, он действует против дурного глаза, а если на него посмотреть утром, день будет приятным».

В Европе драгоценным камням тоже приписывали чудесные свойства. Епископ Марбодус фон Реннес писал в XII веке: «Сапфир укрепляет надежды, дает силы, бережет от обмана, смарагд награждает даром предвидения, хризолит олицетворяет мудрость, берилл — супружескую любовь, сардоникс — безупречную чистоту души, но одновременно и беспокойство, досаду, которые отгоняет сердолик, с хризопразом связана совершенная любовь, с аметистом — покорность, а с гиацинтом — ангельски чистый образ жизни, яшма защищает от болезней».

Счастье тому, у кого в нужное время и в соответствующих обстоятельствах оказывался нужный камень! Даже не все князья, у которых было немало украшений, имели камни, необходимые на все случаи жизни. Таких же, которые обладали «царем камней», были единицы.

Как мы уже говорили, Париж воспринял сообщение о находке алмазов в Южной Африке довольно скептически. Людям трудно было поверить, что эти редкие камни, о которых сложено столько легенд, тысячами лежат в африканских пустынях. Было известно, что алмазы добываются в Индии и Бразилии. В середине XIX века они были обнаружены также в Австралии. На парижских рынках иногда появлялись и алмазы с Урала.

Буров меньше всего огорчало недоверие, с которым европейцы отнеслись к находкам в Африке. Они были против нашествия искателей приключений. Об этом, в частности, говорит такой факт: буры скрыли, что в 1854 году в районе Претории некий Марэ обнаружил золотую россыпь. Произошло это совершенно случайно, когда Марэ хотел врыть столб у себя в конюшне. Буры опасались, что на них снова обрушится лавина чужестранцев, которые в один день уничтожат создававшиеся десятилетиями традиции, обычаи и порядки. Но как часто бывает в таких случаях, события, несмотря на упорное сопротивление тех, кто пытался сохранить традиции, развертывались своим чередом.

Болтливая женщина

Находка на ферме «Де Кальк» притягивала все новых и новых искателей счастья. В районе реки Оранжевой в 1870 году проживала всего тысяча

жителей, которые рыли шурфы, просеивали речной песок, а затем промывали его в реке с помощью приспособления, похожего на большое блюдо. Встряхивая его, они освобождали породу от глины и песка и жадно смотрели на оставшиеся кристаллы кварца в надежде увидеть алмазы. Такие поиски продолжались недели и месяцы, но эта тяжелая работа не приносила никаких результатов.

Однажды в конце 1870 года один из таких неудачливых искателей проходил мимо фермы, принадлежавшей буру Ван Вику. Жена этого скупого на слова фермера была известна во всей округе своей болтливостью. Каждый, кто приближался к их дому, должен был выдержать словесный поток этой энергичной женщины. Чем охотнее он выслушивал ее, тем щедрее фермерша накрывала на стол.

Нашему старателю тоже пришлось выдержать это испытание. Он узнал все подробности о жизни обитателей фермы, все новости о соседях, поведала ему хозяйка также о своих домашних заботах: надо снова подправлять переднюю стену, потому что дождь постоянно размывает глину, из которой она сделана, и на ее поверхности остаются только маленькие сверкающие камешки, но и они постепенно отваливаются.

Во время разговора фермерша задумчиво вертела в своих натруженных руках один из камней, которые выкрошились из стены.

Гость сразу понял, что фермерша держит не что иное, как алмаз, который он так долго и безуспешно искал. Однако старатель сумел скрыть радостное возбуждение и как можно спокойнее проговорил:

— Может быть, попалась никудышная глина? Где вы ее брали?

— Да здесь, на краю большого оврага, за нашей фермой.

Вскоре гость ушел, а в сумерках вернулся с другими старателями к тому месту, недалеко от фермы, где ее обитатели брали глину. К своему величайшему удивлению, они увидели, что фермер и его жена лихорадочно копаются в земле. Заметив приближающихся людей, они прервали свое занятие. Разгорелся жаркий спор. Бур хотел прогнать пришельцев из своего владения. Но те не уступали. Каждый из них хотел иметь собственный участок. После долгих препирательств они наконец пришли к соглашению: фермер получал приличную сумму денег, а старатели продолжали поиски сокровищ.

Таким образом было обнаружено одно из самых крупных месторождений алмазов — Дютойтспен. Оно было названо по имени бывшего владельца фермы Абрахама Поля дю Тойта.

В начале 1871 года на ферме Балтфонтейн, расположенной поблизости от Дютойтспена, были открыты новые месторождения алмазов. В мае того же года недалеко от фермы, принадлежавшей братьям Де Бирс, было найдено еще одно месторождение.

Де Бирс продали ферму за 130 000 золотых марок. Новые владельцы разделили ее на участки, заработав на этом несколько сот тысяч марок. Имя прежних владельцев фермы осталось в названии самой крупной и могущественной алмазной монополии в мире, которая и в настоящее время безраздельно господствует на алмазном рынке капиталистического мира.

21 июля 1871 года почти случайно было сделано еще одно открытие. Уже известный нам Атерстон много раз обращал внимание старателей на группу холмов, поросших колючим кустарником. Но никто не хотел принимать всерьез его слова. Как-то охотник по фамилии Роустон сделал привал на одной из этих вершин. Он задумчиво брал камни и бросал их вниз. И вдруг что-то блеснуло! Роустон сразу понял, что это

алмаз. Охваченный азартом, он принялся копать землю и скоро нашел новые алмазы. В тот день Роустон обнаружил крупнейшее в мире месторождение алмазов. У копей Колесберга берут свое начало кимберлитовые рудники, названные так по имени расположенного недалеко алмазного города Кимберли, который вырос в глуши можно сказать за ночь.

В этом же году было открыто и месторождение в Коффифонтейне. За два года искатели счастья нашли еще шесть месторождений, что вызвало революцию в добыче алмазов.

Когда один из первых алмазов был показан в парламенте в Капштадте, секретарь по колониальным делам патетически воскликнул: «Господа! Это та скала, на которой покоится будущее процветание Южной Африки».

«Алмазный бум» имел значение не только для Южной Африки. Благодаря ему высокоразвитая алмазошлифовальная промышленность Европы, и прежде всего ее главный центр — Амстердам, получила невиданное количество необработанных алмазов. Никогда раньше в столь короткий срок из недр земли не добывалось такого количества драгоценных камней.

Поэтому первая половина 70-х годов прошлого столетия получила название «капские времена» ^[3] и вошла в историю как период необычайного подъема добычи алмазов. Для одних эти годы обернулись увлекательными приключениями, удачей и богатством, для других — нечеловеческим трудом, болезнями, смертью.

Большая драма калифорнийского Сакраменто повторилась под горячим солнцем на юге Африки.

«Алмазная лихорадка»

Сообщения о новых находках распространялись, как лесной пожар, о них моментально узнавали другие. Тот, кому повезло, по возвращении в лагерь старался не выдать возбуждения и радости, охвативших его, и все же его коллегам удавалось прнюхать об этом. Хотя трудности и лишения выработали в старателях дух товарищества, они держали себя по отношению друг к другу очень настороженно, тонко улавливали изменения в настроении, в поведении товарища. Возможно, именно этим объясняется, что так быстро распространялись известия о находке новых месторождений.

Охотник Роустон недолго наслаждался одиночеством на открытом им месторождении. Он сразу же предусмотрительно поставил на границе своего участка четыре столба, на которых написал свое имя. Ему пришлось изменить образ жизни — стать старателем. Но поскольку находка была очень перспективной, он сделал это с легким сердцем.

Но стоило ли охотнику так стремиться к жизни старателя? Конечно, она могла принести много приключений, а то и богатство. Но уже сам путь от побережья к негостеприимным рекам Ваалю и Оранжевой требовал в то время не только силы, выдержки и мужества, но и немалой суммы денег, так как лежал через горы, пустыни, реки. По бескрайним просторам приходилось передвигаться на повозках. В ту пору еще не было железнодорожного сообщения, расстояние от Капштадта до Кимберли составляло 1050 километров, а до Порт-Элизабет — 800 километров. Старатель должен был запастись всем необходимым: инструментом, едой, одеждой. Поэтому многие искатели приключений, которые вложили все свои сбережения в билет из Европы до мыса Доброй Надежды, были вынуждены наниматься рабочими к

какому-нибудь старателю, который успел уже скопить деньги.

В такого рода делах всегда требовались сильные рабочие руки, и поэтому с южноафриканского побережья на север в облаках желтой пыли тянулись караваны повозок, запряженных лошадьми, быками, мулами. Это было время «большой алмазной лихорадки», охватившей тысячи людей.

Однажды утром, вскоре после открытия месторождения в Кимберли, сюда прибыли десять старателей, которые первыми хотели захватить перспективные участки. К полудню их насчитывалось уже около 500 человек, а к вечеру — более тысячи. Не прошло и года, как в этой местности скопилось свыше 50 000 человек.

Повозки, запряженные лошадьми, быками и мулами, подвозили старателям снаряжение и провизию

Среди самых первых появились те старатели, которые многие месяцы безуспешно занимались поисками алмазов в отложениях рек Вааля и Оранжевой. Они были рады бросить работу, которую приходилось выполнять стоя в холодной воде. «Сухое старательство», т. е. просеивание глины, казалось им куда более приятным занятием. Но скоро они поняли, что просчитались. Здесь, на склоне горы, так надоевшая им вода была желанной. Жара превращала участки старателей в адское пекло, над их шурфами постоянно стояло плотное облако желтой пыли. Вокруг не росло ни кустика, ни деревца, в тени которых можно было бы спрятаться от палящего солнца.

Жажда становилась мучительной спутницей этих людей, которые в короткие моменты отдыха падали на песок в тени натянутой парусины, ища защиты от зноя. Вскоре с нечеловеческим усилием они поднимались на ноги, потому что их постоянно подгоняло время. Участки арендовались на месяц или на неделю, а затем перераспределялись заново. Чем тщательнее старатель перерывал за короткое время небольшой клочок земли, тем больше последний приносил прибыли. Если же участок независимо от причины в течение восьми дней не использовался, старатель терял на него право.

Очень высокими были расходы на питание, что также заставляло людей торопиться. Все необходимое в эту пустыню доставлялось издалека. Немногие фермы, расположенные вокруг, не могли прокормить 50 000 старателей. На этих фермах не хватало даже воды, чтобы напоить изнывавших от жажды людей. В палаточный городу тянулись вереницы запряженных быками повозок, которые за четыре-шесть недель доставляли продукты. Торговцы наживали на этом огромное состояние.

Но все эти трудности, сообщения о которых появлялись на страницах газет, не могли удержать

искателей приключений. «Алмазная лихорадка» охватывала все новых людей. Солидные люди бросали свои занятия и семьи. Ремесленники, крестьяне, врачи, адвокаты толпами отправлялись на поиски счастья.

В длительный поход с юга на север пускались и отъявленные спекулянты, воры, преступники, беглые заключенные. В палаточном городке возникали игорные заведения, варьете, дома терпимости. Для этих заведений строились первые деревянные здания. Лишь немногие наиболее удачливые старатели могли позволить себе роскошь жить в бараках. Немощные улицы поселка вели прямо к алмазным месторождениям.

Кожаное ведро с шампанским

Поздно вечером длинные колонны голодных и страдающих от жажды людей появлялись в полотняном и деревянном городке. Некоторые, полумертвые от усталости, валялись на нары, по было и немало таких, которые старались забыть тяготы и мучения трудового дня в кругу своих товарищей по несчастью. За пивом и водкой они болтали о своих успехах и неудачах. В алкогольном угаре многие строили из себя героев, хотя, может быть, в действительности их в этот день постигло разочарование. Некоронованными королями таких вечеров были те, кто нашел один (более или менее крупный) или несколько алмазов. Они оказывались в центре внимания: слушатели с раскрытыми ртами жадно ловили каждое их слово.

Но были и скептики: они отпускали критические замечания и высмеивали рассказчика. Это заставляло последнего придумывать новые подробности. Возникла словесная перепалка. И тогда в ход шли

пивные кружки, стулья, другая мебель. Люди наносили друг другу увечья. Иногда все это заканчивалось перестрелкой.

Старатели использовали в своей работе несложные механизмы

Нередко случалось, что счастливчик, продав свою находку перекупщику, приглашал своих друзей и знакомых, а то и всех старателей в кабак и за один вечер тратил все деньги, добытые с таким трудом.

Рассказывают, что в эпоху пионеров в Кимберли некоторые старатели, празднуя по поводу своей находки, заказывали полные ведра шампанского — те самые ведра, в которых днем они носили породу.

В те времена процветала спекуляция. Так же как в период «золотой лихорадки» на других континентах, спекулянты устремлялись в районы добычи алмазов, где их ждали большие барыши. Очень прибыльной была торговля алмазоносными участками.

Скоро искателям алмазов пришлось выбрать комитет, который осуществлял самоуправление и правосудие, разбирал различные спорные случаи, которых было немало.

Вновь прибывшие старатели требовали, чтобы им разрешали копать в районе Кимберли. Поэтому комитет разделил это месторождение на 430 прямоугольных участков каждый площадью 84 квадратных метра. Очень скоро размер участков пришлось уменьшить, потому что их владельцы должны были иметь еще и подход к своему участку.

Комитет строго следил за тем, чтобы ни у кого не было больше двух участков, однако владельцам разрешалось делить свои участки или привлекать компаньонов. Уже в первый год насчитывалось 1600 прямых владельцев, которым принадлежало 38 000 квадратных метров земли. Некоторым доставалась лишь одна шестнадцатая часть всего участка.

Неотъемлемой частью всего этого являлась, конечно, биржа, которая сначала временно располагалась в деревянном бараке, где каждый день земельные участки меняли хозяев.

Основная цена за участок, которую взимал комитет старателей, не играла на бирже никакой роли. Здесь имели значение спрос и предложение, а также фактическая или предполагаемая добыча алмазов на участке.

Тонкая уловка

Когда новичок Джон Хартли, бывший в Англии квалифицированным юристом, прибыл на месторождение алмазов, он расстался со значительной частью своих денег, но зато получил хороший урок.

Человек, с которым Хартли сторговался, сказал, что уступает ему богатый участок. Обрадованный англичанин отправился туда со своим снаряжением. Проходили дни и недели, но он нашел не больше своих соседей, у которых были такие же участки, — несколько до смешного маленьких камешков. Опытные старатели, как-то проходившие мимо его участка, сказали Хартли, что его просто-напросто надули. Надежды на быстрое обогащение не оправдались.

В этот период широкое распространение получил так называемый кантин-раш. Это был особый, ловкий и весьма прибыльный прием спекуляции участками в алмазонасных районах. Заезжие торговцы «начиняли» землю несколькими маленькими алмазами и распространяли слухи о богатой находке. Такие новички, как Джон Хартли, тратили все свои сбережения, и часто им приходилось начинать все сначала. Впрочем, иногда на эту уловку попадались и опытные старатели.

Особенно сильно поднимались цены на участки, где более или менее регулярно находили драгоценные камни и прибыль считалась обеспеченной. Это относилось прежде всего к месторождению Кимберли. Первоначально цена одного участка составляла 10 шиллингов в месяц, через год она поднялась до 100 фунтов, а еще через 10 лет за него платили 10-15 тысяч фунтов. Но и это далеко еще не было окончательной ценой.

По вине искателей алмазов, хотя они и не сознавали этого, появилась другая трудность, которая повлекла за собой тяжелые последствия. Подходы к отдельным участкам все больше загромождались горами земли. Они возникли из-за того, что старатели каждый день все глубже вгрызались в землю. Многие из них достигали глубины 10, 15, 20 или даже 30 метров.

Немало старателей было заживо погребено под осыпавшимися камнями и глиной.

«Голубая земля» — первичная порода, содержащая алмазы, — покрыта мощным, двадцатиметровым слоем грязи, песка, камней. Из этой массы так называемой «желтой земли» и состояли отвалы, разделявшие участки старателей. По отвалам алмазоискатели каждый день добирались до своих участков, неся тяжелые инструменты. Но порода долго не выдерживала постоянной нагрузки: число обвалов и несчастных случаев увеличивалось.

Однажды в январе 1872 года старателей постигло большое несчастье, которого они опасались уже давно. После сильного ненастья обрушилась большая часть отвалов и старательских шурфов. Никто не знал точного числа жертв. Поговаривали о том, что погибло несколько десятков белых и в два раза больше африканцев, которые использовались на приисках в качестве дешевой рабочей силы. Отчаяние по поводу того, что пошли прахом месяцы тяжелой работы, было сильнее, чем скорбь по погибшим.

Суровая жизнь закалила старателей, приучила их не падать духом. Почти ежедневно и даже ежечасно эти люди рисковали своей жизнью. Они собрались с силами и снова взялись за работу. Многие были убеждены, что необходимо действовать сообща. Это касалось прежде всего устранения последствий катастрофы. Вынуждали их к этому и все более ухудшавшиеся условия труда.

Месяц за месяцем углублялись и расширялись шурфы. Участились прорывы подземных вод, а края выработок продолжали обрушиваться. Чтобы уменьшить риск и разделить финансовые и трудовые тяготы, люди стали объединяться в артели.

Положение, в соответствии с которым каждый старатель мог иметь не более двух участков,

препятствовало организации таких артелей, поэтому в 1874 году оно было отменено.

Комитет старателей был превращен в официальную организацию — Комиссию по защите интересов старателей, в которой работали опытные горные инженеры. Каждый владелец участка должен был платить взносы в эту комиссию, которая, в свою очередь, брала на себя контроль за техническим состоянием разработок.

«Паутина» в Кимберли

Но все эти меры не смогли уберечь старателей от новых катастроф, подобных той, которая произошла в 1872 году. Главной причиной были примитивные методы работы. Настало время найти другие меры безопасности, потому что отвалы породы, образующие границы между участками, уже сами представляли опасность.

Сегодня невозможно установить, кто придумал поднимать породу с помощью системы тросов. Во всяком случае, эта система, которую образно называли «паутиной из тросов», внесла решительные изменения в технику горных разработок в Кимберли. Огромная сеть раскинулась над всем прииском: каждый владелец участка имел свою веревку, которая вела к краю шурфа. На пеньковую веревку, стальной трос или кожаный ремень подвешивались металлические или кожаные ведра, а то и корзины.

Благодаря этому новшеству значительно облегчилась транспортировка породы из выработки и доставка старателей к месту работы и обратно. На краю участков были построены трехъярусные помосты с системой блоков, через которые проходили канаты.

Благодаря этому владельцы отдельных участков не мешали друг другу. За помостами были установлены колеса. Иногда, чтобы привести их в действие, использовался традиционный тягловый скот: мулы, ослы, лошади, быки. Но, как правило, здесь работали африканцы, содержание которых обходилось намного дешевле, чем содержание тяглового скота.

Переплетение тросов, ведер, корзин создавало при свете луны (работы не прекращались и ночью) таинственную картину. Скрип канатов смешивался с громкими командами рабочих, стоявших на помостах, и с шумом земляных работ. Все это звучало в ушах искателей алмазов и во время короткого беспокойного сна, являясь таким же неотъемлемым спутником их жизни, как и постоянная жажда.

Эти новшества просуществовали недолго. Правда, промежуточные стены перестали обваливаться, потому что их уже не было. Те, кто следил за горными работами, предупреждали и другие несчастные случаи. Труд старателей, которые метр за метром углублялись в грунт, был нерентабельным. Поэтому неудивительно, что в конце концов добычу алмазов взяла на себя крупная организация, располагающая значительными капиталами.

Финансовый капитал, который все более активно распространял свои колониальные интересы на Южную Африку, предпринял попытку поставить под контроль и добычу алмазов, отняв ее у многочисленных мелких предпринимателей и старателей. С этой целью Англия «приобрела» в 1875 году за 2 миллиона золотых марок месторождение алмазов, найденное на месте фермы «Де Бирс». Тем самым она получила возможность оказывать все возрастающее влияние на добычу алмазов в этом районе.

В конце XVII века Англия приступила к захвату Южной Африки. Между бурскими и английскими

колонизаторами завязалась ожесточенная борьба за господство в этой части Африканского континента. Учитывая большое стратегическое значение Капской колонии, Англия в 1795 году аннексировала ее, но по условиям подписанного с Францией в 1802 г. Амьенского мира принуждена была вернуть Голландии. В 1806 году Англия вторично аннексировала Капскую колонию. Международный Венский конгресс 1814-1815 годов, созванный после разгрома наполеоновской империи, признал эту колонию владением Англии.

Здесь был установлен колониальный режим со всеми его атрибутами, налогами, податями, законами. Высшим представителем британской короны был губернатор. Колониализм буров должен был подчиниться британскому колониализму.

Буры хотели сохранить свою независимость. В 30-х и 40-х годах многие из них, теснимые англичанами, покинули Капскую колонию. Сотни телег, запряженных быками, устремились в районы, расположенные между реками Оранжевой, Ваалем и Лимпопо. Захватывая эти земли, буры вели вооруженную борьбу против африканских племен, оказывавших ожесточенное сопротивление.

В 1843 году Англия аннексировала территорию Наталя. К этому времени буры колонизовали обширную территорию к северу от реки Оранжевой. В 1852 году Англия признала независимость основанной ими республики Трансвааль, а двумя годами позже — республики Оранжевое Свободное Государство.

Открытие алмазных месторождений на территории Оранжевого Свободного Государства способствовало усилению английской экспансии. 7 ноября 1871 года англичане присоединили Западный Грикваленд, где расположено Кимберли, к своей колонии. Это было сделано, как лицемерно говорилось в одном из английских заявлении, по требованию пробритански

настроенной части населения города, для того чтобы навести порядок среди «добытчиков алмазов».

Бурские республики могли ответить на этот шаг могущественного в тот период британского колониализма лишь формальным протестом.

По это была только прелюдия к последующим ожесточенным столкновениям, которые затронули интересы и других европейских колониальных держав.

Лишь в одном буры и англичане были всегда едины — в подавлении, эксплуатации африканского населения и изгнании его с земель, исконно принадлежавших ему. При этом противники на время забывали свои острые противоречия — у тех и у других верх брали жажда собственности, колониальное высокомерие и глубоко укоренившееся чувство расового превосходства.

Этим объясняется сложность и противоречивость событий, которые происходили во второй половине прошлого века в Южной Африке и которые так тесно связаны с алмазами.

Интриги и войны из-за драгоценных камней имеют еще более давнюю историю. Знакомство с ней помогает лучше понять, почему борьба за южноафриканские минеральные богатства приобрела в дальнейшем такую остроту. Вокруг крупнейших из известных нам алмазов возникло множество легенд. С одним из самых известных бриллиантов, «Кохинор», в Индии связаны многочисленные истории, переходившие из поколения в поколение. На протяжении столетий драгоценные камни, золото и серебро играли в этой стране важную роль при дворах различных феодальных династий. Особенно это относится к мрачному периоду правления индийской династии Великих Моголов.

Война, интриги, смерть

В стране бриллиантов

Весть о грабежах и пожарах, которые несли воины персидского правителя Надир-шаха, намного обогнала его войска, продвигавшиеся в глубь Индии. Люди, охваченные ужасом, искали убежища в горах. Некоторые наиболее отчаянные считали, что дикие звери в джунглях для них менее опасны, чем наступающие полчища.

Армия персов стремительно продвигалась к столице государства Великих Моголов — Дели. Города Кабул и Лахор уже пали. Остатки индийской армии были разбиты у Панипата. Несмотря на поражение, Мухаммад-шаху удалось договориться с персидским царем, что войска последнего войдут в Дели без кровопролития.

Персов поразило богатство этого города. Их глазам предстали богато украшенные храмы, дворцы, мечети, на стенах которых сверкали тысячи драгоценных камней — рубинов, изумрудов, сапфиров, бриллиантов. В них отражались лучи тропического солнца, что вызывало ни с чем не сравнимую игру света и красок.

Даже Надир-шах, избалованный роскошью и блеском своего двора, не мог оторвать взгляд от чудесных переливов драгоценных камней. Но знаменитого алмаза «Кохинор», окруженного легендами, ему до сих пор еще не удавалось найти. Тайну он узнал от женщины из гарема Мухаммад-шаха: последний постоянно носит этот камень в своей чалме.

Персидский завоеватель пошел на маленькую хитрость, чтобы завладеть «Кохинором». Он предложил

Мухаммад-шаху в знак взаимного уважения и доверия обменяться головными уборами. Индийскому правителю не оставалось ничего другого, как пойти на это, и таким образом он лишился своего камня. Надир-шах вынул из чалмы бриллиант и восхищенно воскликнул: «Кохинор — гора света!»

Есть и другая версия этой истории. В соответствии с ней персидский правитель обошелся без всяких хитростей. Дели был разграблен, его жители стали жертвами разбоя и убийств, чинимых воинами Надир-шаха. Золото, серебро, драгоценные камни похищались из дворцов, их выламывали из стен и сводов. Улицы города были усеяны телами убитых, как «сад опавшими листьями». Дели был сожжен, осталась лишь дымящаяся пустыня с торчащими кое-где каменными стенами. Некогда процветающий город превратился в груды развалин, покрытых пеплом. Воины персидского правителя возвращались домой с богатой добычей, а в багаже их военачальника находился «Кохинор». Камень в который раз сменил своего владельца.

В преданиях индийцев он упоминался уже пять тысяч лет назад. В XIV веке сведения о «Кохиноре» появились снова. Султан Дели Ала-уд-дин Хилджи захватил его во время похода в Северный Карнатик и привез в Дели. Вес камня составлял в то время, по одним данным, 672 карата, по другим — 793 карата. Позже его обработали еще раз, в результате чего он потерял 290 каратов.

После падения империи Надир-шаха «Кохинор» перешел во владение махараджи Раджнт Сингха, а после заката государства сикхов бесценный камень удалось «приобрести» Ост-Индской компании. В 1850 году его наконец поместили в сокровищницу английских королей.

По повелению английской королевы Виктории камень еще раз огранили. Вес камня опять уменьшился.

Сегодня «Кохинор» весит «только» 108,93 карата, но сам камень еще более поражает блеском и игрой света. Его цена также значительно поднялась: в 1959 году он оценивался в 700 000 долларов.

История «Кохинора» — лишь один пример весьма изменчивой судьбы крупных драгоценных камней из классической страны алмазов — Индии, где, весьма вероятно, были добыты первые алмазы.

На протяжении столетий, а может быть и тысячелетий, работали старатели в водах индийских рек. Известия об открытии первых индийских алмазов теряются в полной крутых поворотов истории ранних феодальных государств с их блистательным подъемом, расцветом и распадом. Алмазы и другие драгоценные камни играют большую роль в индийской мифологии. Их колыбелью, по преданиям древних индийцев, был огромный массив Гималаев. Даже происхождение жемчуга приписывалось таинственным подземным силам. До сегодняшнего времени сохранились предания о начале добычи индийских алмазов, некоторые из них кажутся достоверными, а другие сомнительными.

Примерно за 600–800 лет до нашей эры в Индии были найдены первые алмазы. Как позднее в Южной Африке, алмазы здесь были обнаружены прежде всего в речных отложениях. На берегах Пеннару, Кришны, Годавари, Маханади и многочисленных притоках Ганга, возможно, трудились тысячи старателей. При помощи деревянного блюда они промывали породу, чтобы отделить драгоценные камни.

Неизвестно, сколько алмазов, рубинов, сапфиров и других драгоценных камней было найдено в те времена. О масштабах добычи этих камней можно судить по историческим сообщениям и преданиям, в которых говорится о том, что древнеиндийские дворцы и храмы были богато украшены этими камнями. Некоторые из этих исторических построек сохранились

до сегодняшнего дня и дают наглядное представление о высоком уровне культуры в древней Индии.

Благодаря большому интересу мореплавателя Марко Поло к культуре народов Азии можно проследить, как развивалась добыча алмазов в долинах индийских рек начиная с XII века. Подобные сведения встречаются в путевых записках других путешественников.

Разработка крупных алмазных месторождений началась в Индии с XVI века. В 70-х годах XVII века поездку по районам добычи алмазов в Индии совершил французский торговец драгоценными камнями Тавернье. Он увидел, как под невыносимо жарким солнцем тысячи людей, подобно муравьям, копошились на этой каменистой местности: дробили камни, сортировали их, просеивали, каждую секунду ожидая удара надсмотрщика. По предположениям Тавернье, в середине XVII века около 60 000 человек занималось добычей драгоценных камней. Конечно, можно сомневаться в точности этой цифры. Но достоверно, что уже в раннее средневековье почти все алмазы и большая часть других драгоценных камней добывались в Индии или в других азиатских странах.

Из литературных источников древнего Китая также явствует, что нам были известны алмазы, которые служили украшениями или использовались в качестве инструментов.

Разграбление Дели персидским правителем не было единичным случаем. В ходе военных действий украшения, золото и драгоценные камни часто становились добычей. Это было связано не только с жадной роскошью, присущей феодальным дворам. Они составляли важное средство обмена и платежа, на них можно было в необходимых случаях купить лошадей, верблюдов, слонов, корабли, повозки, носильщиков. Обладателем огромного количества алмазов чистой

воды был гуридский султан Гийас-уд-дин Мухаммад, брат которого Шихаб-уд-дин Мухаммад завоевал значительную часть Индии.

В средние века между Азией и Европой велась оживленная торговля алмазами. Один торговый путь проходил через Пенджаб, перевалы Гиндукуша. Базары Ближнего Востока являлись важнейшими перевалочными центрами. Чем дальше от места добычи драгоценных камней, тем выше поднималась их стоимость, тем больше товаров требовалось обменять для того, чтобы приобрести их.

Другой торговый путь — морской — соединял индийские города, расположенные на побережье Индийского океана, с Аравией. Здесь начинался долгий, иногда длившийся несколько месяцев путь караванов верблюдов через пустыню, которые наряду с пряностями, особенно ценившимися в Европе, везли золото и драгоценные камни.

Десятки тысяч этих камней достигали описанными выше путями места назначения, оседали в сокровищницах того или иного феодала или были обработаны, чтобы своим блеском и великолепием украсить кольца, броши, колье, пряжки, застежки или подвески.

С некоторыми из этих камней связаны истории, на протяжении веков передававшиеся из уст в уста и обраставшие легендами. Многие из них были преданы забвению, но те, которые касались самых крупных на земле камней, сохранились в памяти людей.

Мы уже познакомились с историей знаменитого «Кохинора», теперь расскажем несколько эпизодов из истории других крупных камней.

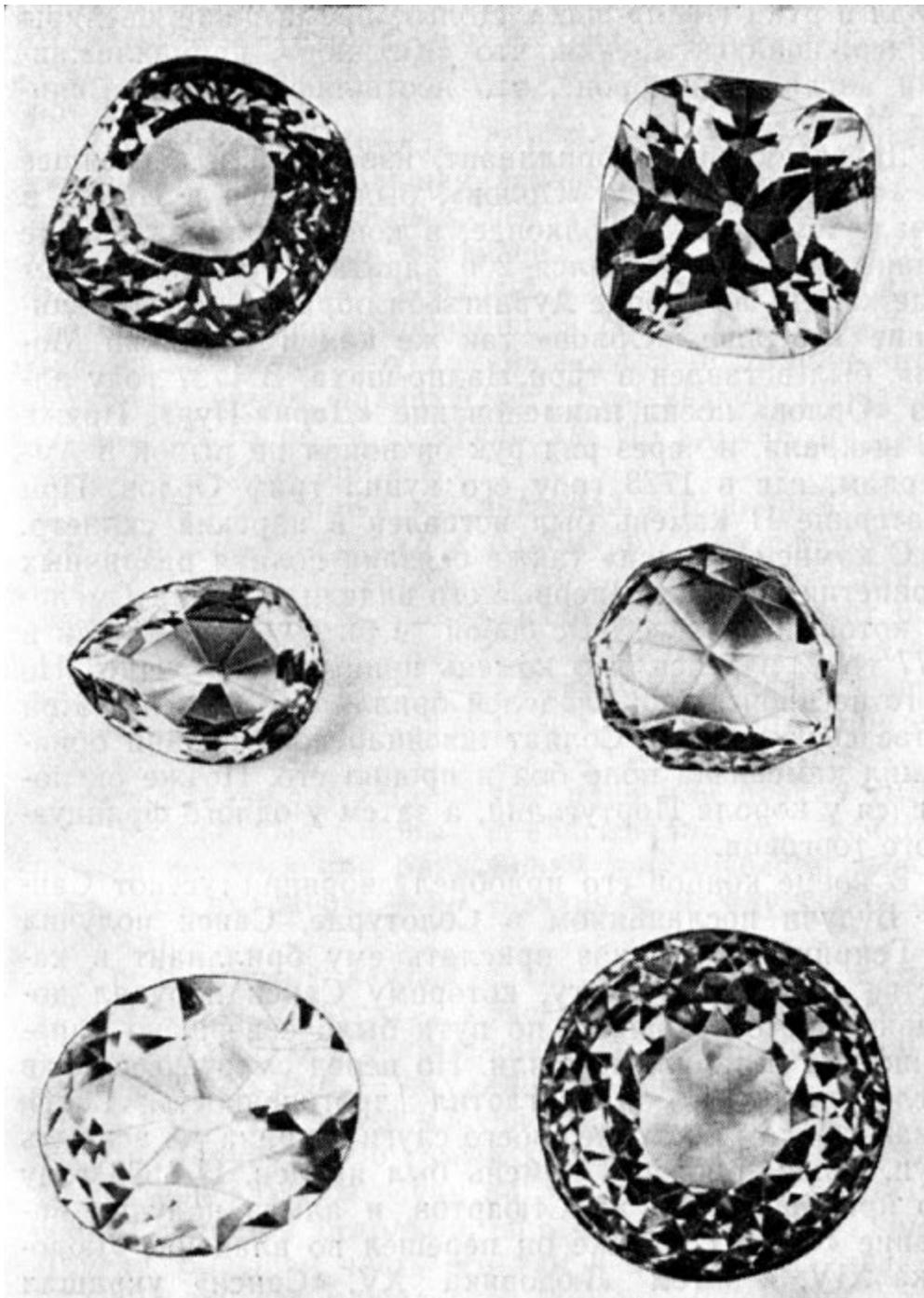
«Великий Могол» и другие бриллианты

Так называемый «Великий Могол» наряду с «Кохинором» является старейшим драгоценным камнем. Когда его нашли, он, по-видимому, был размером с шарик для настольного тенниса, до шлифовки он весил 800 каратов, а после — около 279 каратов.

«Великий Могол», как говорят предания, это камень, на котором остались следы кровавых интриг правителей империи Великих Моголов. Близкие родственники — братья и сестры, дети и родители — стали по вине этого камня участниками непримиримой вражды и кровавых схваток. Сам он был найден в 1640 году в Голконде.

Французский ювелир Тавернье утверждал в своих путевых заметках об Индии, что он лично видел алмаз «Великий Могол» 1 ноября 1665 года в царской сокровищнице. После разграбления Дели камень, видимо, попал в руки Надир-шаха. Долгое время даже ювелиры придерживались мнения, что «Кохинор», принадлежавший английской короне, это неотшлифованный «Великий Могол».

Другой крупный бриллиант, известный в настоящее время под названием «Орлов», был найден в Индии в начале XVI века в Голконде, в коях Коллура. После огранки вес его равнялся 200 каратам. Именно в этом виде камень во дворце Аурангзеба обратил на себя внимание Тавернье. «Орлов» так же как и «Великий Могол», был вставлен в трон Надир-шаха. В 1737 году алмаз «Орлов» носил наименование «Дериа-Нур». Позже его выкрали, и через ряд рук он попал на рынок в Амстердам, где в 1773 году его купил граф Орлов. При Екатерине II камень был вставлен в царский скипетр.

Некоторые из самых знаменитых бриллиантов. Верхний ряд: «Орлов» и «Регент», или «Пит». Средний ряд: «Куллинан» (один из камней коллекции) и «Флорентинец». Нижний ряд: «Кохинор» и «Великий Могол»

С камнем «Санси» также связана полная различных перипетий история. Впервые его видели у Карла Смелого, который взял его с собой в битву при Нанси в 1477 году, надеясь, что камень принесет ему успех. Но этого не произошло: владелец бриллианта нашел в этой битве свою смерть. Солдат швейцарской гвардии обнаружил камень на поле боя и пропил его. Позже он появился у короля Португалии, а затем у одного французского торговца.

В конце концов его приобрел дворянин-гугенот Санси. Будучи посланником в Солотурне, Санси получил от Генриха III приказ прислать ему бриллиант в качестве залога. На слугу, которому Санси поручил доставить камень королю, по пути было совершено нападение, его ограбили и убили. Но перед смертью, собрав последние силы, он проглотил драгоценность. Санси узнал об этом поступке своего слуги и приказал вскрыть труп. Таким образом, камень был найден. В 1688 году его приобрел один из Стюартов, и алмаз получил название «Санси». Позже он перешел во владение Людовика XIV, а затем Людовика XV. «Санси» украшал последнего во время коронации. В конце концов он попал в Россию.

Как гласит предание, в течение столетий проклятие лежало на бриллианте «Надежда», который приносил своим владельцам только несчастье. Очень давно он был глазом статуи индийского бога Рамы. Существовало поверье, что всякого, кто овладеет этим камнем, ждут болезни, гонения, бесчестие и в конце концов неотвратимая смерть! И все же находились все новые авантюристы, которые овладевали бриллиантом, невзирая на проклятие.

Тавернье увез бриллиант в Европу. Смерть путешественника, последовавшая вскоре за этим, была явлением скорее нормальным, чем таинственным: ведь ему было 80 лет. Другой владелец камня умер в тюрьме.

Бриллиант приобрел Людовик XIV, который подарил его одной из своих любовниц, и скоро та потеряла его благосклонность. Этот камень носила и Мария-Антуанетта. Во время французской буржуазной революции 1789–1794 годов ее обезглавили. Но камень, разумеется, здесь был ни при чем.

Позднее его приобрел английский банкир Хоуп. Затем бриллиант перешел к одному русскому князю. Его владельцами были также султан, актриса, газетный издатель, нефтяной магнат. Сейчас он принадлежит богатому американскому ювелиру Винстону. Иногда этот камень демонстрируется на больших выставках драгоценностей и во время так называемых благотворительных мероприятий.

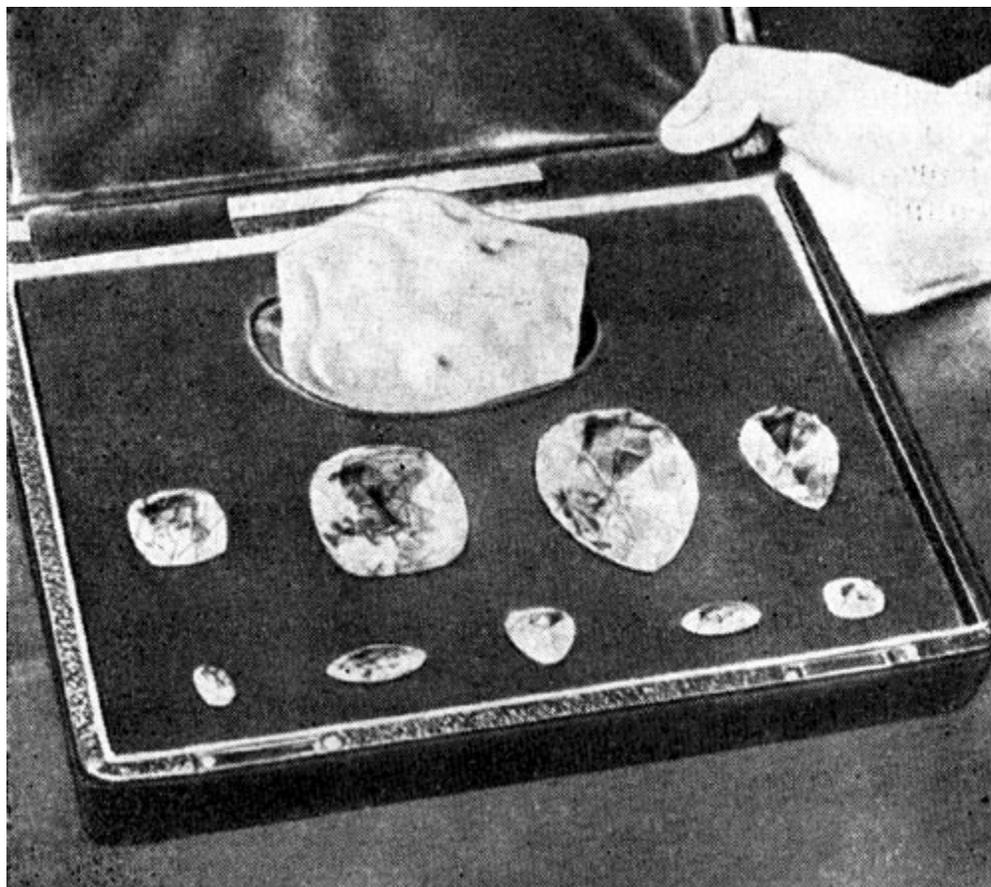
Все владельцы «Надежды» рано или поздно умирали. Легковерные головы приписывали это действию проклятия, хотя при ближайшем рассмотрении выяснилось, что их смерть — не связанные между собой случайности.

Среди многих камней с «историей» можно назвать «Империял», «Нассау», «Эксельсиор», «Флорентинец», «Юбилей», «Шах». Упоминания заслуживает и один современный камень — «Куллинан», — который был найден в Южной Африке на участке, принадлежавшем Томасу Куллинану. Это самый крупный из всех известных до сих пор алмазов. Судя по линии разлома, он, несомненно, является осколком еще более крупного камня. Другая, большая часть его так и не была найдена.

Считают, что нашел этот камень Фредерик Уэллс. Но камень получил имя владельца участка. Вес камня составлял 3106 каратов. Он был столь велик, что его пришлось сначала расколоть, чтобы приступить к огранке.

В одной из амстердамских гранильных мастерских проделали тончайшую работу, в результате которой

невзрачный алмаз превратился в девять больших и 96 маленьких бриллиантов — одну из самых дорогих в мире коллекций драгоценных камней.

«Куллинан» превращен в девять крупных бриллиантов

Правительство Трансвааля приобрело «Куллинан» за 11 миллионов фунтов стерлингов. Английский король Эдуард VII получил его в подарок к дню рождения. «Куллинан I» в 530 каратов стал основным украшением скипетра, а «Куллинан II» в 317 каратов был вставлен в корону английских королей. Оба камня являлись в то время самыми крупными обработанными алмазами.

Истории, связанные с «Куллинаном», подтверждают всем известный факт, что драгоценные камни, и

особенно алмазы, только благодаря искусству гранильщиков получают лучистый блеск, становятся симфонией света и красок, которые с давних пор приводили в восторг Людей, и прежде всего прекрасный пол.

Приобретение украшений из драгоценных камней часто сопровождается обманом и мошенничеством. Нередко эти украшения фигурируют в судебных процессах. Причем в последние вовлечены люди, которых трудно заподозрить в том, что они занимаются торговлей драгоценностями.

Удивление архивариуса

В конце 1538 года архивариус города Аугсбурга Якоб Михельсен занимался тем, что приводил в порядок судебные акты, которые надлежало сдать на хранение в архив. Просматривая акт № 105, он обратил внимание на то, что торговый дом Ханса Вельзера стал заниматься алмазами и при этом сразу же затеял судебный процесс.

Якоб Михельсен углубился в чтение документов и узнал из них, что это был иск фирмы Кристофа Херварта из Лиссабона, в котором участвовал и торговый дом Вельзера. В приложении описывался бриллиант, который был продан за 2100 дукатов некоему Иорису Фесслеру из Антверпена. Этот алмаз, как узнал любознательный архивариус, после обработки потерял 11,5 карата и был продан новому хозяину. Несмотря на то что к этому времени он весил только 5 каратов, за камень была уплачена большая сумма.

Но Якоб Михельсен удивлялся не столько стоимости камня, сколько тому, что дом Вельзера занимался торговлей драгоценными камнями и даже имел

собственную гранильную мастерскую. Это было не совсем обычное открытие, которое позднее отмечали и другие исследователи, изучавшие историю благородных камней.

Тремя десятилетиями раньше почти незаметно занималось торговлей драгоценными камнями еще более крупное предприятие — торговый дом Фуггера, который при этом наживал огромные богатства. В канцелярии Максимилиана I имеется запись о покупке алмаза стоимостью 10 000 гульденов из коллекции Фуггера. Торговый дом не только снабжал императора «Священной Римской империи германской нации», как Максимилиан I официально именовал себя с 1508 года, драгоценными камнями, но и оплачивал почти все его расходы. За 100 000 гульденов — фантастическую для того времени сумму, которую Фуггер ссудил Максимилиану, — этот крупный феодал приобрел императорский трон. Взамен торговый дом получил неограниченные права на разработку серебряных и медных рудников в Тироле, приносящих значительную прибыль. Господствующая позиция в горнорудной промышленности помогала Фуггеру оказывать влияние на торговлю драгоценными камнями в Германии и в Северной Италии.

Как мы уже говорили, искусство обработки алмазов родилось не в Европе, а в странах Азин.

У многих народов долгое время существовало поверье, что, если драгоценные камни подвергнуть обработке, магическая сила их пропадет. Поэтому первоначально их использовали для обработки других, относительно более «мягких» материалов. В связи с этим нелишне будет дать несколько пояснений об основных свойствах «царя камней».

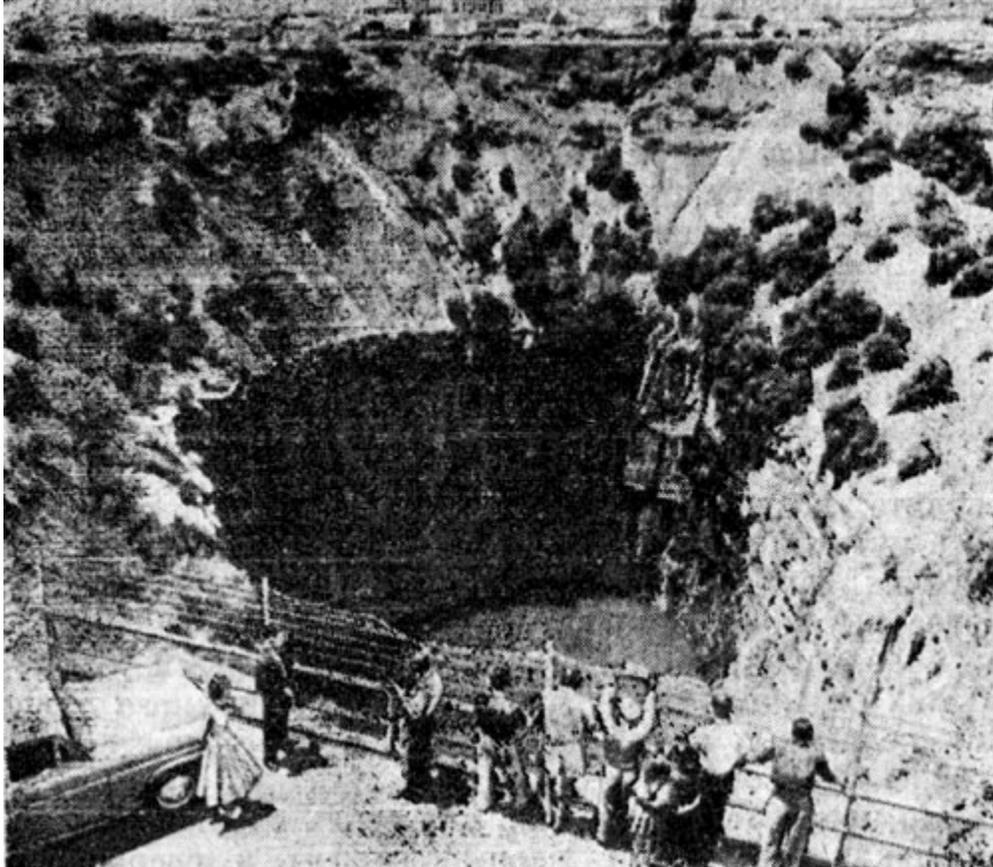
Сверхтвердый инструмент

С тех пор как человечество узнало об алмазах, оно не перестает удивляться их необычайной твердости. Как можно судить по сообщениям, относящимся к самым различным эпохам, люди не могли объяснить это необычайное свойство алмазов. Они не знали происхождения алмазов, их природы, хотя многое о них уже было известно.

В одной из древних индийских книг, относящихся к эпохе Маурьев (IV–II вв. до н. э.), сообщалось, что алмазом можно резать многие материалы и обрабатывать другие драгоценные камни. В книге подчеркивалось, что знанием об этих свойствах алмаза должны обладать ученые, поэты, служащие, торговцы.

В китайской литературе времен династии Поздняя Хань упоминается сверлильный и граверный инструмент (кун-ву). С помощью алмаза, закрепленного в металлическом держателе, сверлили жемчужины и фарфор, резали и гравировали нефрит.

Хотя человечество уже более двух тысячелетий использует такое качество алмаза, как твердость, лишь в последние сто лет удалось дать научное объяснение этому явлению.

«Трубка» в Кимберли, из которой усилиями старателей вынута алмазоносная порода, сегодня лишь одна из достопримечательностей, которая привлекает туристов

Ученые до сих пор спорят о том, как рождаются алмазы. Считается, что «голубая земля», особая голубоватая или зеленоватая порода — кимберлит, имеет магматическое происхождение. Из глубин земли ближе к поверхности ее вынесли мощные извержения. Гигантские трубообразные отверстия, своего рода вулканические жерла, заполненные кимберлитом, называются «кимберлитовыми трубками» или неками. Они образовались в результате грандиозных взрывов, превосходящих по своей мощи известные нам страшные взрывы вулканов. Буровые скважины до 5 километров

глубины показали, что состав «трубок» остается однородным и неизменным. По-видимому, источник взрыва находился на глубине не менее 10 километров. Бесспорно, что взрывы, пробившие такую колоссальную толщу пород, связаны с катастрофами огромного масштаба.

Пылающая расплавленная масса, медленно застывая, образовала толстый каменный слой, который, подобно бутылочной пробке, закупорил выходное отверстие «трубки». Новые извержения давили со все возрастающей силой вверх до тех пор, пока каменная пробка не растрескалась: масса лавы вышла на поверхность земли.

Свидетельством этого процесса и являются «трубки», которых в одной только Южной Африке насчитывается несколько сотен. Их диаметр — от 1 до 100 метров.

То обстоятельство, что алмазы встречаются в кимберлите, позволяет сделать вывод, что они образовались путем кристаллизации в глубине земли при очень высоких давлениях — свыше миллиона атмосфер и не менее высокой температуре — 1200-1500 градусов в расплавленной массе, бедной кремнекислыми солями. В этих огненных печах и резервуарах огромного давления, созданных самой природой, и зарождаются кристаллы алмазов.

Не поразительно ли, что два столь различных минерала, как невзрачный черный графит и сверкающий прозрачный алмаз, состоят из одних и тех же атомов углерода! Алмаз и графит — это кристаллы углерода. Если кристаллические решетки из атомов углерода построены по одному образцу, они образуют прозрачные кристаллы алмаза. Но если те же атомы углерода располагаются по-другому, то получаются мелкие черные непрозрачные кристаллы графита — одного из самых мягких минералов. Два совершенно

различных вещества, а построены из одних и тех же атомов, и разница между ними — только в их различной структуре.

Волшебство кристаллов и искусство огранки

Все найденные алмазы являются кристаллами или обломками кристаллов, грани, углы, поверхности которых расположены четко по законам симметрии.

Преобладающей формой кристалла алмаза является октаэдр. Эта форма встречается у южноафриканских и индийских алмазов. Существует и другая кристаллическая форма — ромбоводенаэдр. Она присуща прежде всего бразильским алмазам. Кристаллы алмаза могут быть гексаоктаэдрами, реже — комбинациями перечисленных форм с выпуклыми и криволинейными ребрами. Иногда алмаз имеет плоские грани, ограниченные прямоугольными ребрами.

Именно структурой кристалла алмаза объясняются его необычные свойства, такие, как очень высокая твердость, бесцветность, большая устойчивость против кислот и щелочей, незначительное тепловое расширение, малая электропроводность, зеленовато-синее свечение в ультрафиолетовых лучах, ярко выраженная способность раскалываться в направлении, параллельном плоскости октаэдра.

Но как же можно обрабатывать самый твердый из всех камней? Как придать камню наиболее выигрышную форму? Как отполировать его часто матовую поверхность таким образом, чтобы свет волшебным образом играл, отражаясь в его гранях? Лишь с помощью одного камня можно было одолеть непобедимый адамас, и этим камнем был сам «царь камней».

Именно древние индийцы первыми стали использовать один алмаз для обработки другого, для придания ему нужной формы.

Небольшие частицы, откалывавшиеся при этом, так называемый «борт», использовались затем для шлифовки и полировки поверхностей алмаза. Вначале алмазы обрабатывали вручную с помощью самых примитивных технических средств.

В качестве амулетов, охранявших от болезней и злых духов, индийцы носили на шее цепи и шнуры с нанизанными на них просверленными алмазами. Такой амулет отец иногда передавал своему самому любимому сыну, который пытался просверлить второе отверстие рядом с первым. Чем больше отверстий было у бриллианта, тем большую ценность он представлял для его владельца. При приближении неприятеля предписывалось закопать амулет в землю, чтобы он не попал в их руки.

Позже индийцы приложили много усилий, чтобы научиться устранять дефекты драгоценных камней. Алмазы обрабатывали с помощью круга из железного дерева, на который насыпали алмазный порошок. Однако в те далекие времена огранка алмазов не получила широкого распространения.

Еще и сейчас нет единого мнения о происхождении и распространении этого ремесла. Наряду с Индией называют также Италию, Францию, Южную Германию, Фландрию. Не раз в истории человечества в самых различных районах рождались одинаковые идеи, одинаковое стремление к красоте.

Интенсивная обработка алмазов в Европе началась в Венеции, Париже, Антверпене, Брюгге, где на протяжении длительного времени занимались изготовлением украшений из драгоценных камней. Южнонемецкие города Аугсбург, Нюрнберг, Идар-Оберштейн уже в XV веке славились обработкой агата.

Из всех тех историй, которые рассказываются об изобретении машинной огранки алмазов, наиболее правдоподобной нам кажется следующая: некий Ван Беркен был гражданином фландрского города Брюгге. Он принадлежал к гильдии гранильщиков драгоценных камней, которая объединяла довольно многих людей в этом городе. Доходы были не очень высокими, но их хватало, чтобы прокормить семью. Обработка драгоценных камней — не простое дело. Оно требует опыта, большой физической силы. Одно лишь неправильное движение — и дорогой камень может потерять значительную часть своей стоимости. Ван Беркен был хорошим мастером. Его искусные руки превращали необработанный камень в драгоценный бриллиант. В обеденное время он почти ежедневно прогуливался по городу, приветствуя знакомых.

Однажды (это было в 1479 году) его взгляд упал на группу детей, которые на захламленном дворе, принадлежавшем кузнецу, крутили колесо телеги, обитое железом, и радовались новой игрушке. Один парнишка держал старый нож таким образом, что он касался обода колеса и из-под него вырывался сноп искр. Ван Беркену, наблюдавшему за игрой детей, пришла в голову блестящая идея. Для огранки алмазов надо взять круг, да, железный круг.

Ван Беркен установил железный круг на вертикальную ось. Помощник вращал круг, в то время как мастер обрабатывал алмаз. Круг был обильно смазан смесью из масла и растертого в порошок алмаза.

Но неравномерное движение колеса, которое вращал подмастерье, мешало добиться идеальной обработки. Время от времени появлялись неровности. Поэтому очень скоро была разработана массивная конструкция из дуба, в которой помещался металлический диск. Он приводился в действие ременной передачей, соединявшей его с маховиком,

вертикальный вал которого вращался в подшипнике из твердой древесины.

Этот маховик обычно крутили жена или дочери гранильщика, потому что лишь немногие могли себе позволить иметь одного или нескольких подмастерьев. С раннего утра до позднего вечера женщины стояли около колеса, постоянно находясь под угрозой получить увечье в случае неосторожности. Использование ветряных мельниц и частично водяных колес, а позднее изобретение паровой машины избавили женщин от этого тяжелого труда.

Постепенно труд гранильщиков стал механизироваться и в других европейских городах. В Брюгге, Амстердаме, Антверпене, Париже, Венеции, Аугсбурге, Нюрнберге и Идар-Оберштейне крохотные мастерские превратились в механизированные цехи. Мы уже рассказывали о торговых домах Фуггера и Вельзера, которые вели оживленную торговлю драгоценными камнями и имели собственные гранильные мастерские. Имеются сведения, что в 1482 году в Антверпене существовало некое братство, которое принимало в свои ряды гранильщиков алмазов.

В XIV-XV веках искусно обработанные камни из Венеции все чаще стали встречаться в Париже и Шампани.

В 1575-1580 годах в Нюрнберге существовала гранильная мастерская, принадлежавшая Гансу Коху, в которой вращающийся круг приводился в действие лошадью.

Бегство от герцога Альбы

В августе 1567 года герцог Альба с полчищами солдат вступил в Брюссель. Испанские войска грабили и

жгли город. Там, где они появлялись, царило насилие, текли кровь и слезы. Солдатня использовала те три дня, которые дал им Альба для удовлетворения их жажды к разбою, пьянству и разврату в качестве награды за взятие Брюсселя. Сыщики герцога шныряли по городу и хватали каждого, кого подозревали в недовольстве испанской короной.

На красивом Старом рынке Брюсселя, олицетворявшем собой славу и богатство целых поколений бельгийских граждан и дворянских родов, был воздвигнут эшафот, на котором в течение нескольких недель было казнено больше тысячи людей.

Многие бельгийские гранильщики, спасаясь от преследований, покинули страну еще до того, как в ней начали хозяйничать убийцы — солдаты Альбы. Многие из них обосновались в Амстердаме, где, используя дешёвизну рабочей силы, создали гранильную промышленность.

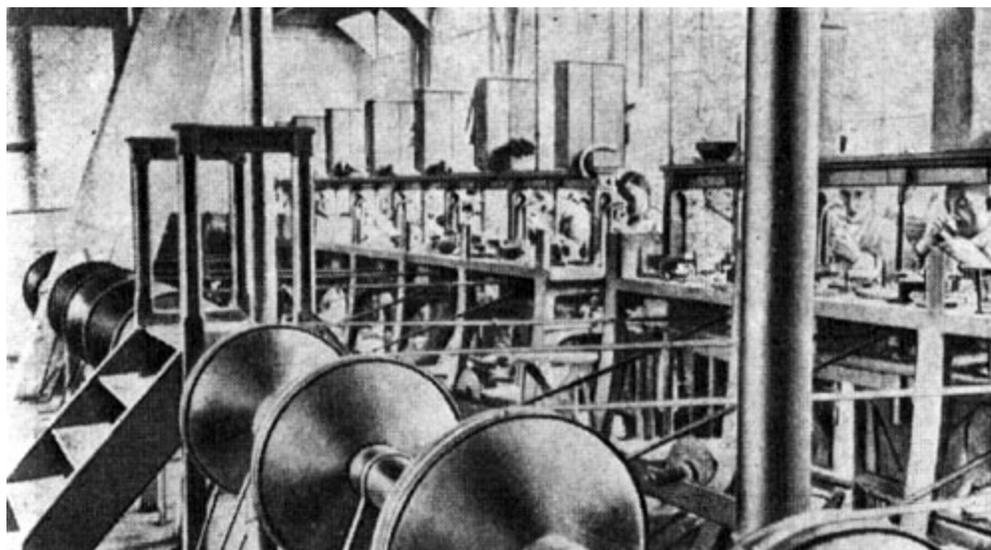
Благодаря развитию этого ремесла человек все глубже проникал в тайны алмазов. Это вызвало переворот и в технике их обработки, были проделаны первые опыты с раскалыванием драгоценных камней, что позволило менять форму камня, созданную природой, и придавать ему форму, наиболее удобную для огранки.

Специалисты по раскалыванию алмазов за работой

Мы уже говорили, что многие особенности камня зависят от его кристаллической структуры. Грани алмаза различаются размерами (часто мельчайшие грани, которые можно рассмотреть лишь в увеличительное стекло, соседствуют с большими), а также свойствами (некоторые поверхности гладкие, как

стекло, другие — шероховатые, матовые или покрытые углублениями, похожими на оспины).

Одной из важных особенностей кристалла является его способность раскалываться. Такие минералы, как свинцовый блеск и каменная соль, например, при раскалывании всегда дают осколки кубической формы. Слюда же раскалывается на тонкие листочки. Существуют минералы, к их числу относится кварц, которые либо вообще не раскалываются, либо раскалываются очень плохо. Алмазы раскалываются только параллельно поверхности октаэдра. Все попытки произвести раскол параллельно другой плоскости неизбежно приводят к разрушению камня: в этом случае при ударе получается множество бесформенных осколков. Но октаэдрические поверхности в кристалле можно различить сразу далеко не всегда.

Мастерская по обработке алмазов в Амстердаме (1900 г.)

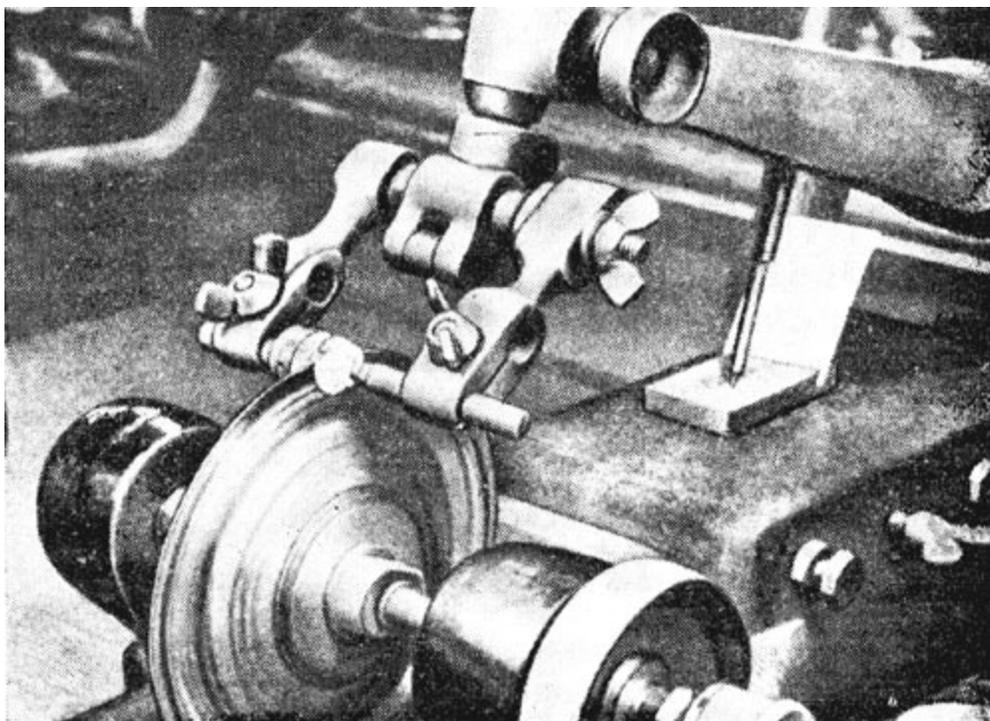
Для обработки камня его вмазывали в небольшую медную чашку. В качестве скрепляющего вещества использовался сплав свинца и цинка, а еще раньше

применялась смесь из канифоли, мелкого песка и мастики. К медной чашке прикреплялась круглая палочка из твердого дерева.

Камень, который подлежал обработке, процарапывался другим алмазом в направлении предусмотренного раскола. На образовавшуюся таким образом бороздку ставилось тупое лезвие. Удар по лезвию специальным молотком — и камень расколот! На первый взгляд кажется, что все очень просто, а на самом деле это большое искусство, которым владели немногие. Стоило сделать малейшую ошибку — и получались только осколки, не имеющие большой цены.

Скоро образовалась особая гильдия ремесленников, занимающихся раскалыванием алмазов. Труд этих людей оплачивался довольно высоко, и они пользовались, особыми привилегиями. Их искусство и знания, передаваемые от отца к сыну, держались в строгой тайне. Рассказывают, что были специалисты, которых приглашали исключительно для раскалывания наиболее драгоценных камней. Как правило, они работали один день в неделю, некоторые могли позволить себе ездить на работу в карете, запряженной четверкой лошадей.

Только значительно позже была разработана техника распиливания алмазов. Для этого стала применяться тонкая стальная проволока, которая перемещалась по месту предполагаемого распила, покрытому маслом и алмазным порошком. Это была утомительная работа, которая нередко занимала недели, а то и месяцы. Чтобы распилить камень в 20 каратов требовалось почти два месяца, вес алмазного порошка, использовавшегося при этом, равнялся тоже 20 каратам.

***Алмазы распиливаются металлическими дисками, в которые
впрессован алмазный порошок***

С появлением машин стали применяться тонкие медные или бронзовые диски, в которые были запрессованы мелкие алмазы.

Поскольку о специфических свойствах любого минерала говорит, в частности, его твердость, для определения последней была составлена специальная шкала с десятью делениями, так называемая шкала твердости Моса:

Из этой таблицы видно, что «король камней» занимает в царстве минералов особое место.

Почему вес алмазов определяется такой необычной мерой веса, как карат? В вопросе о происхождении этого понятия нет единого мнения. Известно лишь, что карат когда-то был равен приблизительно 200 миллиграммам. Этот вес был распространен во всех

центрах торговли алмазами, хотя в отдельных местах он имел определенные отклонения.

Некоторые считают, что слово «карат» произошло от названия цареградского стручка (*Ceratonia siliqua*), семена которого в древней Греции повсеместно служили мерой веса, другие полагают, что от названия семян кораллового дерева (*Erithrina corallodendron*). В данном случае это не имеет принципиального значения, так как семена обоих деревьев имеют одинаковый вес — около 0,2 грамма. Важно другое: эти растения произрастают в районе Средиземного моря.

Интересно, что не только в различных странах, но и в отдельных городах одной и той же страны был принят свой вес для одного карата, о чем свидетельствуют следующие данные (в миллиграммах):

Батавия — 205,000
Гоа — 205,750
Мадрас — 207,353
Болонья — 188,600
Флоренция — 197,200
Лейпциг — 205,000
Лондон — 205,300
Мадрид — 205,393
Берлин — 205,440
Париж — 205,500
Амстердам — 205,700
Лиссабон — 205,750
Франкфурт-на-Майне — 205,770
Вена — 206,130
Турин — 213,500
Ливорно — 215,990

Можно подумать, что спор по поводу этих различий имеет праздный характер. Однако не надо забывать,

что даже при небольшом расхождении в весе речь шла о необычайно больших денежных суммах.

Следует учитывать еще одну сторону торговли алмазами. Цена бриллианта находится в прямой зависимости от величины камня (хотя цена камня размером с горошину или даже с пшеничное зерно фантастически велика), существенную роль здесь играют цвет, форма, прозрачность камня, количество и вид включений, трещин и других дефектов.

Поэтому в современной торговле алмазами, которая перешагнула границы государств и материков, пришлось перейти на единую меру веса — метрический карат. В 1907 году была созвана Международная конференция по мерам и весам, установившая вес метрического карата в 200 миллиграммов. До конца 20-х годов эта мера веса была принята всеми государствами, занимающимися добычей и продажей алмазов.

Большая стоимость маленьких камней вызвала необходимость применения еще более мелких мер веса. Вес алмаза делится на 64 (например, $\frac{1}{2}$ карата = $\frac{32}{64}$, $\frac{1}{4}$ карата = $\frac{16}{64}$. Поэтому при торговле алмазами ведутся сложные вычисления, непонятные для непосвященных.

Однако вернемся к драматической истории «царя камней», один из эпизодов которой произошел в Южной Америке.

Судьба водолаза

Толпа на берегу реки провожает глазами человека, одетого в водолазный шлем, водолазную куртку, при помощи винтов присоединенную к шлему, и короткие

штаны из тонкой ткани. Это ныряльщик. Он входит в реку, глубоко вдыхает душный тропический воздух, и напарник завинчивает шлем. Уже давно нет резиновой прокладки, ее заменяют обрывки тряпок. Когда падает давление воздуха в помпе, вода проникает в шлем, и водолаза приходится срочно поднимать на поверхность.

Хотя все знают об опасности, в толпе нет никого, кто бы отказался подвергнуться ей. Через два часа водолазы меняются. Те, кто остается на поверхности, должны крутить ручку воздушного насоса. От слаженности и точности их работы зависит жизнь водолаза. Приходится постоянно следить, чтобы какая-нибудь очередная поломка этого старого, разбитого насоса внезапно не прервала подачу воздуха тому, кто работает на дне.

Наступает очередь индейца Антонио. С каждым шагом он все глубже погружается в ледяную воду. Этот холод лишь на короткое время приносит облегчение от тропической жары, очень скоро коченеют все члены. В одной руке у него бадья, в другой — крюк с широким концом. Водолазный шлем на голове и дополнительные грузы, весящие более 50 килограммов, не дают потоку унести его.

До его слуха доносятся только тяжелые вздохи воздушного насоса, с которым он соединен тонким шлангом. Это единственная артерия, которая связывает его с внешним миром.

На глубине четырех-пяти метров он достигает дна реки. Голые ступни скользят на покрытых илом камнях. Без специальных водолазных ботинок ему трудно держать равновесие. Груз, прикрепленный к поясу, не позволяет ему всплывать, и в то же время ему приходится выполнять тяжелую работу. Для того, чтобы отодвинуть в сторону большие камни, Антонио использует крюк, который нередко соскальзывает, рая его ничем незащищенные ноги.

Когда бадья наполнена галькой и песком, водолаз ударяет друг об друга два камня, подавая людям на барже знак поднимать груз наверх. Баржа все время стоит над ним: стальной трос не дает течению отнести ее. Снова наверху мелькает тень; это спускается новая бадья. С каждой минутой водолазу все труднее дышать. У Антонио такое чувство, словно, несмотря на холод, все его тело покрыто потом.

Вдруг он чувствует жгучую боль. В мутной воде ему с трудом удается различить хищную рыбу, которая своими острыми как ножи зубами вцепилась в ногу. В ужасе Антонио пытается убить рыбу, нанося ей удары крюком.

Слишком поздно водолаз замечает, что в шлем просачивается вода. Штуцер шланга сломан, нить, связывающая его с поверхностью, разорвана.

Молниеносно Антонио оценивает положение. Задержать воздух и срочно всплывать — иначе спасения нет. Почти инстинктивно он начинает подниматься. Ему кажется, что легкие сейчас разорвутся, но вдох означал бы смерть. Антонио почти теряет сознание. И в этот момент чьи-то руки вытаскивают его из воды, чуть не ставшей для водолаза могилой.

Такова опасная жизнь гаримпейру — охотников за алмазами, которые ищут сверкающие камешки в реках бразильского штата Мату-Гросу, рискуя при этом жизнью. Бразильские джунгли держат их всех заложниками. Для многих пет возврата из этого ада, где они изнывают от нестерпимой жары, мириад moskitov, где им день и ночь угрожают ядовитые змеи и дикие звери.

Вдали от человеческого жилья, не разгибаясь работают они на маленькой речушке Рио дос Каркасе, которая не нанесена на большие карты Бразилии. Здесь люди разных национальностей: индейцы, метисы,

потомки рабов-африканцев, а также небольшое число европейцев, прибывших сюда в поисках удачи.

Никто ничего не знает о прошлом своих товарищей. Замешан кто-нибудь в убийстве, воровстве или других преступлениях, не имеет значения. Здесь ценится только умение работать. И лишь это определяет, на какую часть добытых алмазов может претендовать тот или иной человек.

Случай, который мог обернуться для Антонио несчастьем, произошел в один из дней 1927 года. Но точной даты гаримпейру не запомнили, потому что жили, казалось, не замечая времени. Они отмеряли его не часами и днями, а сменой сна и работы, дождливых и засушливых сезонов. Смысл их жизни заключался лишь в том, чтобы найти алмаз — лучше большой, а на худой конец несколько маленьких.

Времена одиночек, искателей удачи, давно прошли. Владельцы гаримпу — алмазоносных участков — особенно следили за тем, чтобы новички не занимались здесь искательством. Вновь прибывшие нужны были в качестве чернорабочих, да большинство и не имело другого выбора. Их жалкие сбережения были потрачены на трудное путешествие через джунгли, а даже самое примитивное водолазное снаряжение стоило очень дорого. Пробивание шурфов на берегу реки также требовал© немалых денег. Нередко приходилось изменять русла ручьев, чтобы получить доступ к алмазоносным слоям. Прежде чем приступить непосредственно к промывке песка, нужно было выкорчевать джунгли, убрать камни и гальку. На это уходили недели, а то и месяцы. Новички, как правило, не располагали необходимыми средствами и к тому же не знали, как в бразильских джунглях искать алмазы.

Поэтому большинство искателей начинали в качестве гаримпейру у предпринимателя и мечтали о таком дне, когда они смогут найти достаточное

количество алмазов, чтобы нанять пару рабочих и приступить к поискам на собственном участке. Но к этому лежал длинный путь; многие и не подозревали, что для них эта цель недостижима.

Рабочие-гаримпейру имели право на половину добытых камней, вторая половина принадлежала владельцу участка. Стоимость камней определялась скупщиком алмазов, который обычно поддерживал дружеские отношения с владельцем участка.

Неудивительно, что дележ камней всегда был несправедливым; работавшие до седьмого пота гаримпейру часто оказывались обманутыми. Но у них не было другого выхода: в обратный путь они могли пуститься лишь тогда, когда накопят хоть немного денег.

Вот крадется ягуар

Некоторые гаримпейру теряли рассудок или расставались с жизнью еще до того, как сделали первые шаги к предполагаемому счастью. Одним из них был метис Дино, который спас жизнь своему напарнику Антонио.

Желание поймать несколько рыбешек обернулось для него в этот вечер трагедией. Через полчаса после его ухода из лагеря люди услышали выстрелы и душераздирающий крик.

Схватив пистолеты и ружья, группа мужчин отправилась на помощь потерпевшему. Они пробирались сквозь непроходимые джунгли, освещая себе дорогу горящими поленьями из лагерного костра. Они сделали несколько выстрелов, надеясь, что Дино их услышит. Но джунгли безмолвствовали. Спасатели прибыли к месту происшествия слишком поздно. Выйдя

к берегу реки, они в свете факелов увидели тело своего товарища, растерзанного ягуаром. Мертвая рука продолжала сжимать кинжал, которым Дино отбивался от острых когтей и зубов дикой кошки. Ружье лежало недалеко на песке. Ни кинжал, ни ружье не помогли ему.

Все были подавлены этим неожиданным несчастьем, но никто не думал оставлять работу. Люди продолжали мечтать, хотели быть хитрее, чем тот, который лежал в земле. И снова у лагерного костра рассказывали истории о крупном алмазе, найденном в борозде от колеса повозки, запряженной быками, говорили об удаче, которая еще может выпасть на их долю. Вот история камня, который нашел Эмилио.

Так же как и в районе мыса Доброй Надежды, здесь, в штате Мату-Гросу, тянулись длинные караваны повозок, запряженных быками. Их следы начинались у конечных станций железной дороги или у последних селений, проходили по просекам, прорубленным в джунглях, и вели к тем районам, где работали старатели. В повозках было все, что необходимо искателям счастья: еда, одежда, оружие, гамаки, материал для палаток, лекарства, спиртное. Караваны находились в пути неделями.

За одной из повозок под раскаленным солнцем бежал Эмилио, мальчик-мексиканец, который уже сотни раз преодолевал этот путь. Иногда он садился в повозку, но часто, когда дорога шла в гору или когда повозки застревали в глубоком песке, ему приходилось вместе с другими подталкивать ее. Люди яростно погоняли быков, и повозка катилась дальше.

Во время далекого пути Эмилио глядел то на колеса повозки, то на песок, который засыпал следы колес. Сегодня Эмилио играл в эту игру более сосредоточенно, чем обычно. Он потерял свой кремьень, без которого невозможно развести костер. Он надеялся, что колеса

повозки вывернут из песка нужный ему камень. Время от времени он поднимал камни, осматривал их, но пока не находил ничего подходящего. Наконец он увидел камень размером с грецкий орех, который ярко сверкал в пыли. Эмилио поднял его и попытался выбить искру. Но ничего не получилось. Мальчик уже собирался выбросить находку, но ему показался необычным блеск камня. Он сунул его в карман и скоро забыл о нем.

Через несколько недель вечером у лагерного костра он достал камень, чтобы поиграть с ним. Несколько гаримпейру, заметив сверкающий камень в руках мексиканца, почти одновременно вскочили и бросились к нему.

— Где ты его нашел? — раздавалось со всех сторон.

Вокруг собиралось все больше людей. Эмилио был удивлен, даже напуган.

— Я нашел его, просто нашел в песке, на дороге, — наконец пролепетал он.

— Слушай, Эмилио, — сказал один из толпы, — ты даже не можешь себе представить, что у тебя в руках. Это же алмаз, настоящий алмаз, и ты станешь богатым человеком.

Эмилио недоверчиво глядел на окружающих.

Но вот появился скупщик алмазов Альмейда, его привел один из тех, кто видел алмаз в руках у мальчика. Альмейда сразу понял, что найден превосходный камень. Ему стоило большого труда скрыть свое волнение.

Немного успокоившись, он осмотрел камень со всех сторон, взглянул через него на костер, попробовал поцарапать одним из своих камней. Все подтверждало, что это алмаз. С молниеносной быстротой он прикинул, сколько можно дать мальчишке, чтобы заполучить драгоценность.

— Ну хорошо, — наконец сказал Альмейда. — Я дам тебе пятьдесят тысяч мильрейс, но не больше.

— Что? Пятьдесят тысяч мильрейс! Так много! На эти деньги я смогу купить целое стадо и асьенду.

Мексиканец был безмерно счастлив. Он был уверен, что совершил выгодную торговую сделку.

Однако действительно крупную сделку заключил скупщик алмазов Альмейда, который вскоре смог выручить за этот камень в три раза больше. А тем, кто приобрел его позже, еще больше повезло: цена на алмазы из бразильских джунглей на мировом рынке резко подскочила.

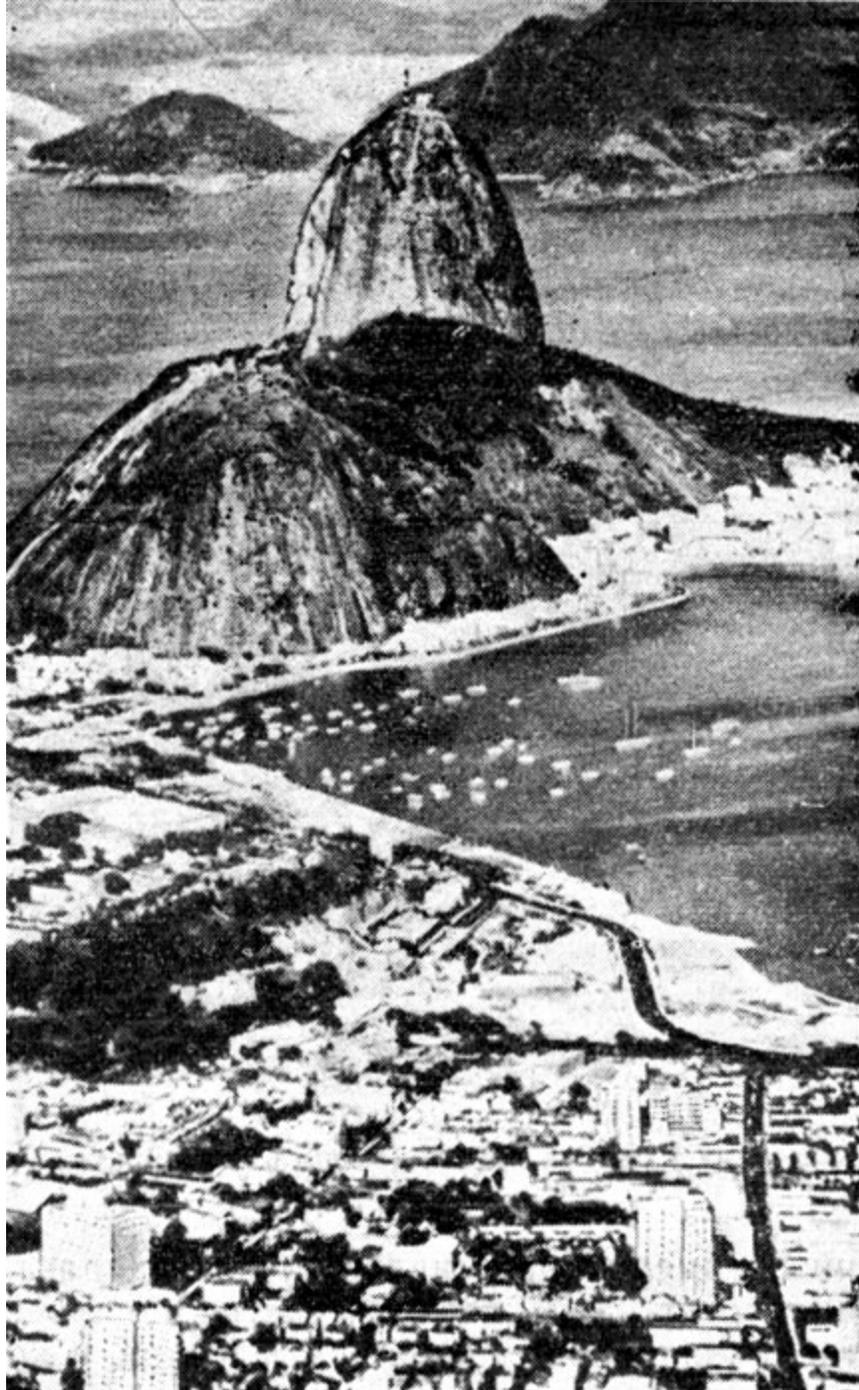
Группа водолазов, в которую входил Антонио, промыв большое количество песка, нашла наконец несколько камней. В «батее», своеобразной деревянной тарелке, промывались песок, мелкая галька, глина, устранялась пустая порода и из оставшихся минералов выбирались алмазы. Некоторым везло: они находили и другие благородные камни, например турмалины, гранаты, топазы, горный хрусталь или даже золото.

Были группы старателей, которые не погружались на дно реки, а вели разведку на берегу или отводили ее русло, чтобы искать камни на обнажившемся речном дне. При этом они могли рассчитывать лишь на сухой сезон, продолжавшийся с мая по сентябрь, когда уровень воды в реке был самым низким. В этот период они перевозили речной песок на высокие места, которые вода не затопляла в период дождей. Затем с наступлением дождливого сезона начинали промывку. Нередко, когда место было выбрано неправильно, нахлынувшая вода в считанные секунды смывала кучи песка, перенесенные туда за многие недели невыносимо тяжелой работы.

Многим гаримпейру сюрпризы преподносила река. Непрочные дамбы, с помощью которых они отгораживали участки реки, сносились мощным напором воды, вызванным проливными дождями. Все, что противостояло разбушевавшейся стихии,

размывалось, вырывалось с корнем, тонуло или уносилось потоками воды. А если кто-нибудь из искателей алмазов не уходил заблаговременно с опасного места, пытаясь, возможно, спасти какие-нибудь инструменты или запруду, он был обречен на смерть.

Все эти люди платили всемогущим силам природы такую же дань, как и их предшественники почти двести лет назад. Тогда на месте сегодняшних бразильских штатов Минас-Жерайс, Мату-Гросу, Гояс и Байя были обнаружены первые алмазы. Коренные жители — индейцы — находили их в песке речных наносов. Они служили игрушками детям, которые радовались их блеску и волшебной игре красок. Люди, которые занимались охотой, рыбной ловлей и только начали разводить домашних животных, еще не знали цену этому чуду природы. Они не имели представления, какое практическое применение могут иметь алмазы. Все изменилось, когда путешественники начали скупать эти камни у коренных жителей и развернули торговлю ими в прибрежных городах.

Добыча алмазов, начатая в бразильских джунглях в XVIII веке, превратила Рио-де-Жанейро в один из центров торговли алмазами

Существует и другая версия: первые драгоценные камни нашли на реке Рио дос Мариньусе, притоке Рио Пиньеро, в штате Минас-Жераис, искатели золота и позже продали их.

Первые находки алмазов, представлявших интерес для Европы, и прежде всего для португальской короны, приписываются португальцу Себастино Леме ду Праду, который обнаружил камни в 1525 году. В 1727 году в Лиссабон были доставлены первые алмазы. Лишь спустя два года Португалия официально объявила о находке алмазов в Бразилии. 8 февраля 1730 года был наконец издан королевский декрет, объявивший алмазные месторождения в Бразилии собственностью королевской семьи.

Районы, богатые алмазами, были объединены в особый алмазный округ, который подлежал строгой охране. Однако все это осталось лишь на бумаге, поскольку в непроходимых бразильских джунглях этого нельзя было осуществить. После первых находок алмазы были обнаружены и в других районах.

Никто не может сказать, кто и где в тот период искал алмазы и кому их продавал. Опытные искатели знали, что существуют места, где надо быть особенно внимательными: отложения в старых руслах рек, которые находятся выше общего уровня воды в реке, и песчаное дно некоторых рек и ручьев.

В это время добычей занимались отдельные старатели, получавшие разрешение от португальских колонизаторов. В лицензиях содержалось положение о том, что найденные алмазы следует продавать только португальской короне.

Эрнестина Рамабоа нашла камень в 601 карат

Но в силу названных выше обстоятельств разработки старателей, которые не имели лицензии, достигали таких же размеров, а часто были и больше. Так, известно, что в 1791 году насчитывалось 1200 держателей лицензий, но никто не может сказать,

сколько тысяч старателей на свой страх и риск пробиралось через бразильские джунгли.

Корабли с рабами из Африки

Но нас больше интересует не число старателей, а то, как была организована работа. С 1574 года началась доставка в Бразилию африканцев, которые стали основной рабочей силой на алмазных разработках. Они подвергались беспощадной эксплуатации, в результате чего погибали тысячами.

Более или менее приспособленные для жилья помещения, медицинская помощь или достаточное питание считались здесь роскошью. Предприниматели не собирались улучшать условия жизни рабов, тем более что постоянный их подвоз был намного выгоднее, чем любые расходы на социальные нужды.

С начала XVI столетия до конца первой трети XIX века из Африки в Америку было доставлено от 11 до 13 миллионов африканцев. В том числе в Бразилию начиная с 1574 года продавалось ежегодно около 20 000 рабов. Большинство из них работали на огромных сахарных плантациях, но многие тысячи трудились на алмазных месторождениях.

С помощью бича, пистолета и ружья предприниматель заставлял рабов подчиняться. Молниеносные расправы, которые осуществляли карательные отряды, пресекали в зародыше любое недовольство или попытку к бунту. В этих условиях единственное, что могло принести избавление от постоянной пытки, была смерть. Некоторые решались на побег. Тех, кому удавалось избежать укуса ядовитых змей или острых когтей ягуара, через некоторое время ловили охранники. Несчастные еще до того, как их

возвращали в лагерь, становились первыми кандидатами в мертвецы. Их ждали мучительные пытки, которые должны были запугать других и заставить их беспрекословно выполнять любые приказания.

Однако, несмотря на суровые наказания, некоторые смельчаки снова и снова предпринимали попытки к бегству. Многие погибали, другие объединялись с беглыми рабами, работавшими раньше на сахарных плантациях. В непроходимых джунглях возникали свободные объединения. Здесь люди могли жить без смертельного страха и угнетения. Поселки Мукабос и Куломбос вошли в историю Бразилии как яркие примеры стремления к свободе поработанных афроамериканцев. Но беглые рабы не могли долго противостоять объединенным силам колонизаторов. Когда их обнаруживали, они сразу же подвергались безжалостному истреблению, потому что португальскому колониализму не свободные люди, а рабы приносили прибыли.

Предприниматели платили португальской короне налог за каждого раба. Вывоз алмазов разрешался только на португальских кораблях, за что взималась дополнительная плата в размере одного процента общей стоимости перевозимых драгоценностей. Интересы предпринимателей, занимавшихся добычей алмазов, и португальских колонизаторов тесно переплетались: обе стороны были крайне заинтересованы в максимальной эксплуатации рабов и высоких прибылях, которые они получали с помощью последних.

Добыча алмазов в Бразилии, так же как и в Южной Африке, показала, что мелкие предприниматели не в состоянии обеспечить рациональную эксплуатацию месторождений. С 1735 года мелкое предпринимательство было запрещено, и добыча

бразильских алмазов перешла в руки крупных предпринимателей.

Среди тех, кто стремился нажить большое состояние в бразильских джунглях, были и братья Бретшнайдеры из Амстердама, которые представляли торговый дом, специализировавшийся на торговле алмазами, а также британский банк «Хоуп энд компани», получавший крупные государственные займы. Как следует из документов того времени, братья Бретшнайдеры пользовались огромным влиянием. Один из них, находясь в Бразилии, в то же время исполнял обязанности посла Нидерландов при португальском дворе; другой оставался в Амстердаме.

Бретшнайдеры вместе с «Хоуп энд компани» существенно повысили добычу алмазов. В результате во второй половине XVIII века значительно возрос экспорт алмазов в Европу. Официальный объем добычи алмазов в год составлял в то время в среднем 52 000 каратов. Из-за того что в Европу хлынула алмазная волна, цена на драгоценные камни упала. Это прежде всего негативно отразилось на сбыте португальских алмазов гранильным мастерским в Амстердаме. Одновременно с этим распространилось мнение, что алмаз перестал быть чем-то особенным и рано или поздно каждый сможет приобрести его.

Такому развитию событий старались воспрепятствовать ограничениями вывоза. Крупные предприниматели, действовавшие в бразильских алмазных районах, получили указание использовать не более 600 рабов.

Но установить контроль над добычей алмазов без лицензий, которая давала в два-три раза больше алмазов, чем официальная добыча, оказалось невозможным. Все меры, предпринятые португальской короной, а затем и бразильским государством, не принесли желаемых результатов.

Империя от мыса Доброй Надежды до Каира

Бледный юноша

Вернемся снова на юг Африки, где поиски «голубой земли» были не менее опасны, чем в бразильских джунглях. Здесь под жарким солнцем разгорелась борьба между старателями и теми, кто из-за кулис пытался прибрать к рукам все богатство.

Многие из тех, кто день за днем одержимо искал блестящие камешки, даже не подозревали, что именно алмазы стали целью колониальных походов и политических интриг.

Ставкой были уже не один-два драгоценных камня, которые могли бы осчастливить того или иного человека. Речь шла о судьбе целых стран и народов.

Некоторым людям удавалось оказывать особое влияние на ход событий: нередко это имело трагические последствия для других людей и даже целых народов.

Наряду с тысячами авантюристов, которые в годы «великой алмазной лихорадки» отправились в Африку, было немало тех, кто покидал родину в надежде попытать счастья. Они не были спекулянтами или преступниками, которые бежали от галеры или виселицы. Среди них не было бедствующих. Они хотели достичь большего, чем достигли сами или их родители. Многие, возможно, в силу случайностей оказались втянутыми в «алмазный поток».

К этой категории людей относился и бледный, болезненный на вид, вечно кашлявший молодой

человек, который в английском порту Саутгемптон поднялся на борт корабля, отправлявшегося в Южную Африку. Утомительное морское путешествие, сопровождавшееся многочисленными штормами, далось ему еще тяжелее, чем остальным новичкам.

Молодой человек был сыном сельского священника. Родился он в 1853 году в небольшом английском городке. Его юность была омрачена перенесенным им длительным воспалением легких. Врачи настоятельно рекомендовали родителям юноши отправить его в Южную Африку, славящуюся сухим климатом. Иначе, говорили они, он протянет не больше шести недель.

Так совершенно случайно молодой человек в конце 60-х годов прошлого века попал в Африку. Живя на ферме своего брата, юноша быстро выздоровел и через некоторое время уже мог выполнять тяжелую работу. Вскоре его непреодолимо потянуло в алмазоносные районы, находившиеся неподалеку. Все чаще он пускался в спекуляции, используя свои небольшие сбережения.

Сначала он не привлекал к себе особого внимания окружающих. Но вскоре к нему стали присматриваться, потому что этот молодой человек в своих спекуляциях шел на риск — и выигрывал. За короткое время он заработал так много, что имя юноши стало известно многим. Звали его Сесиль Родс.

Он мечтал об алмазной империи в южной части Африки. Но через некоторое время ему пришлось вернуться в Англию, чтобы продолжить занятия в Оксфорде, прерванные из-за болезни. При этом с особым вниманием Родс изучал экономический механизм крупных предприятий и акционерных обществ. Эти занятия дали ему важные познания для реализации его планов в Южной Африке.

После возвращения на алмазные месторождения он занялся исключительно торговлей алмазами. Родс

скупил столько участков, сколько позволяли его средства, но вскоре понял, что собственных денег для осуществления честолюбивых планов ему не хватит. Он хотел основать мощную алмазную монополию, которая бы владела всеми алмазными копями Южной Африки и могла бы тем самым определять размеры добычи, обработки и продажную цену драгоценных камней.

Бум, вызванный большим количеством драгоценных камней, появившихся на мировом рынке в начале 70-х годов, обернулся падением цен. Родс не без основания опасался, что они будут падать и дальше, если бесконтрольно наводнять рынок алмазами. Его цель состояла в том, чтобы самому манипулировать ценами, но для этого нужна была монополия.

В то время все, кому нужно было вложить капиталы в прибыльное дело — все равно в Европе, Америке или Африке, обращались к банкиру Ротшильду, ибо только у него и его семейного клана можно было получить крупные суммы.

Сесилю Родсу удалось заинтересовать этого финансового туза своей идеей. Встреча состоялась в Лондоне. Родс развил перед банкиром свои далеко идущие планы в отношении Южной Африки и получил необходимые капиталы. Опытный Ротшильд сразу оценил сделанное ему предложение: контроль за алмазными россыпями Южной Африки фактически равносителен обладанию мировой монополией. Это, в свою очередь, не только обеспечит его влияние на мировую торговлю, но и прежде всего даст сказочно высокие прибыли.

Укрепив таким образом свои позиции, Родс предпринял генеральное наступление на алмазные копи Кимберли и прилегающие к ним алмазоносные районы. Скоро на него работали сотни посредников, которые перекупали за наличные деньги один участок за другим, маскируя тем самым процесс концентрации,

который старатели заметили слишком поздно, для того чтобы предпринять ответные меры. Да они все равно не были готовы к подобным действиям, потому что к концу 70-х годов торговля участками приобрела такие масштабы, что трудно было разобраться, кто каким участком владеет.

Были, конечно, и другие дельцы, которые вынашивали такие же планы, как Сесиль Родс. Но в их распоряжении не было крупных капиталов, которыми обладал Родс: первый денежный кредит, который предоставил ему банкирский дом Ротшильда, составил 1 миллион фунтов стерлингов. В 1880 году была основана компания «Де Бирс» с первоначальным капиталом 200 000 фунтов стерлингов. Одновременно как грибы после дождя стали расти и другие финансовые и коммерческие общества; на бирже в Кимберли разгорелась ожесточенная конкурентная борьба.

В результате процесса концентрации к 1885 году возникло в общей сложности 12 коммерческих обществ.

Клоун и торговец алмазами

Один из самых сильных конкурентов честолюбивого Родса также прибыл из метрополии: Исаак Барнетт был сыном лондонского раввина и появился в районе добычи алмазов в Южной Африке вместе со своим старшим братом Генри в 1873 году.

В то время как Генри в качестве клоуна и исполнителя песенок под псевдонимом Барнато каждый вечер развлекал старателей и зарабатывал себе тем самым на жизнь, младший Барнетт начал сразу же заниматься торговлей алмазами. В 1880 году братья смогли купить три участка в районе Кимберли. Они

образовали компанию по добыче алмазов «Кимберли централ даймонд майнинг компани». Им удалось привлечь к деятельности компании других людей, в результате очень скоро они начали получать большие доходы.

Снова и снова в борьбе за алмазоносные поля Родс сталкивался с братьями Барнато, которые стали скупать акции и других компаний. Среди них были в основном те, которые Сесиль Родс уже давно присмотрел для слияния со своей компанией. Столкновение интересов этих двух фирм, участвовавших в алмазном бизнесе на юге Африки, произошло на бирже в Кимберли. Никто не знал, как закончится эта борьба.

Между тем Сесиль Родс скупил на первый взгляд бедные шахты, которым угрожал обвал, и те, которые уже давно обвалились.

18 июля 1889 года наконец наступила развязка. Снова благодаря мощной финансовой поддержке своего парижского банкира Родс поглотил «Кимберли централ даймонд майнинг компани», которая находилась на грани банкротства. Возгласы удивления раздались в зале биржи, когда собравшимся стало известно, что Родс подписал чек на сумму 5 338 650 фунтов стерлингов, чтобы купить обанкротившуюся компанию.

После этого дела братьев Барнато стали катиться под гору, в то время как компания Родса непрерывно разрасталась и распространяла свои щупальца на весь алмазный бизнес. В конце концов всемогущий алмазный король Родс, как его все звали теперь на бирже и в районе алмазных копей, вытеснил своих главных конкурентов — Барнато.

Братья были уже почти забыты, но случилось одно трагическое происшествие, из-за которого они снова попали в поле зрения общественности. Возвращение Генри в Англию стало последним путешествием в его жизни. Когда он поднялся на борт корабля в одном из

портов Южной Африки, никто из пассажиров еще не подозревал о предстоящем несчастье. Вскоре после того как судно оказалось в открытом море, он бросился в морскую пучину и, несмотря на все попытки спасти его, так и не был найден. Как говорилось в сообщениях, появившихся в газетах тех лет, он сделал это в припадке безумия. Так ли было в действительности, сейчас сказать трудно. Следы другого брата Барнато затерялись где-то в Южной Африке.

Установка для промывки породы

Растущие прибыли наглядно демонстрировали коммерческий успех и процветание «Де Бирс». В 1886 году дивиденды составляли 12 процентов, в следующем году — 16, а через два года — уже 25 процентов. В 1893 году компания «Де Бирс» создала первую организацию по сбыту алмазов — под названием «Даймонд

синдикат». Алмазный король Родс стал пожизненно директором синдиката (объединявшего пять компаний), который решал все вопросы, касавшиеся алмазов в Южной Африке и других районах мира. Годовой оклад Родса равнялся 150 000 долларов.

Мечта бледного юноши, казалось, была осуществлена. Но Родс не довольствовался своим успехом, а продолжал развивать его, модернизируя способ разработки месторождений. Наземная добыча алмазов постепенно свертывалась, и во все большем объеме применялся шахтный метод. На границе «трубки» шахты углублялись в толщу земли, а от них уступами прокладывались штреки, которые проникали в «голубую землю». Для всего этого требовалось современное горное оборудование, которое синдикат, располагавший достаточными материальными средствами, ввозил из Европы. С 1884 года между Кейптауном и Кимберли начала действовать железнодорожная линия.

Казалось бы, были созданы все предпосылки для поставок алмазов в Европу во все возрастающем объеме. Но ловкий Сесиль Родс, осуществляя давно вынашиваемые планы в области экспорта, снизил добычу алмазов на 40 процентов. В результате средние цены на необработанные алмазы возросли примерно на 50 процентов. В 1888 году средняя цена одного карата составляла около 20 шиллингов, через год она поднялась до 30, в 1900 году — до 36, а в 1913 году — почти до 43 шиллингов. Все это было следствием непосредственного влияния монополии на добычу алмазов. Компания «Де Бирс» могла диктовать цены и тогда, когда в начале века новые поставщики алмазов устремились на алмазный рынок.

Многие старатели разорились и вынуждены были наниматься горнорабочими на предприятия компании. Свертывание добычи, проведенное Родсом, нанесло им

еще один удар — тысячи людей, работавших на шахтах, были уволены. Все это происходило в то время, когда модернизация и механизация добычи шли полным ходом.

Для многих потеря работы означала катастрофу, потому что никто не платил им пособия по безработице и не оказывал какой-либо другой социальной помощи. Свое старательское снаряжение они давно забросили и не могли снова заняться старым ремеслом. Но была и другая причина: все районы, где люди могли рассчитывать найти алмазы, находились под жестким контролем компании «Де Бирс» или других компаний. Район Кимберли тщательно охранялся. Времена старателей-одиночек безвозвратно прошли.

Рабочим, выброшенным на улицу, приходилось туго. Большинство их время от времени находили случайную работу у фермеров-буров. Но постоянного занятия у них не было. Некоторые стали нищенствовать, другие собирались в шайки. Мечты о большом счастье, которые привели их на юг Африки, не сбылись, они превращались в грабителей и убийц, которых преследовали и уничтожали, как диких зверей. Сначала им удавалось нападать на отдельные повозки, но вскоре исчезла и эта возможность. Люди пускались в путь только вооруженными и, как правило, большими караванами.

Совсем другие результаты принесло некогда бедному, затем всесильному Сесилю Родсу, вызванное им самим сокращение объема добычи. Экономическое могущество позволило ему играть весьма заметную роль в политических событиях, происходивших на юге Африки.

Многие действующие лица событий, развернувшихся в конце 1895 года в Южной Африке, и не подозревали, что в Лондоне в это время готовится

военная авантюра, которая вошла в историю как «рейд Джемсона».

Жаркий канун Нового года

Жители Йоханнесбурга ждали приближения Нового года. Во всех домах царила предпраздничная суэта. Готовились угощения, покупались подарки и сувениры. Но в ночь с 30 на 31 декабря 1895 года в городе неожиданно раздались выстрелы. Люди в ужасе вскакивали с кроватей. Перестрелка смолкла так же внезапно, как и началась. Но незадолго до рассвета снова раздались выстрелы.

На следующее утро жители Йоханнесбурга узнали некоторые подробности ночного происшествия. Несколько вооруженных отрядов, общей численностью 800 человек, двинулись к Претории — столице бурской республики Трансвааль. Все эти люди (преимущественно англичане, несколько немцев и французов) раньше занимались добычей алмазов, а в последнее время — золота. Предполагалось, что выстрелы, прозвучавшие ночью в Йоханнесбурге, послужат сигналом к более широкому выступлению всех тех, кто был недоволен правительством Трансвааля. Вооруженным отрядам предстояло, соединившись в Претории с путчистами, свергнуть правительство республики Трансвааль. По решить эту задачу не удалось. Отсутствовала координация действий; к тому же войска буров оказали ожесточенное сопротивление, на которое нападавшие не рассчитывали.

Вдохнови гелем этого плана был не кто иной, как всемогущий алмазный король Сесиль Родс. После того как в Трансваале были обнаружены еще и запасы

золота, он мечтал присоединить эту территорию к английской Капской колонии.

Надо сказать, что золото в различных районах Южной Африки было найдено африканцами еще задолго до прибытия европейцев.

В республике Трансвааль в хребте Витватерсранд было открыто крупнейшее в мире месторождение золота. Скоро среди пустыни возник город Йоханнесбург. В 1886 году вслед за «алмазной» началась «золотая лихорадка», которая по масштабам не только не уступала первой, но и была значительно шире ее.

На 80 километров в длину и 10 километров в ширину на восток и на запад от Йоханнесбурга протянулись месторождения золота. Сюда устремились сотни тысяч искателей счастья, среди которых было немало тех, кто уже многие годы безуспешно занимался поисками алмазов или оказался выброшенным на улицу в результате спада, вызванного Родсом. Здесь, разумеется, появились и удачливые искатели алмазов, а также спекулянты.

Включился в дело и Сесиль Родс, который, опираясь на финансовую и экономическую мощь «Даймонд синдиката», поставил под свой контроль обширные золотые поля.

В 1889 году Родс основал «Бритиш Саут Африка компани», которая захватила территорию к северу от реки Лимпопо и превратилась в одно из самых крупных монополистических объединений того времени. Колониальные авантюры компании получили официальную поддержку британской короны.

В своей книге, посвященной империализму, В. И. Ленин назвал Сесилья Родса одним из самых характерных представителей британской колониальной политики: «А в конце XIX века героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен (премьер-

министр Великобритании. — Ф. М.), открыто проповедовавшие империализм и применявшие империалистскую политику с наибольшим цинизмом!»^[4].

Алмазному и золотому королю Сесилю Родсу за его «заслуги» перед британской короной королева даровала дворянский титул. В 1890 году он был выдвинут на пост премьер-министра английской Капской колонии.

Похвала королевы

Через год в честь самого удачливого представителя британской короны в Южной Африке королевский дом устроил праздничный прием. Известный противник женщин — Родс был крайне польщен приглашением королевы и вопреки своим привычкам постарался продемонстрировать все свое обаяние. Родс очень понравился при дворе, что для тех, кто хорошо знал его, было полнейшей неожиданностью.

Позже королева, восхищенная удивительной переменой в поведении своего любимца, изрекла: «Трудно поверить, что Родс может быть женоненавистником. Он так очарователен и так приятен в обращении». Большой похвалы в этой ситуации он и не желал. Зато теперь он мог осуществить давно вынашивавшиеся планы о создании колониальной империи, которая простиралась бы от мыса Доброй Надежды до Каира. При этом ему предстояло действовать в двух направлениях — против африканцев и против буров.

В 1892-1893 годах завербованные банды при поддержке британских колониальных войск захватили богатую территорию, принадлежавшую племенам

матабеле и машона и расположенную в бассейне реки Замбези. Но там золотые россыпи оказались не такими богатыми, как представлял себе Сесиль Родс. Зато здесь был неисчерпаемый источник рабочей силы.

В 1896 году началось восстание местного населения против колонизаторов, в подавлении которого особой жестокостью отличился управляющий «Бритиш Саут Африка компани» некий доктор Джемсон.

Но восстание продолжало разгораться, и колонизаторы, сплотившиеся вокруг Родса, изобрели утонченные, «экономические» методы для достижения своих политических целей. Племенных вождей подкупали подарками, деньгами; им давали всевозможные привилегии. Предполагалось, что они, в свою очередь, будут поддерживать «спокойствие и порядок», поставлять рабочую силу «Бритиш Саут Африка компани» и даже собирать налоги для Британской империи.

Одним из эпизодов антибурской кампании была упоминавшаяся уже ночная перестрелка в Йоханнесбурге. Эта операция была предпринята в период особо острой борьбы за империалистический раздел Африканского континента.

Бурские республики Трансвааль и Оранжевая уже давно стояли на пути осуществления экспансионистских планов крупнейшей тогда империалистической державы — Великобритании. Дерзкий вооруженный удар должен был разрешить эту «проблему». Сесиль Родс не только разработал план операции, но и вооружил боевые отряды. Их возглавил упоминавшийся выше доктор Джемсон. Но после схватки, длившейся всего один день, бурам удалось окружить отряды и взять их в плен. Таким образом, «рейд Джемсона» провалился.

В борьбе за алмазы и золото европейские колониальные державы исходили, разумеется, из своих

собственных интересов, нисколько не заботясь о судьбах истинных хозяев этих богатств — африканцев. Борьба за обладание этим сырьем была тесно связана с обострением противоречий между империалистическими государствами, и в первую очередь между Великобританией и Германией.

Месть кайзера

1 февраля 1895 года британский посол в Берлине Эдвард Малер посетил статс-секретаря по иностранным делам Адольфа Германа Маршалла фон Биберштайна и заявил ему, что для Англии Трансвааль является ключевым районом, который имеет не меньшее значение, чем Египет. Статс-секретарь ответил ему, что Германия не примирится с экспансионистскими планами Великобритании.

Предупреждение, сделанное по дипломатическим каналам, немецкий империализм подкрепил и военными маневрами. Через несколько дней после визита Малера к Биберштайну в залив Делагоа, принадлежавший португальской колонии Мозамбик, вошли два германских военных корабля.

Благодаря договору с Португалией Германия установила оживленную торговлю с бурскими республиками через порт Лоренсу-Маркиш в заливе Делагоа, который был связан железнодорожной линией с Преторией. Эта железнодорожная линия имела большое значение для развития алмазо- и золотодобывающей промышленности. Техническое оборудование изготовлялось в Кёльне предприятием «Дейтер-Вагонфабрик» и бохумским объединением «Гусштальпродукцион»; судоходная компания «Вермен»

обеспечивала транспортировку его из Германии в Африку.

Росли и капиталовложения немецких монополий и банков в Африке. В 1895 году только в экономику Трансвааля было инвестировано около 500 миллионов марок. Особую активность проявляли «Дойче банк», АЕГ, «Сименс». Немецкий капитал, естественно, устремился в алмазо- и золотодобывающую промышленность — ту сферу, где до сих пор господствовал британский монополистический капитал.

Демонстрация военной мощи, без сомнения, была направлена на достижение целей, которые ставил перед собой германский империализм в Южной Африке. Это недвусмысленно дал понять статс-секретарь Биберштайн в одном из своих заявлений: «Мы послали свои военные корабли в залив Делагоа, чтобы продемонстрировать нашу непреклонную решимость защищать интересы Германии». Неприкрытые великодержавные претензии кайзеровской Германии нашли также отражение в шовинистической кампании, которая была развязана Пангерманским союзом.

Противоречия между германским и британским империализмом еще больше обострились по вопросу о Трансваале. Пангерманское объединение пропагандировало идею создания в Южной Африке великой германской колониальной империи, которая простиралась бы от Индийского до Атлантического океана.

На рубеже 1895 и 1896 годов в условиях этой националистической эйфории в штаб-квартире немецкой дипломатии на Вильгельмштрассе было получено сообщение о «рейде Джемсона».

Совещание представителей внешнеполитического и военно-морского ведомств, срочно созванное утром 3 января 1896 года, происходило под председательством кайзера Вильгельма II. Он, как обычно, когда дело

касалось его дяди Эдуарда VII, царствовавшего на Британских островах, и его подданных, был весьма взволнован. Кайзер потребовал провозгласить протекторат над Трансваалем, привести военно-морской флот в состояние боевой готовности и послать войска в Трансвааль. На умоляющую реплику одного из присутствовавших: «Это же означает войну с Англией!» — кайзер категорически ответил: «Да, но только на суше».

Даже советники своенравного и честолюбивого Вильгельма сочли его планы вызывающими, поэтому их хранили в тайне, и они стали известны всему миру лишь после того, как много лет спустя были опубликованы секретные архивы.

Итак, авантюра колонизатора-разбойника Родса потерпела провал. Пленение банд Джемсона означало его поражение.

Зато германские шовинисты торжествовали. Больше всех ликовал Вильгельм II. В своей пресловутой депеше президенту бурской республики Трансвааль Полю Крюгеру он поздравлял его по случаю того, что «бурам удалось без помощи дружественных государств сохранить свою независимость».

Бebelь наносит встречный удар

Германский кайзер вновь продемонстрировал свое дипломатическое лицемерие, ибо именно такой характер носила его депеша Крюгеру. В германском рейхстаге только Август Бебель критиковал ее, расценивая как «вызов Англии». Он называл политику, проводимую Вильгельмом, безответственной и провокационной. «Нельзя быть уверенным, — говорил

Бибель, — что однажды утром мы не окажемся перед лицом катастрофы, перед лицом войны».

Германский империализм хладнокровно использовал сложившуюся ситуацию, форсируя строительство военно-морского флота, что, в свою очередь, должно было обострить соперничество с британским империализмом.

28 марта 1898 года рейхстаг одобрил первый закон о морском флоте, несмотря на то что социал-демократы голосовали против. Закон предусматривал существенное увеличение флота в течение шести лет.

Германский империализм, который поздно включился в борьбу за колонии, изо всех сил пытался наверстать упущенное. Поражение алмазного и золотого короля Сесилия Родса, казалось, в этом смысле было хорошим признаком. Но такое впечатление было ошибочным. Правда, он потерял свои посты и парламентская комиссия, созданная для расследования этого дела, обвинила его в нарушении долга. Но британский империализм, стремившийся к осуществлению своих колониальных, захватнических планов, не хотел отказываться от услуг такого человека.

Заветной мечтой «социал-шовиниста» Родса, как охарактеризовал его В. И. Ленин, было овладение новыми землями, чтобы решить главный вопрос империи — «вопрос желудка»^[5]. Этот вопрос так и не был решен, потому что голод, нищета, безработица и поныне остаются постоянными спутниками капитализма. Но колониальная экспансия продолжалась.

Война за алмазы и золото

Только через три года после неудачной авантюры в Йоханнесбурге, в 1899 году, разразилась открытая война, которую британский империализм повел против обеих бурских республик: Трансвааля и Оранжевой.

В самом начале войны бурские армии достигли ряда значительных успехов. В решающих сражениях английская колониальная армия была разбита. Ее остатки вынуждены были отойти и попали в окружение.

Алмазный город Кимберли также был осажден бурской армией. От усиленного огня орудий и пулеметов осажденные, прежде всего женщины и дети, прятались в алмазные шахты.

Добыча алмазов и золота почти повсеместно пришла в упадок, но не это сейчас беспокоило британских колонизаторов. Они думали о том, чтобы установить политическое и военное господство в районах добычи золота и алмазов и тем самым сохранить здесь свои экономические позиции. Как писал В. И. Ленин, «владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником».

И далее Ленин делает следующий вывод: «Чем выше развитие капитализма, чем сильнее чувствуется недостаток сырья, чем острее конкуренция и погоня за источниками сырья во всем мире, тем отчаяннее борьба за приобретение колоний»^[6].

Еще до непосредственного начала англо-бурской войны началась гонка вооружений. Концерн Круппа, который перед самой войной был главным поставщиком оружия для буров, продал им пушек и другого военного снаряжения на сумму около 400 000 фунтов стерлингов. Другие германские монополии также поставляли вооружение в Южную Африку.

Но Крупп щедро снабжал и англичан своими скорострельными орудиями. Крупповские пушки по обе

стороны фронта приносили доходы одному и тому же хозяину. Подобные явления наблюдались в начале XX века и в других частях света, там, где сталкивались интересы империалистических держав.

В конце концов британская колониальная армия, имевшая большие военные и людские ресурсы, перехватила военную инициативу. Войска буров постепенно были разбиты.

В 1902 году был подписан мирный договор. Так завершилась еще одна глава империалистического передела мира. Великобритания выбила из седла немецких конкурентов и подчинила себе буров.

План Сесилия Родса создать колониальную империю между мысом Доброй Надежды и Каиром стал намного ближе к своему осуществлению. Чтобы соединить уже имевшиеся колониальные владения, не хватало только небольшого участка, протянувшегося с севера на юг. Эта территория (современная Танзания) принадлежала германскому империализму, который сам вынашивал планы о соединении Юго-Западной и Восточной Африки.

26 марта 1902 года умер Сесиль Родс, так и не осуществив всех своих грандиозных планов. «Слишком мало сделано, еще так много предстоит сделать», — сказал он перед смертью.

Рассказ об алмазном короле был бы неполным, если бы мы не добавили несколько слов, касающихся системы, которую он сам изобрел и постоянно совершенствовал. Это система компаундов, которая и по сей день применяется на южноафриканских золотых и алмазных шахтах.

Размышляя о том, как сделать добычу алмазов более рациональной, Родс пришел к выводу, что дешевле использовать труд африканцев, а не старателей, которые требовали не только высокой заработной платы, но и определенной доли найденных камней. Рядом с шахтами Сесиль Родс приказал

построить барачный лагерь (компаунд), который был тщательно изолирован от окружающего мира; даже внутренние дворы были обнесены колючей проволокой.

Кто вступал на территорию компаунда, не имел права покидать его до тех пор, пока не истек срок контракта, который, как правило, подписывали на один-два года. Рабочие вербовались штатными агентами в районах, расположенных иногда за тысячи километров от шахты. На рубеже столетий южноафриканские алмазные и золотые шахты требовали в год примерно 96 000 рабочих-африканцев, большинство из них прибывало в то время из португальской колонии Мозамбик.

По меньшей мере через два года эти рабочие-рабы от тяжелого труда в шахтах были так измождены, что уже не годились для работы, и их снова отсылали домой. Было дешевле доставать новый «товар», чем должным образом кормить рабочих и создавать для них более или менее человеческие условия.

В конце XIX — начале XX в. эксплуатация законтракованных рабочих применялась в столь широких масштабах, что в 1903 году этим вопросом занялась английская правительственная комиссия. Она установила, что смертность среди рабочих составляет 7,3 процента. Вывод комиссии был весьма красноречив: «Ни один погонщик, если он мало-мальски хорошо относится к животным, не заставляет так долго работать лошадей и быков».

Постепенно система компаундов стала совершенствоваться. Две организации по вербовке рабочей силы, имевшие свои самолеты, искали в африканском буше сильных рабочих. Рабочее время было несколько ограничено, улучшилось питание людей. До начала действия контракта и по его истечении они проходили медицинский осмотр, результаты которого регистрировались. Рабочие-

африканцы могли возобновлять контракт, при этом их не заставляли еще раз проходить переквалификацию. Для работы на шахте отбирали только сильных и здоровых африканцев. Но если рабочий заболел или получал травму, он мог рассчитывать на небольшое пособие, которое выплачивалось из специального фонда (он создавался за счет вычетов из заработной платы).

Компаунды — это временные лагеря только для мужчин. Здесь не было места ни женщинам, ни детям. Каждое утро люди должны были со свежими силами добывать алмазоносную руду или копать землю в поисках золота. И так день за днем до тех пор, пока не истекал срок контракта.

Дьявольская система, которую придумал мистер Родс, является для африканцев символом колониального порабощения и эксплуатации.

Война в пустыне и участь раба

Открытие железнодорожника

Каждый день Август Штаух проходил свой участок пути между 18-м и 27-м километрами. Слева и справа от полотна железной дороги, насколько хватало глаз, простиралась пустыня. Нигде не было видно ни травинки, ни кустика. Обходчик отвечал за участок, расположенный посередине пустыни, рельсы служили единственной дорогой, которая вела его к дому.

Даже самая сильная песчаная буря, которая здесь почти всегда приходила с юга и двигалась поперек железнодорожного полотна, не могла заставить его отказаться от ежедневных обходов. После бури, пронесившейся со скоростью 15-24 метра в секунду, в некоторых местах полотна дороги образовывались такие большие наносы песка, что скрывались даже рельсы. Но это случалось нечасто.

Во время контрольных обходов Штаух проходил почти 10 километров своей «линии цивилизации», одновременно расчищая рельсы. Однако часто это было ему одному не под силу, и тогда вперед шли рабочие, которые разгребали кучи песка.

У обходчика было свое отношение к бурям. Хотя они и наносили некоторый ущерб железнодорожной линии, Штаух не видел в них врага. Ему было интересно наблюдать это явление природы во время обходов. Штауху удавалось в однотонной на вид желтой массе песка отличить блестящие чешуйки слюды от кварцевых песчинок размером не более 3-4 миллиметров. Он замечал частицы горного хрусталя, агата, железной руды, граната и других минералов,

которые вдруг возникали из глубины песка и вскоре после этого вновь уносились ветром.

Игра природы разжигала его любопытство, хотя он очень уставал во время обходов. Но Штаух всегда мечтал найти алмаз, потому что уже ходили слухи, что где-то здесь, в пустыне, могут находиться тысячи драгоценных камней.

Себе-то обходчик мог признаться, что это была единственная причина, по которой он несколько лет назад принял предложение Немецкого колониального общества Юго-Западной Африки. Это общество эксплуатировало железнодорожную линию, протянувшуюся от прибрежного города Людериц до плодородных внутренних районов. Последней станцией был Кетмансхоп. Между этими конечными пунктами раскинулась Намиб — пустыня, которая часто приносила неопытным путешественникам, решившимся проникнуть в нее, мучения и смерть.

Транспортная техника, существовавшая в начале нашего столетия, помогла преодолеть это природное препятствие. Но она требовала внимания. И среди тех, кто ее обслуживал, был Август Штаух. Он зарабатывал на жизнь и одновременно пытался осуществить свою тайную мечту. Но, несмотря на интенсивные поиски, ему до сих пор не удалось найти ни одного алмаза.

Июньским днем 1908 года он, как обычно, вышел на перегон, чтобы расчистить путь от песка. По привычке Штаух сказал рабочим слова, которые он повторял каждый день и над которыми они всегда смеялись: «Будьте внимательны. Если увидите что-нибудь блестящее, сразу же сообщите мне. Это может быть алмаз!» Уже много раз его хотели одурачить, пытаясь всучить ему кристаллы горного хрусталя или слюды. Никто, кроме Штауха, не верил в то, что в этой пустыне можно найти алмазы: ведь здесь не было, как в Кимберли, «голубой земли».

В тот день рабочий-африканец из племени гереро вдруг высоко поднял лопату с песком. На ней сверкал и искрился камень, подобного которому в этих местах еще никто не видел. Все столпились вокруг. Штаух взял камень, внимательно осмотрел его со всех сторон и сказал:

— Возможно, это и алмаз. Но я не могу сказать совершенно точно. Не раз нам попадались здесь и простые куски стекла. Постойте! Мои часы, стекло от моих часов... Мы можем испытать камень.

Он зажал камень между большим и указательным пальцами и с легким нажимом провел им по стеклу. На нем осталась царапина — в пустыне Намиб был открыт первый алмаз!

На следующий день Штаух отправился в Людериц, чтобы показать находку в отделении Немецкого колониального общества. В это время там как раз готовился к поездке по Юго-Западной Африке профессор минералогии Берлинской горной академии доктор Шайбе. Встретившись с железнодорожником, он отказался от своих планов, в которые входили поиски алмазов в других приморских районах германской колонии к северу от бухты Людериц.

Вместе они двинулись в пустыню. Прибыв на место и раскинув палатку, экспедиция отправилась на поиски драгоценных камней. К вечеру было найдено столько алмазов, что они не умещались у них в руках. Вернувшись в лагерь, Шайбе и Штаух увидели, что в долине при свете луны здесь и там блещут камни. Это была долина алмазов.

Возможно, обстоятельства первой находки были и другими, одно достоверно: она была сделана в пустыне Намиб в 1908 году на территории германской колонии Юго-Западная Африка (теперешней Намибии).

Германия получила собственную «алмазную колонию», имевшую кроме алмазов многочисленные

запасы меди, железной руды и многих других полезных ископаемых, о которых в то время скорее догадывались.

Германский империализм придавал находке алмазов такое большое значение, что сразу же после этого статс-секретарь Имперского колониального ведомства доктор Бернхард Дербург отправился в далекое путешествие. Он прибыл в Людериц, охваченный алмазной лихорадкой. Первый штурм пришлось выдержать допотопному телеграфу, куда со всего света поступали заявки на концессии. Служащие Немецкого колониального общества получили приказ внимательно изучать их, с тем чтобы извлечь пользу для колонии.

Тысячи старателей устремились в немногочисленные магазины, чтобы обзавестись необходимыми инструментами для работы в трудных условиях пустыни. Из Европы в Южную Африку на кораблях доставлялось оборудование для ведения работ по добыче алмазов.

Но очень скоро выяснилось, что в неразберихе разным владельцам были выданы концессии на одни и те же участки. Началась ожесточенная борьба за право владения. Все шло к тому, что богатства, которые сулили новые месторождения алмазов, могли попасть к частным лицам, а не в казну кайзеровской Германии.

Кайзеровский указ

Все эти мысли пронеслись в голове статс-секретаря Имперского колониального ведомства, когда он стал свидетелем происходящего.

18 сентября 1908 года Немецкое колониальное общество неожиданно приостановило выдачу лицензий на пробивку шурфов в Юго-Западной Африке.

Посвященные знали, что это было делом рук статс-секретаря, а точнее, Имперского колониального ведомства. В указе было сказано совершенно определенно: на полосе земли длиной 100 километров, которая протянулась вдоль побережья до 26-го градуса южной широты, запрещается вести поиски алмазов. Эта территория находится в распоряжении указанного выше общества, а, следовательно, под контролем кайзеровской империи.

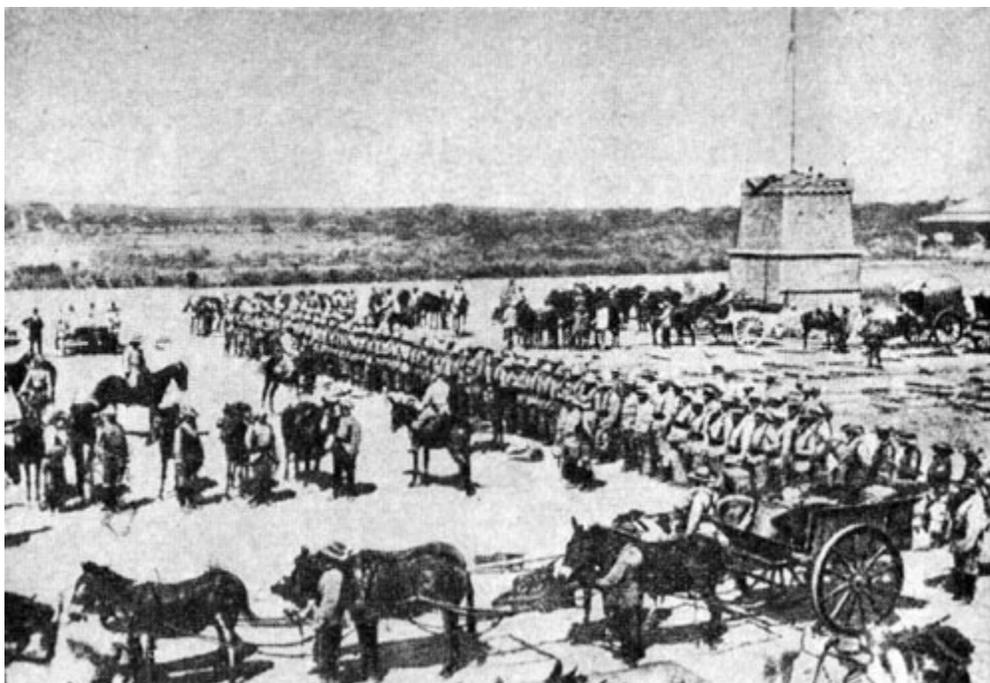
Отделение драгоценных камней от породы

Подобные действия были настолько необычными, что даже буржуазные историки вынуждены были констатировать: «Это явилось уникальным в истории частного права покушением на частную собственность». Скоро, несмотря на недовольство старателей, торговля алмазами стала государственной монополией. Уже в

марте 1908 года ведущими немецкими банками и монополистическими группами был основан так называемый Синдикат шахт Юго-Западной Африки. Открытие в пустыне Намиб совпало с концентрацией капитала в Германии, что позволило начать крупномасштабные разработки.

13 марта 1909 года Немецкое колониальное общество Юго-Западной Африки объединилось с синдикатом, в результате чего в Берлине было образовано общество «Дойче диамантен-гезельшафт мбх». Таким образом, при прямом участии немецкого монополистического капитала возник горнорудный концерн, который постепенно стал устранять или поглощать мелкие общества, не говоря уже об отдельных алмазоискателях.

Кайзеровским указом, который был издан 16 января 1909 года и в качестве срочной депеши передан по проводам в Людериц, всю торговлю алмазами и их реализацию в Юго-Западной Африке предписывалось поставить под контроль Имперского колониального ведомства. В дополнении к указу, которое появилось позже, говорилось, что вывоз алмазов из Юго-Западной Африки может производиться только морем, а не через Южную Африку!

Германский империализм огнем и мечом прокладывает путь к природным богатствам Африки

Так у концерна «Де Бирс» появился серьезный конкурент, который вел добычу алмазов в пустыне Намиб с помощью механизмов и техники. В Юго-Западную Африку морем отправлялись экскаваторы. Среди пустыни выросли огромные насосные станции, качавшие столь необходимую воду с большой глубины и подававшие ее по трубопроводам, иногда длиной в несколько километров, к местам разработок. Были проложены подъездные пути, по которым электровозы доставляли из пустыни к промывочным устройствам алмазосодержащий песок (использование паровозов было невозможно из-за недостатка воды). В бухте Людериц была построена электростанция, которая подавала ток к местам добычи и переработки руды.

Тишина, которая царил в пустыне Намиб в течение тысячелетий, была нарушена грохотом, лязгом и воем

машин. Железный закон гласил, что надо переработать 80 тонн песка, чтобы получить один грамм алмазов. Только за период с 1908 до 1914 года в Юго-Западной Африке было добыто 5 140 000 каратов драгоценного камня. Прибыли увеличились на 3800 процентов.

Но блеск этого множества камней не мог скрыть тот факт, что с ними связаны кровь и страдания тысяч африканцев, которые были замучены германским империализмом в ходе колониального завоевания их родины. Среди многочисленных зверских расправ, учиненных солдатами колониальных войск над африканскими племенами гереро, овамбо, нама и бергдамара, выделяется кровавая трагедия, которая произошла в августе 1904 года в северо-восточной части страны.

Битва у подножия горы Ватерберг

Колючий кустарник, росший по склонам горы Ватерберг, был хорошим укрытием для обеих воюющих сторон. В то же время он препятствовал быстрому продвижению войск. За каждый клочок земли шла ожесточенная борьба.

Сражение длилось уже много дней. Гереро располагали несколькими тысячами ружей, кроме того, они великолепно знали все особенности местности. Но в вооружении они далеко уступали своему противнику. Кайзеровские колониальные войска были вооружены скорострельными горными пушками, пулеметами, располагали средствами связи. Благодаря этому они добивались стратегических преимуществ, а гереро не могли им противостоять, несмотря на свое мужество и бесстрашие. Более 70 000 человек, в том числе женщин и детей, вверили свою судьбу воинам племени и вместе

с ними вынуждены были отступить сюда под натиском германских колониальных войск. За ними простиралась безводная песчаная пустыня Омахеке.

Кайзеровские войска не испытывали к отступающим никакой жалости. В ранцах солдат лежал приказ командующего генерала фон Троты, который гласил: «Каждый гереро, с оружием или без, должен быть расстрелян. Пленных больше не брать». Солдаты колониальной армии поступали так, как повелел «великий генерал могущественного немецкого кайзера». Они окружили лагерь гереро полукольцом, не перекрыт был лишь путь, который вел в пустыню. Немцы не прекращали ураганного огня из скорострельных орудий.

Германские войска заняли почти все источники: снабжение водой становилось для гереро все более затруднительным. Воины, совершавшие ночные вылазки в поисках новых источников, постоянно наталкивались на отряды германских колониальных войск. Ряды гереро редели, и они были вынуждены отходить все дальше в пустыню. Но в сухой сезон в мертвой пустыне не найти и капли воды. 70 000 человек были обречены на мучительную смерть от жажды, что также входило в коварные планы кайзеровского генерала.

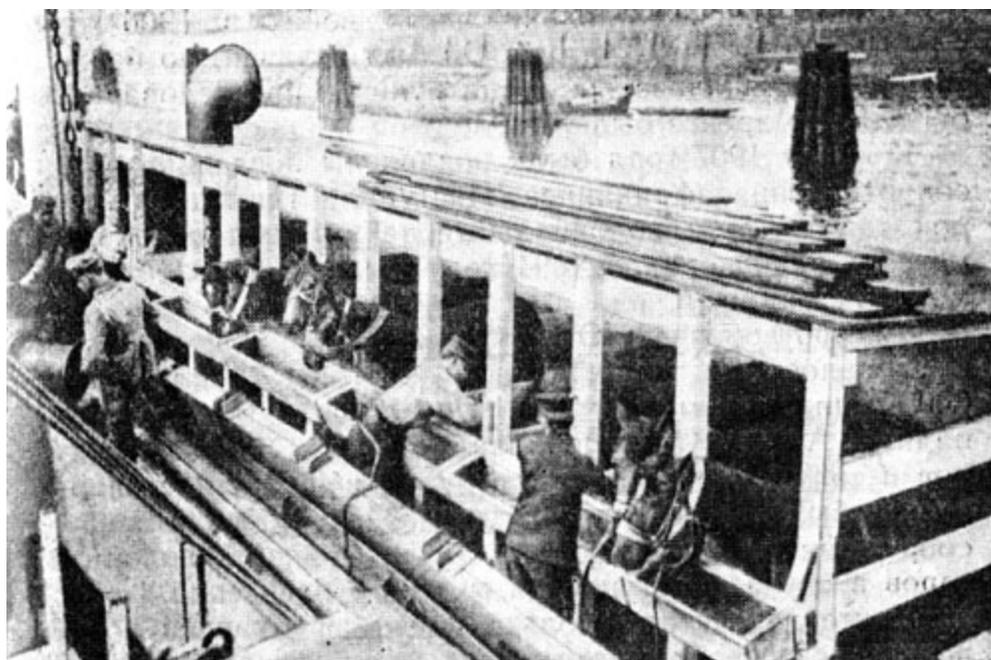
Герои не просят пощады

В том, что такой трагический конец не настал, заслуга африканского полководца Якоба Маренги, который командовал сильной армией, наводившей страх на германские колониальные войска. Он держал под контролем почти весь юг, и только укрепленный город Вармбад находился в руках кайзеровских войск. Получив подкрепление, последние пытались разбить

Маренгу в горах Карамас. Но им был нанесен сокрушительный удар, и они вынуждены были отступить.

Во многих районах страны различные африканские племена поднимались против германского колониального господства. «Палачи гереро», как называли солдат Троты, были вынуждены снять блокаду Омахеке. Приказ об уничтожении племени гереро был отменен 2 октября 1904 года. Но к этому времени в живых осталось лишь 12 000 гереро. Позже, когда подошли новые части колониальных войск, африканцы были взяты в плен и брошены в концентрационные лагеря.

Борьба на юге страны длилась еще много лет. Наряду с Якобом Маренгой прославился успехами в боях против колониальных войск вождь племени гереро Хендрик Витбой.

Перевозка лошадей в Юго-Западную Африку

«Палач гереро» Трота в ноябре 1904 года без особого шума был отозван на родину. Позднее, в Германии, на шовинистической волне его всячески превозносили как героя колониальной войны.

Маренгу, несмотря на все усилия, долго не могли победить. Напрасно Вильгельм II назначил необычайно высокую для того времени награду — премию в 20 000 марок — за поимку национального героя. Среди африканцев не нашлось предателя. И только с помощью британских колониальных войск в 1906 году удалось разбить его армию. Он был схвачен, но бежал. Во время столкновения с патрулем, преследовавшим беглецов, Маренга был убит.

К концу 1907 года были подавлены последние очаги сопротивления африканцев. Наступила тишина, о которой так мечтали колониальные захватчики, с тех пор как эта территория в 1894 году была объявлена германской колонией.

«Умиротворение» Юго-Западной Африки, как это именовалось на колониальном жаргоне, стоило почти 600 миллионов марок. За 1904–1906 годы в Юго-Западную Африку было направлено почти 20 000 офицеров и солдат, 16 000 лошадей и все необходимое снаряжение, были возведены многочисленные оборонительные сооружения, которые должны были защитить колонизаторов в случае выступлений местного населения.

Никто не считал, сколько тысяч африканцев погибло. Некогда свободные племена были загнаны в резерваты с неблагоприятным климатом, каменистой и песчаной почвой. Из всей площади Юго-Западной Африки, составлявшей 835 000 квадратных километров, африканцам в резерватах было отведено не более 12 тыс. квадратных километров. На стране алмазов лежала печать колониализма.

Когда закончилась первая мировая война, африканцы надеялись получить свободу, за которую они сражались и несли кровавые жертвы. Однако передача мандата на управление Юго-Западной Африкой Южно-Африканскому Союзу означала лишь смену колониального владельца. Свободы это не принесло. Народ Намибии до сих пор сражается за нее против жестокого врага.

Сегодня южноафриканский режим апартеида держит Намибию в своих колониальных тисках. «Де Бирс» в 1918 году стала преемницей немецкого концерна «Дойче диамантен-гезельшафт мбх» и сейчас удерживает свои позиции в добыче алмазов.

Конечно, алмазный концерн использует прибыльную систему компаундов, которая в свое время была внедрена и в Намибии. После того как местных жителей — охотников, пастухов, земледельцев — сгоняют с их земель, они превращаются в наемных рабочих, им остается только вербоваться на алмазные разработки. Если раньше «алмазных рабов» доставляли по суше, то сейчас для этой цели используются самолеты, принадлежащие концерну, которые забирают африканцев прямо в резерватах и по истечении срока контракта доставляют их обратно.

Широкая международная общественность глубоко обеспокоена положением в Намибии, одной из последних колоний на Африканском континенте. Упорную борьбу с колонизаторами ведет Народная организация Юго-Западной Африки (СВАПО), которая является единственным законным представителем намибийского народа.

По инициативе африканских стран, поддерживаемых социалистическими государствами, вопрос о предоставлении Намибии независимости неоднократно поднимался в Организации Объединенных Наций. Но ее резолюции о

предоставлении независимости Намибии игнорируются южноафриканскими расистами.

Гонка за алмазами

Около тысячи человек столпилось у линии старта, обозначенной на песке. Это была живописная группа людей, частично полуголых, частично в изодранной одежде, по которой видно было, что ее владельцы знавали и лучшие времена. Некоторые пытались даже немного размяться. Другие же стояли у линии старта как вкопанные и ждали сигнала. Но большинство о чем-то оживленно переговаривалось.

Когда щелкнул выстрел, все вдруг стихло. Далеко вокруг разнеслась команда полицейского: «По местам! Внимание! Пошел!» Второй выстрел дал старт яростной гонке тысячи бегунов, устремившихся к цели, которая находилась на расстоянии 22,3 километра.

Эти люди боролись не за спортивные лавры, а за алмазы, точнее говоря, за алмазоносные участки. Прибежавшие первыми получали право выбрать самые лучшие участки.

Этот необычный забег по пустыне состоялся февральским днем 1926 года. В устье реки Оранжевой были найдены новые месторождения алмазов. Дикий натиск тысяч искателей приключений можно было сдержать лишь с большим трудом. С этой целью район, где пробивались шурфы, был просто-напросто закрыт, и доступ в него открывали в несколько этапов. Поэтому участки разыграли между собой 25 000 старателей.

После того как немецкий империализм потерял в 1918 году свою колонию — Германскую Юго-Западную Африку, усилились стремления других империалистических конкурентов вытеснить

германские монополии из сферы добычи алмазов. Это касается прежде всего периода после 1926 года. На вновь открытых алмазных россыпях в Юго-Западной Африке 50 000 белых и 90 000 африканцев просеивали песок. Для южноафриканского концерна «Де Бирс» возникла опасность, что рынок будет наводнен алмазами, а это вызовет резкое падение цен на них.

В то время как в конторах Кимберли и Йоханнесбурга лихорадочно искали действенные контрмеры, которые должны были укрепить позиции «Де Бирс», некий молодой человек родом из Европы по прозвищу Оппи как раз готовил себя к карьере в алмазном бизнесе.

Он должен был унаследовать лавку своего отца, который в маленьком городке Фридберге занимался продажей сигар и других табачных товаров. Его заработка хватало, чтобы худо-бедно прокормить семью.

Но молодого Эрнста Оппенгеймера больше всего привлекал центр мировой торговли — Лондон, и он отправился туда, едва ему минуло 16 лет. Юноша стал младшим помощником торговца алмазами Антона Дункельсбулера, который и прозвал его Оппи. Здесь перед молодым человеком открылся новый мир, который быстро заставил его забыть пыльный табачный магазин в родном Фридберге.

Маленькие сверкающие камни, которые он каждый день держал в руках, привлекали его не меньше, чем бесчисленные возможности манипулировать ценами, чему он научился у своего хозяина.

Скоро Оппи перевели в филиал фирмы Дункельсбулера в Кимберли, где он сам начал спекулировать алмазами. Ему удалось стать партнером в нескольких небольших артелях алмазодобытчиков, прежде всего в тех, которые действовали в Юго-Западной Африке.

Хладнокровно все рассчитав, он пришел к выводу, что ни в Кимберли, ни где-нибудь еще в Южной Африке новичку нечего делать против могущественного концерна «Де Бирс».

Конец первой мировой войны стал для молодого Оппенгеймера, который успешно спекулировал на алмазной бирже, звездным часом. В лице Джона Пирпонта Моргана, главы нью-йоркского банкирского дома, он нашел влиятельного в финансовом отношении союзника, с помощью которого намеревался скупить большую часть алмазных концессий, принадлежавших германским монополиям в Юго-Западной Африке.

Так возникла компания «Консолидейтед даймонд майнз оф Саут Уэст Африка». Ее директором стал американец Ф. К. Халл, Оппенгеймер же довольствовался постом члена наблюдательного совета, хотя к этому времени он уже возглавлял крупную монополию «Англо-Америкен корпорейшн оф Саут Африка» (ААК).

Оппенгеймер ломал себе голову, как выбить из седла могущественных конкурентов из концерна «Де Бирс». Сын торговца табачными товарами остановил свой выбор на удивительно простом способе, который он освоил, занимаясь алмазным бизнесом, и который в общих чертах практиковал уже его предшественник — Сесиль Родс.

Открытие нового месторождения в 1926 году вызвало настоящую панику у торговцев алмазами, ибо привело к затовариванию рынка, которого они уже давно опасались. Перед акционерами очень скоро встал вопрос, не будет ли пригоршня алмазов стоить столько же, сколько и кусочек меди или свинца.

Механизм строго ограниченной продажи камней, с таким трудом созданный Сесилем Родсом, перестал действовать. Многочисленные новые конкуренты и тысячи отдельных старателей подорвали его.

Оппенгеймер тоже ничего не предпринимал против этого наплыва алмазов. При сильной долларовой поддержке из США он скупал акции «Де Бирс», которые были на бирже. Теперь они были дешевле, чем раньше, потому что обезумевшие акционеры дрожали за свои деньги.

Когда в октябре 1929 года весь капиталистический мир был потрясен до основания огромной биржевой катастрофой, в сейфах Оппенгеймера хранилась уже приличная пачка акций «Де Бирс». Спустя несколько недель он получил приглашение в Кейптаун.

Рождество в парламенте

В рождество 1929 года, в 10 часов утра, вереница черных автомобилей подъехала к зданию парламента в Кейптауне. Это было время, когда каждый порядочный бур находился в церкви, потому что Нидерландская реформатская церковь требовала, чтобы верующие отмечали важные религиозные праздники, в том числе рождество, посещением церкви.

Но у южноафриканского премьер-министра были серьезные причины нарушить эти строго соблюдаемые правила. Он быстро поднялся по ступеням здания парламента, вслед за ним на некотором расстоянии шли сопровождавшие его лица.

Эрнст Оппенгеймер, который был избран членом, парламента, чуть задержался. Когда он вошел в зал заседания, все уже собрались за круглым столом. Чрезвычайное заседание наблюдательного совета «Де Бирс» началось. Оппенгеймер заметил, что присутствующие, в том числе председатель совета сэр Дейвис Харрис, при его появлении в полной растерянности посмотрели в его сторону.

Харрис показал на два алмаза, которые лежали на столе, и сказал: «Это подорвет всю нашу торговлю алмазами, уничтожит нас. Что станет с нашими рынками сбыта, когда алмазы из новых месторождений наводнят мир?»

Никто не знал, что ответить на этот вопрос. Вдруг Оппенгеймер, новичок в этом наблюдательском совете, попросил слова.

— Господа, разрешите мне привести слова мистера Родса, которые очень подходят к сложившейся ситуации: «Если бы на всем свете было бы только четыре человека, то надо было бы продавать столько алмазов, чтобы хватало лишь для двоих». Именно этим принципом мы должны руководствоваться в своей торговле, к я сделаю все, чтобы эта цель была достигнута.

Оппенгеймер развил перед присутствовавшими грандиозный, продуманный до мелочей план. Собравшимся нечего было возразить. Оппенгеймер был избран президентом концерна «Де Бирс консолидейтед майнз» и через несколько дней после рождественского заседания начал претворять свои планы в жизнь.

В самый короткий срок большинство алмазных шахт империи «Де Бирс» было закрыто. Десятки тысяч рабочих потеряли работу. Специальные самолеты патрулировали районы алмазных месторождений, чтобы пресекать деятельность старателей-одиночек.

Сразу же прекратилась большая часть поставок алмазов в Европу и Америку, которые раньше осуществлялись регулярно. В крупнейших центрах обработки алмазов — Амстердаме, Брюсселе, Нью-Йорке и Идар-Оберштейне — фирмы разорялись в масштабах, которых еще не знала история этой отрасли. Годовой оборот южноафриканской алмазодобывающей промышленности упал с 12,4 миллиона фунтов

стерлингов в 1929 году до-1,5 миллиона фунтов стерлингов в 1932 году.

Оппенгеймеру удалось убедить владельцев шахт в Португальской Анголе, Французской Западной Африке, Бельгийском Конго, что необходимо сократить добычу алмазов ради оздоровления торговли. Контроль над добычей алмазов оказал большое влияние на рынок алмазов. В начале 1928 года цены на алмазы достигли рекордно высокого уровня. Но даже «Даймонд синдикат», контролировавший почти весь мировой рынок алмазов, не мог предотвратить воздействия начавшегося в 1929 году мирового экономического кризиса на алмазную промышленность. В поисках выхода из создавшегося положения Оппенгеймер при финансовой поддержке банкирского дома Ротшильда создал международную организацию по продаже алмазов — «Даймонд корпорейшн», которая стала выполнять функции ликвидированного «Даймонд синдикат». Ее президентом стал Оппенгеймер. Таким образом, снова 94 процента мировой добычи алмазов оказалось в руках одной алмазной сверхмонополии.

«Даймонд корпорейшн» скупала на сумму 12 миллионов фунтов стерлингов уже добытые, но еще не обработанные алмазы, и это вызвало вновь повышение цен. Теперь они диктовались империей сэра Эрнста Оппенгеймера.

Лондон стал штаб-квартирой корпорации, которую в деловых кругах называли просто синдикат. Все партнеры должны были ориентироваться на твердо определенные квоты добычи. При этом на компании Оппенгеймера приходилось 65 процентов, в то время как остальные партнеры делили между собой 35 процентов добычи. Ежегодно после анализа состояния рынка устанавливались новые квоты. Но это соотношение, естественно, не менялось. Если спрос

увеличивался, то его удовлетворяли за счет богатых запасов синдиката.

«Сырьевой рай» в Южной Африке привлекает не только американские концерны. Все ведущие монополии империалистических государств — членов НАТО уже в течение многих лет занимают там прочные позиции. В ЮАР, например, более 300 американских дочерних компаний, 500 английских, 400 западногерманских. Они, конечно, действуют не только в горнодобывающей промышленности, но и в других отраслях южноафриканской экономики.

В то время как Оппенгеймер из своей южноафриканской штаб-квартиры руководил созданием всемирной алмазной монополии, в Южной Африке формировались силы, которые сегодня проводят фашистскую политику расовой дискриминации. Они объединены в Националистическую партию, члены которой взяли на себя «миссию белого человека» на юге Африки.

Расистское безумие гитлеровских фашистов имело много общего с их концепциями. Во время второй мировой войны они рассчитывали на мировое господство немецких завоевателей и видели в них победоносных и верных союзников. Многочисленные политические руководители Южной Африки переняли у нацистских идеологов многие положения их расистской «теории» и через свою тайную фашистскую организацию — так называемый Брудербонд^[7] — стали претворять в жизнь фашистскую модель общества. В 1948 году Националистическая партия пришла к власти. В стране воцарился террор.

Привилегии белых, дискриминация и унижение черных — это официальная государственная доктрина в ЮАР. Расисты разработали законодательную систему апартеида. 200 законов стали формально-юридической

основой для нечеловеческой эксплуатации и угнетения более 20 миллионов африканцев, которые находятся под пятой расистского белого меньшинства.

В этой обстановке растут доходы семьи Оппенгеймер и ее партнеров в империалистических странах — членах НАТО. В блеске южноафриканских бриллиантов отражаются кровь, пот и слезы африканского населения, которое живет в резерватах в ужасной нищете. Под страхом голодной смерти африканцы вынуждены наниматься на предприятия горнодобывающей промышленности, жить в компаундах и терпеть жестокую эксплуатацию.

Южная Африка является бастионом империализма и монополий. Все империалистические государства — члены НАТО сегодня больше чем когда-либо заинтересованы в сохранении этого источника доходов и готовы любыми способами защищать его от растущего национально-освободительного движения.

Нигде в Африке империализм не сконцентрировал такого военного потенциала, как на юге континента. Страны НАТО, в том числе ФРГ, обеспокоенные судьбой месторождений алмазов, золота, урана, поддерживают с расистами тесные политические и военные связи.

«Сафари»^[8] под чужим именем

Человек, сидевший у аварийного выхода, внимательно наблюдал за тем, как самолет идет на посадку. Будучи опытным летчиком-истребителем, он в современных реактивных лайнерах всегда занимал такое место, откуда можно легче и быстрее всего выбраться наружу.

Сделав большой круг, машина пронеслась над Йоханнесбургом. Было воскресенье 6 октября 1974

года. Ровно в 10 часов 25 минут самолет точно по расписанию приземлился в аэропорту имени Яна Смэтса.

Никто из пассажиров и команды не знал, что пассажир у аварийного выхода, который теперь первым отстегивал ремень, летел под чужим именем. Свою генеральскую форму он сменил на неброский гражданский костюм. То же самое сделали и военные, которые провожали его от штаб-квартиры НАТО в аэропорт, расположенный в получасе езды от столицы Бельгии. Путь генерала в Йоханнесбург лежал через Лондон. Там он и его жена получили документы на чужие имена: теперь их звали мистер и миссис Болл. В лондонском аэропорту господин в штатском передал им билеты южноафриканской авиационной компании, которые, как стало известно много позднее, были оплачены министерством обороны ЮАР.

Хотя правители страны, в которую летели супруги Болл, утверждают, что располагают лучшей в мире службой безопасности, генерал не тревожился из-за своих фальшивых документов, так как знал, что проверять их не будут.

Среди встречавших находились высшие чины южноафриканской армии, в том числе инспектор ВВС в чине генерал-лейтенанта Дж. П. Ферстер с супругой, сопровождавшие их офицеры, а также специальный адъютант, прикомандированный к прибывшему генералу.

Люди в штатском, по выправке которых нетрудно было догадаться, что они привыкли носить военную форму, проводили супругов Болл к ожидавшему их автомобилю, благодаря чему последние избежали проверки документов. Так началось трехнедельное «сафари», как его называли в официальных документах.

Путешествие было организовано очень хорошо. Генералу и его жене был предоставлен специальный вертолет южноафриканских ВВС, по дипломатическим каналам выяснена желательная программа поездки, уточнены детали. Все это делалось для того, чтобы не допустить просачивания каких-либо сведений о поездке в прессу. Под именем Болла скрывался не кто иной, как представитель ФРГ в военном комитете НАТО генерал Гюнтер Ралль, который должен был по поручению бундесвера и верховного командования НАТО во время своего, казалось бы, «частного сафари» в Южной Африке выполнить специальное задание.

Но сначала состоялась настоящая охота. В сопровождении высших офицеров южноафриканской армии Ралль с супругой отправились в Национальный парк Крюгера. Они наслаждались захватывающим зрелищем, наблюдали жизнь диких зверей в естественных условиях. Вечером на костре жарили сочное мясо, пили отборные южноафриканские вина и в этой веселой, непринужденной обстановке обсуждали, как наилучшим образом выполнить намеченную программу. Все пожелания гостя принимались во внимание, в том числе и его намерение посетить Центр ядерных исследований ЮАР в Пелиндабе. Именно в этом городе при содействии экспертов из ФРГ ведутся разработки ядерного оружия.

ЮАР, обладающая богатыми запасами урана, — выгодный партнер для ФРГ. Фашистский режим апартеида отказался присоединиться к Договору о нераспространении ядерного оружия, поэтому его ядерные исследования не подлежат какому-либо международному контролю.

Во время посещения Пелиндабы гость встретился с президентом южноафриканского Агентства по атомной энергии господином Ру. Они уже были знакомы: последний неоднократно приезжал в ФРГ, где обсуждал

с немецкими экспертами проект строительства атомного реактора в Пелиндабе. В создании южноафриканского Центра ядерных исследований был занят ведущий энергетический концерн ФРГ: «Эссенер Штайнколь-Электрицитэт АГ» (СТЭАГ), а также Общество ядерных исследований в Карлсруэ, которое контролируется министерством исследовательских работ в Бонне. В различных исследованиях участвуют такие крупные компании, как «Сименс», АЭГ и «Телефункен». Эти концерны уже почти сто лет назад заняли прочные позиции в добыче золота и алмазов в Южной Африке, а теперь — в электротехнической промышленности. Используя методы экономической экспансии, они проводят ту политику, которую в свое время безрезультатно пытался проводить на юге Африки Вильгельм II.

На такие «богатые традициями связи» и ориентировался западногерманский генерал во время своего визита в южноафриканский Центр ядерных исследований.

Но принимавших его южноафриканцев особенно интересовал другой пункт программы: посещение Раллем генерального штаба южноафриканской армии. Начальник штаба изложил соображения о стратегическом значении ЮАР в военном планировании НАТО. Не в последнюю очередь по этой причине южноафриканская сторона так интенсивно готовила в течение более двух лет «сафари» штабного генерала НАТО.

Южноафриканский посол в Бонне Золе писал своему правительству, ссылаясь на запланированное «сафари»: «Очень хорошо, что Ралль отправится в эту поездку: во-первых, он занимает высокое положение в верховном командовании бундесвера, а во-вторых, сменит своего предшественника в НАТО Штайнхоффа, а это стоит особых усилий».

Южноафриканские правители знают, что их оценка политико-стратегического значения Южной Атлантики, мыса Доброй Надежды, Индийского океана в значительно большей степени совпадает со взглядами командования бундесвера, чем со взглядами военных и политиков, представляющих в НАТО другие страны. Поэтому они были почти уверены, что после визита Ралля их планам в штаб-квартире НАТО будет уделяться большее внимание.

В то время, когда Ралль наслаждался многообразием животного и растительного мира Южной Африки и охотился, на заседании бундестага в Бонне был поднят довольно щекотливый вопрос.

16 октября 1974 года депутат от Социал-демократической партии Ленелотте фон Ботмер во время часа для вопросов и ответов спросила: «Действительно ли немецкие офицеры часто посещают Южную Африку с официальными визитами, хотя Южная Африка не входит в зону действия НАТО?»

Исполнявший обязанности статс-секретаря в министерстве обороны ФРГ Карл Вильгельм Беркхан ответил на это, полностью сознавая, что идет на совершенно явную ложь (ибо сам принимал участие в подготовке «сафари» Ралля): «Министерству обороны ФРГ неизвестно о каких-либо официальных посещениях немецкими офицерами Южно-Африканской Республики». Далее он продолжал нагло подтасовывать факты: «Если кто-нибудь из военных намеревается посетить Южную Африку, он должен подать заявление о командировке. Такая командировка согласовывается на высшем уровне. Но я могу сказать вам, что, если бы кто-то подал такое заявление, оно было бы встречено отказом». Сделав последнее замечание, статс-секретарь снова сказал неправду. «Высший уровень», в данном случае министр обороны Лебер, дал такое

разрешение на поездку Ралля. А посол ЮАР в Бонне Золе телеграфировал об этом в Преторию.

В то время как проходили дебаты в парламенте ФРГ и Беркхан рассказывал журналистам небылицы, мистер Болл, или Ралль, завершал программу своего визита. Пока все шло хорошо, никто не задавал неприятных вопросов.

Визит, очевидно, был настолько успешным для правителей ЮАР, что они готовы были исполнить еще одну просьбу своего гостя, которую он высказал в один из вечеров у костра.

— Раз уж я нахожусь в Африке, мне бы хотелось увидеть своего старого друга Курта Дальмана. Мне хотелось бы съездить на юго-запад^[9].

— Дальман на юго-западе? Вы имеете в виду главного редактора «Альгемайне цайтунг» в Виндхук?

— Да, именно его.

— Но откуда вы его знаете?

— Мы старые товарищи, служили в одной эскадрилье. На войне — с 1939 по 1945 год — вместе участвовали в воздушных боях и охотились на томми^[10]. Дальман был мужественным человеком. Я бы с удовольствием с ним встретился.

— Я уверен, герр генерал, что министерство обороны охотно прислушается к вашей просьбе.

Уже через несколько дней специальный адъютант сообщил гостю, что самолет южноафриканских ВВС готов совершить непродолжительный полет в Виндхук, административный центр Намибии.

Это было путешествие в «заповедник» нацистов, многие из которых после поражения фашизма бежали в эту бывшую германскую колонию и там творят свои темные дела.

Старый нацист Дальман не единственный, кто нашел здесь прибежище. Более 25 000 переселенцев из

Германии прочно обосновались в Юго-Западной Африке. Эти люди верны фашистским традициям, они, например, ежегодно отмечают день рождения фюрера. В Виндхуке есть улица Кайзера и улица Геринга.

Один из самых ярых приверженцев фашистских традиций — бывший офицер ВВС фашистской Германии Дальман. В своей газете «Альгемайне цайтунг», печатающейся на немецком языке, он постоянно подогревает националистические настроения реакционной немецкой общины, пропагандирует политику «сохранения традиций», поддерживает идеи поборников апартеида в ЮАР. В Претории этих «немцев» считают важными союзниками в борьбе против национально-освободительного движения африканцев. На них и на их покровителей в ФРГ многие годы опирались правители Южной Африки. Это объясняет, почему режим апартеида при тайной и явной поддержке Бонна так открыто игнорирует решение ООН о немедленном предоставлении независимости Намибии.

Поэтому встреча генерала ФРГ и кавалера Железного креста Ралля с кавалером Железного креста Дальманом стала совершенно неожиданным дополнительным пунктом в программе визита.

В самолете, вылетевшем 25 октября 1974 года из Йоханнесбурга в Лондон, около двери с табличкой «запасный выход» сидел незаметный мистер Болл с супругой и смотрел в иллюминатор. Генерал бундесвера успешно выполнил свое задание. После возвращения Ралля посол Золе сообщил главнокомандующему южноафриканской армии, что гость, ставший «убежденным защитником расистского режима, упорно подчеркивает в НАТО стратегическое значение Южной Африки».

2 ноября 1974 года Ралль писал Золе: «Личное знакомство с этой красивой и богатой страной...

помогло нам лучше понять ее сложные проблемы». В этом письме он еще раз напомнил о необходимости действовать в соответствии с оговоренной ранее тактикой: «Чтобы избежать ненужных дискуссий, мы в любом случае должны придерживаться версии, что я как частное лицо принял частное приглашение и при этом, конечно из любезности, установил контакты с некоторыми официальными инстанциями, которые имеют прямое отношение к моей профессии».

Но, несмотря на все меры предосторожности, обеим сторонам пришлось пережить разочарование. Они слишком рано почувствовали себя в безопасности, именно этим можно объяснить ту небрежность, с которой некоторые люди обращались с компрометирующими документами, относящимися к этой поездке.

Почти год спустя одному африканскому политику в Лондоне был передан толстый конверт. Он содержал строго секретные документы, которые освещали подробности этого в высшей степени любопытного путешествия и которые, как выяснилось позже, «потерялись» при. переезде южноафриканского посла в новую резиденцию в Бонне.

Меры безопасности, принятые во время визита Ралля, оказались, таким образом, напрасными, секретная служба ЮАР (БОСС) не справилась с заданием. Благодаря усилиям борцов за освобождение Южной Африки некоторое время спустя стали известны подробности попытки сговора расистов ЮАР и их сторонников в ФРГ. Эта операция была проведена под руководством Африканского национального конгресса (АНК), который борется не только против режима апартеида в своей стране, но и выступает с разоблачением империалистического союза стран — членов НАТО с расистами из Претории.

Когда документы о тайной миссии западногерманского генерала Ралля стали достоянием общественности, западногерманская пресса, падкая на сенсации, набросилась на подробности этого «сафари». Репортер журнала «Штерн» взял интервью у «туриста», вернувшегося из Южной Африки, о его поездке и сочинил историю о частном посещении Раллем его старого боевого товарища Дальмана. Но вскоре эта версия была разоблачена: генералу были предъявлены письма, которые он лично направил послу ЮАР в Бонне.

Из «утраченных» документов стало известно о тесных связях посла ЮАР Золе с многочисленными боннскими политиками, прежде всего с Францем-Йозефом Штраусом, Герхардом Штольтенбергом и статс-секретарем федерального министерства экономики доктором Карстеном Роведдером.

Уже многие годы поддерживаются постоянные контакты между крупными военными чинами в НАТО и представителями южноафриканских расистов. Ралль в ходе своего визита должен был установить новые контакты. Неприятностей, связанных с раскрытием этой деятельности, ни та, ни другая сторона не могли заранее предвидеть.

Тайна серебряной шахты

Какие цели преследует НАТО в районе мыса Доброй Надежды? Прежде всего руководители этого блока хотели бы поставить под свой стратегический контроль путь вокруг Южной Африки, являющийся важнейшим международным морским путем. Другая цель тесно связана с господством расистов на юге Африки. После освобождения португальских колоний Анголы и Мозамбика значение расистского режима для НАТО и

мирового империализма существенно увеличилось. Намибия и Южная Африка — это последние бастионы империалистов на Африканском континенте.

В последние годы расисты при интенсивной поддержке Соединенных Штатов и их союзников по блоку НАТО создали на юге Африки ударную силу, которая призвана «усмирить» независимую Африку. Большое значение для НАТО имеет радиолокационная система; ее центральный пункт, который может выдержать прямое ядерное попадание, расположен в заброшенной серебряной шахте. Бывшие офицеры бундесвера руководят обслуживанием аппаратуры, на которой стоят фирменные таблички: АЭГ, «Сименс», «Телефункен». Система наблюдения позволяет следить за всеми передвижениями судов и полетами самолетов от Южного полюса до Северной Африки и от Южной Америки до Индии.

Ралль играл во всем этом заговоре активную роль. Как летчик-истребитель фашистской «люфтваффе», он получил за 275 боевых вылетов Железный крест с дубовыми листьями и мечами, а эти «заслуги» обеспечили ему высокие должности в бундесвере и НАТО.

После разоблачения Ралля министр обороны незамедлительно отправил его на «пенсию», с тем чтобы побыстрее замять инцидент. Но остались другие люди, которые продолжали плести нити заговора. Как заметил один западногерманский журнал, если бы все, замешанные в деле Ралля и аналогичных делах, ушли в отставку, то пришлось бы намного увеличить пенсионный фонд.

Долгое время правительство ФРГ и видные политики обманывали народ, отрицая наличие тесных связей страны с режимом апартеида, хотя известно, что Штраус, Абс, Крупп, Шрёдер и другие представители ФРГ побывали в Южной Африке как раз в то время,

когда фашистский режим, получивший международное осуждение, усилил свои репрессии против африканцев. Эти политики увидели апартеид в действии, и все же они многие годы восхваляли, защищали или по меньшей мере терпели его. Это воодушевляло расистов, разработавших и претворяющих в жизнь изоциренную систему эксплуатации и дискриминации.

В этой связи вполне обоснован вопрос: какая зависимость существует между руководством НАТО, командованием бундесвера, южноафриканскими расистами и алмазами?

Сырьевой покер в разные времена

Цели империализма в Африке

Говоря о необыкновенной красоте «царя камней», не следует забывать его экономическое, политическое и стратегическое значение.

В ходе многовековой истории человечества использование алмазов претерпело существенное изменение. По мере развития науки и техники они переставали быть исключительно украшением; одновременно росло их экономическое значение.

Удивительные свойства алмазов позволяют использовать их в инструментах, без которых сегодня нельзя представить себе ни одну отрасль промышленности. О разнообразных сферах применения алмаза речь пойдет ниже. Здесь же необходимо прежде всего остановиться на том, какую роль «царь камней» вместе с другими видами сырья играет в мировой политике.

В настоящее время сырьевая ситуация так или иначе воздействует на многие события в мире. В истории империализма борьба за полезные ископаемые, за создание экономических и политико-стратегических сфер влияния служила основным мотивом политических интриг и даже вооруженных конфликтов.

Уже в начале XX века государственные деятели империалистических держав использовали слово «сырье» так же часто, как и в настоящее время. Даже классический империализм с его стремлением к грабежу и экспансии хотел прежде всего установить

свою собственность на каждый еще не занятый соперниками клочок суши.

Мир государственно-монополистического капитала глубоко охарактеризовал В. И. Ленин в своей работе об империализме. «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, — писал В. И. Ленин, — но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными, если будут найдены новые приемы... если будут произведены большие затраты капитала. То же относится к разведкам относительно минеральных богатств... Финансовый капитал вообще стремится захватить как можно больше земель каких бы то ни было, где бы то ни было, как бы то ни было, учитывая возможные источники сырья»^[11].

Колониальные державы вели ожесточенную политическую и военную борьбу за передел мира. На протяжении десятилетий они проводили политику жестокой эксплуатации и угнетения, последствия которой еще сегодня сказываются в Азии, Африке и Латинской Америке.

В настоящее время проблема сырья приобретает особую остроту в связи с кардинальными сдвигами в соотношении сил на мировой арене в пользу социализма и освобождением почти всех бывших колониальных владений.

Империализм, вынужденный приспособливаться к новой расстановке сил на мировой арене, сильнее, чем раньше, держится за те регионы, которые еще находятся в сфере его прямого влияния, ибо ему нужно сырье, без которого невозможно современное производство.

Юг Африканского континента остается единственным крупным колониальным массивом в мире,

который, как уже говорилось, расположен в одном из наиболее важных в стратегическом отношении регионов земного шара.

Страны — члены НАТО вместе со своими расистскими партнерами некогда разработали дьявольский план: ЮАР, Южная Родезия, Намибия, бывшие португальские колонии Ангола и Мозамбик должны были навечно стать заповедником колониализма. Это объединение, получившее неофициальное название «дьявольский союз», было призвано способствовать сохранению господства белого расистского меньшинства на юге Африки.

Но этот план, как и многие другие неоколониалистские проекты, рухнул под напором исторических событий.

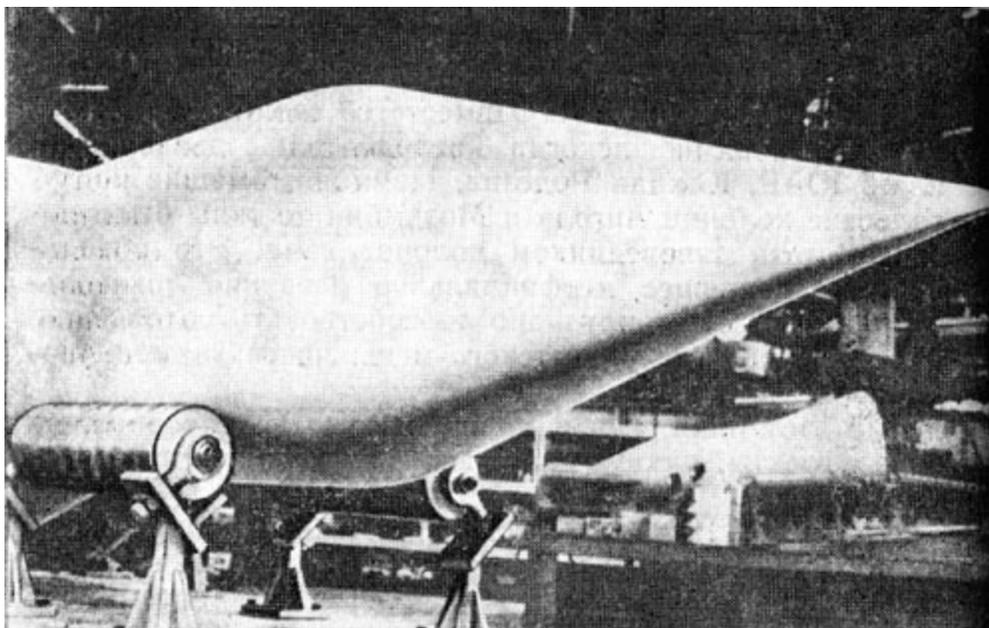
В апреле 1974 года пал фашистский режим Каэтано в Португалии. Затем последовала ликвидация португальского колониального господства в Гвинее-Бисау, Мозамбике, Анголе, которые вступили на путь независимого развития. Широкомасштабная империалистическая интервенция против молодой Народной Республики Анголы должна была помешать этому процессу. Ответом на империалистическую акцию стал подъем национально-освободительного движения на Африканском континенте, в том числе и в последних бастионах империализма и колониализма: Южной Родезии, Намибии, Южной Африке.

В Южной Родезии борьба патриотических сил завершилась созданием независимого государства — Республики Зимбабве.

Южная Африка и Намибия располагают самыми значительными в мире запасами хрома, добываются здесь также асбест и железная руда. О природных богатствах Намибии можно судить лишь по косвенным данным, потому что точные сведения расистский режим умышленно скрывает. Но запасы урана, алмазов, меди,

железной руды также относятся к крупнейшим в мире. Их разрабатывают многочисленные многонациональные корпорации, в которых принимают участие южноафриканские фирмы.

Какое-то, хотя и далеко не полное представление о бесчисленных алмазных богатствах этой страны дают меры, принимаемые режимом апартеида. Тысячи квадратных километров пустыни Намиб, где находятся районы, богатые алмазами, объявлены запретной зоной, вход в которую запрещен под страхом самого сурового наказания. Там, где алмазы сравнительно легко можно добывать из песка, поверхность земли покрыта тонким слоем асфальта, чтобы воспрепятствовать любой несанкционированной добыче.

Детали космических ракет обрабатываются алмазными инструментами

Южно-Африканская Республика занимает ведущее место в капиталистическом мире по добыче алмазов (в

стоимостном выражении). По весу добываемых камней она уступает Заиру, поставляющему на мировой рынок в основном технические алмазы (ЮАР экспортирует главным образом ювелирные алмазы). В Южной Африке сосредоточены также богатейшие запасы золота, урановой руды, сурьмы, каменного угля, марганца, хрома и других видов природного сырья.

Эти запасы имеют большое стратегическое значение, так как золото, уран, алмазы незаменимы в электротехнической промышленности, металлургии, химической промышленности. Без них невозможна аэрокосмическая техника, не говоря уже о вооружении современной армии.

Если принять во внимание зависимость империалистических стран от импорта этих полезных ископаемых, то станет ясно, почему государства — члены НАТО так активно выступают в поддержку расистско-колониального режима в Южной Африке.

Богатства юга Африки будут иметь важное значение и для последующих поколений. Используя данные об объеме современной добычи стратегических полезных ископаемых, эксперты рассчитали, на сколько лет их может хватить. Например, золота — на 60 лет и более, урана — примерно на 200, хрома — по крайней мере на 2000, меди — приблизительно на 50, железной руды — на 100, марганца — на 1000, угля — на 200, платины — на 1000, асбеста — на 40 лет и более.

Как видим, данные об алмазах отсутствуют. Это объясняется тем, что запасы этого драгоценного камня не могут быть точно определены.

Приведенные прогнозы будут иметь еще больший вес, если их рассматривать в сочетании с таким фактором, как возможности для выгодного вложения капиталов. Фашистский режим апартеида сам заинтересован в том, чтобы как можно шире привлекать многонациональные корпорации стран — членов НАТО,

с помощью которых правители ЮАР надеются сдержать все усиливающееся африканское национально-освободительное движение.

Расисты имеют 300-летний опыт подавления африканцев, поэтому иностранный капитал не опасается национализации в ЮАР; он получает от южноафриканского государства большие налоговые льготы и выгодные условия для перевода прибылей.

Фашистский режим апартеида всячески пытается подчеркнуть свою ведущую роль в реализации империалистических планов на Африканском континенте. Марэ, председатель совета «Траст бэнк оф Африка лтд», штаб-квартира которого находится в Южной Африке, заявил в конце 1975 года: «Мы (расистский режим, — *Ф. М.*) предлагаем политическую стабильность, индустриальный мир, заманчивые прибыли, соразмерные налоги и перспективу быстрого развития в будущем».

Считается, что на юге Африки сосредоточено 70 процентов мировых запасов алмазов. Эти данные не следует рассматривать как абсолютно достоверные. Скорее всего имеются в виду ювелирные алмазы. Известно, что при добыче драгоценных камней отбираются те, которые предназначаются для изготовления украшений. При раскалывании и шлифовке появляются мелкие камни и алмазная пыль, которые затем используются в промышленности. Они в какой-то степени являются «отходами», и их запасы трудно определить.

На примере торговой деятельности пресловутого концерна мистера Оппенгеймера отчетливо видно, что он и его сподручные прилагают огромные усилия, чтобы скрыть от всего мира действительное состояние важнейшего мирового рынка алмазов.

Сообщения из Южной Африки в общем сравнительно редко касаются торговли алмазами.

Заголовки газет говорят о терроре, который режим апартеида проводит против африканского населения. Сегодня в столицах стран — членов НАТО признается тот факт, что на самом юге Африки назревает опасный конфликт. Оголтелые расисты, видя неизбежный конец колониализма, усиливают террор, проливая кровь тысяч людей, но и среди белого меньшинства все больше распространяется чувство неуверенности.

«Буры боятся, хотя многие не признаются, что им страшно», — писал в статье, опубликованной в западногерманском журнале «Дер Шпигель», корреспондент, побывавший в ЮАР. Один из тех, у кого он взял интервью, заявил: «Мы говорим о борьбе до последнего человека, чтобы скрыть свой страх». Это, конечно, мнение не только одного человека. Политическая ситуация в Южной Африке существенно изменилась с лета 1976 года, когда произошло кровавое побоище в Соуэто. Правительство еще более накалило обстановку, заявив, что надо защищаться от «насилия черных». Тем самым оно хотело отменить требование широких слоев мировой общественности о ликвидации системы расового угнетения. Оружейные магазины в Южной Африке стали получать рекордную выручку. Даже дробовики, по сообщениям печати, «раскупались, как пирожки с мясом». У южноафриканского телевидения, которое в то время как раз начало свои передачи, большую популярность получила многосерийная картина «Бур и его ружье», в которой рассказывалось, как обращаться с оружием различных систем.

Несмотря на эти официальные лозунги и кампанию, направленную на обострение политической ситуации, растет число тех, кто хотел бы убраться отсюда.

В обстановке страха и неуверенности алмазы получили совершенно новое значение. Ирония истории заключается в том, что драгоценные камни, которые сто

лет назад заманили тысячи искателей счастья и приключений из Старого Света в жаркие пустыни Южной Африки, стали сегодня спутниками тех, кто бежит из ЮАР.

В это кризисное время алмазы пользуются у богачей еще большим спросом, чем оружие и золото. Драгоценные камни стоят необычайно дорого, поэтому те, кто сколотил миллионы на эксплуатации африканцев, скупают алмазы и незаметно вывозят их за границу. Драгоценные камни в отличие от золота можно сравнительно легко скрыть от таможенников и продать за большие деньги.

Поэтому сегодня в Южной Африке наблюдается «алмазный бум» особого свойства, который также не имеет аналога в истории «царя камней» и определяется современной политической ситуацией.

По оценке одного торговца алмазами из Йоханнесбурга, ежемесячно скупается на 10 миллионов рандов^[12] алмазов для тайного вывоза за границу. Можно быть совершенно уверенным, что большинство камней в обход строгих южноафриканских законов о валюте нелегально переправляется в другие страны. ЮАР, которая долгое время была сырьевым раем для многонациональных корпораций, переживает самый тяжелый за всю свою историю кризис. Преодолеть его можно лишь путем уничтожения дискриминации более 20 миллионов африканцев. Приближаются решающие перемены, значение которых для Африки трудно переоценить.

В 1960 году, получившем название «год Африки», африканские народы выдвинули лозунг «Независимость и свобода при жизни нынешнего поколения». В том же году Организация Объединенных Наций приняла предложенную Советским Союзом резолюцию «О предоставлении независимости колониальным странам

и народам». Этот документ стал боевой программой всех народов, в том числе и африканских, которые томятся под колониальным гнетом.

Алмазный город

После многокилометровой поездки по пыльной пустыне путешественнику вдруг открывается рай. Это похоже на фата-моргану: широкие, покрытые гравием аллеи, большие ухоженные лужайки, фонтаны, разбрызгивающие мириады водяных капель, которые сверкают, как маленькие алмазы, на листьях деревьев, кустов и на траве. Но, кроме капель воды, ничто не напоминает здесь об этом драгоценном камне. Скорее всего кажется, что ты находишься в одном из фешенебельных курортов где-нибудь на Средиземном море.

Этот поражающий всех чистотой город называют Тшикапа, или Алмазный. Лежит он недалеко от одного из многочисленных притоков Конго. Своим возникновением город обязан тому, что в 1909 году в этой местности совершенно случайно при отборе проб грунта бельгийские колониальные служащие нашли алмазы.

От гостей города-оазиса скрыты следы тяжелой работы по добыче этого камня. Туристы видят играющих в парках детей, спортсменов на ухоженных теннисных кортах, элегантно одетых людей, в тени веранд потягивающих холодное виски или апельсиновый сок. В городе много бассейнов, которые являются излюбленным местом отдыха населения.

Продукты питания, товары широкого потребления, предметы роскоши — все доставляется сюда прямо из Брюсселя или Лондона. Казалось бы, жители города

могут удовлетворить любое свое желание. Однако есть одна вещь, которая запрещена им под страхом самого сурового наказания: бесконтрольно покидать Алмазный город. Да это почти невозможно: многочисленные запретные зоны и посты заграждения не позволяют людям покидать их золотую клетку. Лишь после трех лет работы они получают отпуск, который могут провести в любом европейском городе. Чужакам также нет никакого доступа в город, потому что все здесь принадлежит могущественному горнодобывающему концерну «Сосьете интернасьональ форестьер э миньер дю Конго», или, как его сокращенно называют «Форминьер», который контролирует всю добычу алмазов в этой стране.

Компания была основана в 1906 году. Позже, когда в Бельгии появилась еще одна банковская группа, готовая финансировать изыскательские работы, концерн был объявлен дочерним предприятием еще более мощной финансовой группировки — «Сосьете женераль де Бельжик».

Идея создания Алмазного города принадлежит правилам этого концерна. На площади в несколько сотен тысяч квадратных километров ничего не происходит без его ведома. Для того чтобы иметь полное представление об Алмазном городе, необходимо заглянуть за границы этого оазиса цивилизации, туда, где добываются алмазы.

Водяная пушка идет в наступление

Участок, где ведутся работы, выглядит почти совершенно пустым. Основная добыча происходит в открытых разработках; помощниками современных старателей стали вода и электричество.

После открытия геологами «Форминьер» этого промышленного месторождения в том месте, где пустыня переходит в саванну, все было выжжено. Бежали в панике звери. Африканцы бросали свои деревни, которые тоже становились добычей огня. Желанные драгоценные камни скрывал толстый слой пепла. Пробили шурфы, и алмазы стали добываться в огромных открытых разработках.

Основание крутой стены высотой с шестиэтажный дом размывается струей из водяной пушки до тех пор, пока она не обрушивается. Затем по транспортерам эта порода доставляется к дробилкам и промывочным устройствам. На различных этапах эта масса все более очищается; пустая порода удаляется из нее до тех пор, пока на выходе из машины не появляется концентрат, который помещается в специальные емкости и пломбируется. Каждый день их доставляют в «алмазный замок» — серое здание, расположенное на краю Алмазного города и почти незаметное для постороннего глаза.

Казалось бы, что общего между огромным ящиком из стали и бетона, снабженным тайными запорами и рентгеновскими установками, с замком. Но когда представляешь неприступные укрепления средневековых крепостей и замков с толстыми стенами, то понимаешь, что здание получило свое название не случайно.

Этот бетонный куб называют еще и «центральной», потому что сюда ежедневно доставляются те самые запломбированные цинковые емкости. В эту «святая святых» алмазного дела имеют доступ лишь избранные, хотя и для них существуют специальные и не совсем обычные проверки. Посетителей здесь не принимают, потому что в этом деле совсем не нужна реклама. Всякое нарушение заведенного порядка представляет для «централи» потенциальную опасность. В этом

«алмазном замке» драгоценные камни отделяются от последних остатков пустой породы.

«Централь» существует уже около трех десятилетий. Одним из немногих ее посетителей, которому удалось, миновав три бронированные двери, проникнуть в сердце «алмазного замка», был французский журналист Ален Геербрандт. Последуем за ним туда, где осуществляется отбор алмазов.

За первой дверью его спокойно, но настойчиво попросили оставить часы, потому что они могут испортиться под действием магнитного поля. После того как была открыта третья, последняя дверь, журналист оказался в «святая святых», где надеялся наконец увидеть драгоценные кристаллы. Но перед ним были только четыре голые стены, освещенные голубовато-белым неоновым светом, конвейерная лента с концентратом и бесшумно работающие люди.

Мастер приветствовал посетителя и пригласил его войти. Он здесь повелитель и владыка, ему принадлежит неограниченная власть. И это чувствуется на каждом шагу. Пятьдесят рабочих-африканцев повинуются ему беспрекословно. Африканцев, стоящих у машины для сортировки концентрата, называют «черными алмазами», ибо их выискивают так же тщательно, как они сами выискивают драгоценные камни. По мнению мастера, эта необычная работа — большая честь для африканцев, так как на нее претендуют многие тысячи людей.

Тот, кому удастся получить многолетний контракт, прощается со своей прежней жизнью. У вновь прибывшего отбирают не только часы. В «шлюзовой камере» — пустой комнате без окон — он оставляет одежду, обувь и прочее имущество. Затем его моют, взвешивают, измеряют, и после этой процедуры он практически расстаётся со своим именем. Выданная ему новая одежда — белоснежная рубашка и шорты (то и

другое без складок и карманов) — уже помечена большими, черными номерами.

Теперь новичок приступает к своей работе — отбирает мелкие алмазы, которые не могут отделить от породы современные приборы и механизмы.

Концентрат из опломбированных емкостей автоматически (через трубы) попадает в помещение, освещенное неоновым светом. Здесь по транспортеру он подается в систему «тонкой» промывки, в результате которой большие камни отделяются от маленьких.

Под воздействием ультрафиолетовых лучей концентрат начинает высыхать, и вот уже сверкают первые драгоценные камни. Сортировка продолжается. Масса перемещается на резиновой ленте черного цвета, которая покрыта слоем темного жира. Это самое важное место: здесь отделяются «семена от плевел». Алмазы удерживаются на этом «жировом столе», в то время как пустая порода движется дальше.

Но не каждый драгоценный камень прилипает к слою жира. Вот здесь-то и начинается работа «черных алмазов». Их острые глаза следят за тем, чтобы ни один камешек не отправился дальше с пустой породой. Мастер называет людей, сидящих за «жировым столом», «клюющими». Тонким пинцетом они берут драгоценный камень и кладут его в коробочку. Их движения напоминают движения аиста, который ловит в болоте лягушек.

Время от времени мастер опустошает маленькие коробочки и в задней комнате на чувствительных весах взвешивает добычу. Затем он раздает похвалы или выражает недовольство. Его слово в этой алмазной клетке является мерой всех вещей.

Каждый месяц из «алмазного замка» вывозят специальный чемодан, наполненный драгоценными камнями. Это один из самых дорогих чемоданов в мире. Его содержимое — около 10 килограммов алмазов, или

примерно 50 000 каратов, — отправляется в сейфы Брюсселя, Лондона и других городов.

Проволочная клетка и резиновые перчатки

«Черные алмазы» не могут покинуть «алмазный замок» раньше, чем истечет срок их контракта.

Когда мастеру говорят, что эти люди находятся на положении заключенных, он возмущается: «Черные живут здесь как в раю. Они спят на настоящих кроватях, получают вкусную и обильную пищу, за их здоровьем наблюдает врач. У них есть бассейн и медицинский пункт. У них есть все. Посмотрите сами, как они здесь живут».

Незаметная боковая дверь в помещении, где стоит «жировой стол», ведет туда, где живут рабочие. Внутренний двор образуют помещения с плоской крышей, в которых находятся спальни и столовые. Мастер называет эту часть здания монастырем, хотя на первый взгляд это сравнение кажется странным.

Подстриженный, чистенький газон занимает большую часть внутреннего двора. Он бы мог составить конкуренцию любой площадке для гольфа где-нибудь в Англии. Четко размеченные цветочные клумбы выдают опытную руку садовника.

Казалось бы, что еще нужно человеку, чтобы чувствовать себя счастливым? Ведь те, кто живет в буше или пустыне, зарабатывают себе на хлеб не так просто. Миллионы их братьев во всех частях огромного континента ищут работу, чтобы обеспечить существование своих семей. Тысячи вообще не имеют надежды найти работу.

Научно обоснованный рацион, регулярные медицинские осмотры, так же как и цветочные клумбы,

призваны обеспечить хозяевам максимальные прибыли. Над всем внутренним двором натянута сетка из толстой проволоки. Это «изобретение» относится к той поре, когда Сесиль Родс загнал первых африканцев, трудившихся на алмазных шахтах, в пресловутые компаунды.

Страх перед похищением алмазов служит официальной причиной создания «централи». Ведь африканцы не имеют права распоряжаться богатством своей родины. Этот комплекс целиком принадлежит могущественной «Форминьер», которая не пожалела денег на его строительство.

Каждый африканец, который покидает город Тшикапа по истечении срока контракта, как и все те, кто оставляет работу на любой африканской алмазной шахте, подвергается особой обработке.

Полицейский протягивает Джошуа стакан с жидкостью, приготовленной для этого случая врачом. Джошуа отпивает глоток и делает такую гримасу, как если бы он попробовал самое кислое вино на свете. Но он обязан принять это сильное слабительное, потому что иначе его не выпустят за пределы карантинной зоны. После приема лекарства двое служителей натягивают ему на руки резиновые перчатки и связывают их. Перчатки — единственная «одежда», которую рабочий-африканец будет носить в ближайшие три дня. Затем его отводят в маленькую камеру, в которой есть только деревянные нары и большая параша, над которой он проведет большую часть времени.

Джошуа вовсе не преступник, а рабочий-африканец. Срок его контракта подошел к концу, и он должен вернуться в родную деревню. Но прежде чем он ступит за пределы лагеря, обнесенного колючей проволокой, ему надо пройти курс насильственного «лечения», во время которого его тело в полном смысле этого слова

должно быть полностью очищено. Если он проглотил даже самый маленький алмаз, последний окажется на дне параша и там его обязательно найдут. Такими же способами пытаются бороться с кражей драгоценных камней владельцы и администрация многих других алмазных месторождений.

В настоящее время стали применяться современные методы. Сегодня рабочих и все их имущество просвечивают рентгеновскими лучами. Многонациональные корпорации, эксплуатирующие природные богатства Африки, стараются идти в ногу со временем.

Итак, наступил 1960 год — «год Африки», когда 17 государств Африканского континента получили политическую независимость. В Бельгийском Конго (сегодня это Заир), где находился Алмазный город, поднялась буря. Владельцы акций компании «Форминьер» испугались за свои прибыли.

Они были не единственными, кого охватила тревога. В Конго хозяйничали суперконцерны из восьми капиталистических стран, в том числе Бельгии, США, Великобритании, ФРГ, Франции и Швейцарии. В этой кладовой природных ископаемых можно было добывать не только алмазы, но и медь, уран, железную руду, уголь, цинк, германий, золото, серебро, бокситы, свинец, тантал, позднее были открыты значительные запасы нефти и газа.

Наиболее богатые месторождения этих полезных ископаемых сконцентрированы в провинции Катанга^[13], в том районе, который сыграл такую трагическую роль в политическом развитии Конго в начале 60-х годов.

Этот район особо интересовал международный монополистический капитал. Еще до второй мировой войны здесь начали разрабатывать месторождения полезных ископаемых для военных нужд. Только в 1940

году более 1000 тонн необогащенного урана было переправлено из Конго в США. Этот уран был использован для изготовления атомных бомб, сброшенных летом 1945 года на Хиросиму и Нагасаки.

Заклученный летит в Брюссель

Борьба за освобождение Конго связана с именем человека, который стал символом африканского движения за независимость.

30 июня 1960 года этот человек поднялся на трибуну перед Дворцом нации в Леопольдвиле^[14] и провозгласил независимость Республики Конго. Тысячи людей приветствовали первого премьер-министра страны, отец которого был простым крестьянином.

Патрис Лумумба говорил не только о переполняющей всех гордости по случаю провозглашения независимости, но и о страданиях, слезах и жертвах прошедших лет: «С утра до вечера мы сносили оскорбления, унижения, удары. Только из-за того что у нас черный цвет кожи... Кто может забыть казни и убийства наших братьев, тюрьмы, куда безжалостно бросали тех, кто не желал терпеть бесправие, угнетение, эксплуатацию!»

Гости из разных стран, прибывшие на церемонию провозглашения независимости, внимательно слушали его. Некоторых из них напугали слова правды, так открыто брошенные в лицо представителям бывшей метрополии. Процесс передачи власти происходил не так мирно, как планировалось. Бельгийскому королю Бодуэну I, присутствовавшему на церемонии, с трудом удавалось сохранять спокойствие и хладнокровие.

Было ясно, что с этим премьер-министром будет трудно договориться. Все, на чем Патрис Лумумба

настаивал полгода назад, во время переговоров в Брюсселе, он захочет осуществить на деле.

На переговоры о предоставлении независимости, проходившие в январе 1960 года в Брюсселе, Лумумба прилетел с опозданием. Бельгийские власти вообще не хотели приглашать его, потому что он находился в колониальной тюрьме в Леопольдвиле. Только по энергичному настоянию его многочисленных сторонников Патрис Лумумба был включен в список членов делегации, отправившейся в Бельгию на переговоры о предоставлении независимости. В самолет в Леопольдвиле его ввели как заключенного в наручниках, которые были сняты лишь незадолго до посадки самолета в Брюсселе. Пришлось забинтовать ему руки, чтобы скрыть раны, которые остались на них.

Противник Патриса Лумумбы — Моиз Чомбе, также член конголезской делегации на переговорах, — находился в бельгийской столице уже много дней. Задолго до провозглашения независимости страны он стал одним из самых богатых африканцев. Сын племенного вождя из богатой горнорудной провинции Катанга, Чомбе был ставленником международных монополий. Он, в частности, самым тесным образом был связан с «Юньон миньер дю О'Катанга». Последнее обстоятельство объясняет, почему группировка Чомбе на переговорах о предоставлении независимости выступала за свободную федерацию отдельных районов Конго. Это отвечало интересам его покровителей: позволяло и дальше спокойно эксплуатировать золотые, алмазные, урановые и другие рудники, которые приносили большие прибыли.

Но Патрис Лумумба смешал все эти планы. «Мы полны решимости, — заявлял он неоднократно еще за несколько лет до начала переговоров в Брюсселе, — идти вперед, и нас ничто не остановит». Он имел в виду провозглашение независимости единого Конго,

возглавляемого правительством, власть которого распространилась бы на всю страну, в том числе и на провинцию Катанга.

Переговоры в Брюсселе закончились победой идей Лумумбы, что явилось неожиданностью для Чомбе и его покровителей. Бельгийское правительство было вынуждено заявить, что оно предоставит стране независимость уже летом 1960 года.

Теперь трудно установить, когда был разработан план устранения первого конголезского премьер-министра и кто именно был о нем информирован. Совершенно ясно, однако, что ставленник горнодобывающих международных монополий Чомбе узнал о нем одним из первых. Возможно, уже во время переговоров в Брюсселе рассматривались варианты устранения Лумумбы. Когда он выступал со своей первой речью во Дворце нации, рядом с ним стояли люди, знавшие о заговоре, среди которых были Чомбе, многочисленные агенты ЦРУ, представители монополий, добывающих золото и алмазы. Они ждали своего часа.

Только через 15 лет мировой общественности стали известны подробности заговора реакционных сил в Конго, ЦРУ и многонациональных корпораций, стремившихся удержать под своим контролем эту страну в центре Африки. Специальной комиссии американского сената удалось приоткрыть тайну подготовки покушений ЦРУ на жизнь политических деятелей различных государств. Отчет комиссии был опубликован в ноябре 1975 года, несмотря на противодействие президента Форда. В докладе содержались материалы расследования убийств, изоощренных методов террора, саботажа, вымогательств, угроз, физического уничтожения глав правительств и других ведущих государственных и политических деятелей. Американский империализм не гнушался приемами подобного рода, стремясь к

достижению своих агрессивных целей. В этом докладе специальная глава посвящалась планам и действиям ЦРУ против Конго. Среди прочих документов в ней цитировалась зашифрованная телеграмма, в которой сказано: «Спасибо за Патриса».

6 то время как в Леопольдвиле полным ходом шла подготовка к торжествам по случаю провозглашения независимости, в штаб-квартире ЦРУ разрабатывалась операция, которая повлияла на ход событий в этой центральноафриканской стране.

Так, в один из летних дней 1960 года заместитель директора ЦРУ по планированию Ричард Биссел вызвал к себе заведующего Африканским отделом Бронсона Твиди. Он поручил ему в кратчайший срок наметить план устранения будущего конголезского премьер-министра. Вскоре после этого Твиди встретился со специалистом ЦРУ по химическим и биологическим методам ведения войны Джозефом Шнейдером. Последний, приготовив соответствующие отравляющие вещества, полетел в Леопольдвиль, где обсудил с резидентом ЦРУ Виктором Хеджменом различные варианты использования яда. Через несколько дней в Леопольдвиль пришла секретная зашифровка: «Срочно ликвидировать Лумумбу!» Под приказом стояла подпись шефа американской секретной службы Аллена Даллеса.

Пока Твиди и Хеджмен думали о том, как подсунуть конголезскому премьер-министру отравленную пищу или зубную пасту, произошли события, которые открывали возможность использовать другие варианты задуманной операции.

До провозглашения независимости бельгийские монополисты были абсолютными хозяевами богатых месторождений полезных ископаемых в Конго. С 1947 по 1952 год чистый доход бельгийских монополистов в Конго составил 430 миллионов долларов. Приход к власти правительства Лумумбы заправили бельгийских

монополий расценили как серьезную угрозу своим прибылям. Они начали систематически саботировать все мероприятия правительства в области экономики, а бельгийские офицеры предприняли покушение на Лумумбу, которому, однако, удалось спастись.

Буржуазная печать в Европе начала кричать, что «жизни белых в Конго угрожает опасность». Эта кампания послужила предлогом для того, чтобы послать в Конго специальные бельгийские войска, оснащенные американским оружием, для «защиты жизни и имущества бельгийских граждан», как лицемерно утверждали буржуазные газеты. Буржуазную пропаганду не смущал тот факт, что открыто нарушается суверенитет государства, незадолго до этого провозгласившего свою независимость.

Утром 9 июля 1960 года в небе над Элизабетвилем^[15] появились тяжелые транспортные самолеты. (Еще до того, как жители города поняли, что произошло, тысячи хорошо вооруженных бельгийских десантников приземлились в Катанге и быстро овладели этой богатой полезными ископаемыми провинцией.

Верным показателем целей, которые преследуют подобные акции, является биржевой курс. Уже через день после высадки парашютистов курс акций «Юньон миньер дю О'Катанга», до того дня угрожающе падавший, поднялся с 1600 до 2088 франков. А еще через два дня Чомбе, решив, что его час настал, провозгласил Катангу независимым государством.

Открытая военная интервенция и раскольнические действия предателя Чомбе и других сепаратистов вызвали в стране хаос. В ноябре путчисты арестовали Лумумбу. К этому приложило руки и ЦРУ. Когда 3 ноября 1960 года некий Майкл Малрони спустился с

трапа самолета в аэропорту Леопольдвилья, встречавший его Виктор Хеджмен еще ничего не знал о планах своего гостя. Ему было известно только, что последний занимает пост заместителя начальника отдела секретных операций ЦРУ. Малрони вовсе не хотелось, чтобы агенты ЦРУ в Конго были замешаны в убийстве. Желательно, чтобы конголезский премьер-министр был, как любил выражаться этот сотрудник ЦРУ, «нейтрализован» и тем самым устранен с политической арены.

Эта идея понравилась в штаб-квартире ЦРУ больше, чем отравление, и мистер Малрони получил от своего руководства свободу действий. Его план был прост: Лумумбе помогут бежать из плена, но в конце концов он должен попасть в руки главы сепаратистов Чомбе. Цель дьявольской игры Малрони открыл лишь 15 лет спустя комиссии американского сената, которая занималась расследованием деятельности ЦРУ. Сенатор Мондэйл задал ему вопрос: «Говорилось ли при этом, что Лумумба может быть убит конголезскими властями?» — «Если бы это произошло, — ответил Малрони, — был бы обвинен один из конголезцев. Да, я думаю, такой вариант обсуждался».

В этой связи стало известно и еще одно в высшей степени любопытное обстоятельство: деятельность ЦРУ в Конго была составной частью официальной внешней политики Соединенных Штатов Америки. Заместитель государственного секретаря США Дуглас Диллон заявил 21 сентября 1975 года членам той же комиссии по расследованию, что планы ЦРУ совпадали с политикой Соединенных Штатов в отношении Лумумбы.

В начале января 1961 года подготовка к «побегу» была закончена. Лумумба, а также два его боевых соратника Мполо и Окито были перевезены в бельгийской машине в Элизабетвиль. Уже во время этой поездки охрана избивала патриотов до полусмерти.

17 января 1961 года два бельгийских офицера — полковник Бюиг и капитан Гат — получили письменный приказ, подписанный Чомбе. Содержание его также стало известно спустя много лет: «Возьмите с собой трех политических заключенных — Лумумбу, Мполо, Окито — и без промедления уничтожьте их».

Бельгийские офицеры, которые в течение многих лет набили руку на колониальных преступлениях, ни секунды не колебались. В ночь с 17 на 18 января 1961 года они в присутствии Чомбе совершили зверское преступление. Убийцы закопали свои Жертвы в африканском буше. План ЦРУ был приведен в исполнение. Тогда и была отправлена сверхсекретная телеграмма: «Спасибо за Патриса».

«Шоссе наемников»

За джипами, проносящимися на большой скорости, остается плотное желтоватое облако пыли. Стоит страшная жара. Мириады насекомых, охотясь за человеческой кровью, неистово набрасываются на свои жертвы в трясущихся машинах. Люди непрерывно отмахиваются, застегивают форму на все пуговицы и ругают насекомых.

Они сами б роли охотников, но не на зверей, а на людей, едут по этой пыльной дороге. Направо и налево тянется заросшая высокой травой непроходимая топь, в которую никто не отваживается забираться; изредка попадаются деревья и кустарник.

Дорога становится более широкой. Появляются хижины, покрытые пальмовыми листьями. Солдаты настораживаются, никто не ругается и не разговаривает. Внезапно из зарослей позади одной хижины раздается крик. Трое солдат стреляют в этом

направлении. Из машин не выходят: никто не хочет рисковать.

Все напряженно прислушиваются. Но неожиданна наступившую тишину нарушают только кваканье гигантских лягушек, крик обезьяны и треск цикад.

— Сойти с машин, развернуться в цепь, — раздается негромкая команда капитана Мюллера.

Солдаты спрыгивают на землю и вытягиваются в цепь.

— Стрелять без команды!

Раздаются выстрелы в направлении легких африканских построек.

— Обыскать!

Через некоторое время солдаты возвращаются. Хижины пусты, их обитатели спаслись бегством.

Контролирует эту пыльную дорогу, которая ведет через болотистую местность, отряд № 52 под командованием капитана Мюллера, немца из ФРГ. Длина дороги — около 600 километров. На различных ее участках действуют отряды наемников из ФРГ, Америки, Франции, Англии, Бельгии, ЮАР, Португалии.

Командиру 44 года, он среднего роста и лысоват. Его мундир украшает орден со свастикой еще времен второй мировой войны.

— Это я заработал в 1943 году в России, — поясняет он репортеру журнала «Штерн».

— Здесь-то орденов не дают, — замечает репортер.

— Это правда, зато дают деньги.

— Стойте! Тихо! Там кто-то есть! — кричит один из наемников.

— Немедленно все еще раз обыскать, — приказывает Мюллер. — Опять прозевали.

Через некоторое время двое солдат выволакивают человека, спрятавшегося в траве за одной из хижин.

— Минутку, подождите расстреливать! — кричит Мюллер. — Сначала надо допросить! Ты повстанец?

— Нет.

Удары прикладом и ботинками обрушиваются на жертву, лежащую в пыли. Это довольно пожилой конголезец, который выглядит больным.

— Ты знаешь, где прячутся повстанцы?

— Нет.

И снова удары прикладами и ногами, один из наемников бьет пленного палкой по пяткам, тот громко кричит. пытка продолжается, но человек ничего не говорит. Короткая очередь из автомата прекращает его страдания. Окровавленный труп оставляют на дороге.

— Разве вы не оттащите его по крайней мере в кусты? — спрашивает репортер.

— Совсем не обязательно. Все сделают термиты. Через два дня от него останется один скелет, и все о'кей.

Эта дорога через конголезские болота, которую называют «шоссе наемников», отмечена многими тысячами подобных внушающих ужас «километровых столбов».

Всякого, кто кажется хоть сколько-нибудь подозрительным, убивают. Отряд № 52 под командованием Мюллера не знает пощады. Наемники завербованы для борьбы с «мятежниками», и их наниматель, Чомбе, вправе требовать от них выполнения задания.

Мюллер неохотно говорит о размере своего оклада. Ему платят в месяц 5000 марок. Эти деньги переводятся на его счет в один из южноафриканских банков. Выплачивают ему также страховку.

— Кроме того, — объясняет он, — солдаты имеют право грабить. Все, что найдут, принадлежит им. Часы, украшения, другие ценности — их законная добыча. Но захваченное оружие они обязаны сдать.

В начале 60-х годов несколько сотен наемников отдельными группами действовали в Конго. Они

должны были сделать то, что не удалось предателю Чомбе и его хозяевам, — установить контроль над этим важным районом.

После подлого убийства Лумумбы по всей стране прокатилась волна возмущения и протеста. По совету руководителей бельгийско-американских монополий Чомбе был убран с политической сцены: он эмигрировал. Последователи Лумумбы снова объединились в партию Национальное движение Конго. В стране ширилось сопротивление заговору международных монополий.

В начале 1964 года реакционные силы подготовили возвращение Чомбе; 26 июля 1964 года он стал премьер-министром страны. С его помощью предполагалось подавить национально-освободительное движение. В Брюсселе, Нью-Йорке, Париже, Вашингтоне, Лондоне и Йоханнесбурге началась кампания по вербовке наемников. Материальные средства для этого были выделены бельгийско-американскими горнодобывающими концернами.

Однако отряды наемников не смогли нанести решающий удар по отрядам национально-освободительного» движения, хотя кровавые следы их расправ с мирным населением остались на всей территории Конго.

Последователи Лумумбы сконцентрировали свои силы в городе Стэнливиль ^[16]. Сюда же прибыли отряды наемников, собранные Чомбе. И снова буржуазные средства массовой информации развернули клеветническую кампанию: появились сообщения о том, что в этой области, контролировавшейся силами освободительного движения, якобы имели место случаи массовых убийств проживавшего здесь белого населения. Бесчисленные преступления отрядов

наемников, естественно, замалчивались. Эти наемники, занимавшиеся грабежом и разбоем, давно уже забыли, за что они сражаются. Их заботило лишь собственное обогащение. Позже даже буржуазные журналисты вынуждены были признать это. Вот что писал один из них: «Им было дано право грабить, реквизировать, насиловать, пытаться, убивать. Когда же нечего было взять в деревнях, они грабили города».

А в это время в штаб-квартире НАТО готовилась широкомасштабная операция. Большинство ее участников вначале полагали, что это обычные натовские маневры. Но в ночь с 21 на 22 ноября 1964 года все происходило всерьез.

С одного из бельгийских аэродромов поднялись в воздух американские военные самолеты, на борту которых находились специальные отряды вооруженных до зубов парашютистов. Стэнливилль оказался объектом неожиданного нападения. Еще до того, как десантник» раскрыли в воздухе свои парашюты, на город обрушились тысячи бомб. Из ФРГ на транспортных самолетах в Конго доставлялось военное снаряжение. Нападение происходило точно по расписанию. На парашютистов была возложена основная задача. Получив приказ никого не щадить, они устроили кровавую бойню, жертвами которой пали сотни тех белых, для защиты которых, как уверяли агрессоры из НАТО, была предпринята эта военная акция.

В этот и последующие дни было также зверски убито более десяти тысяч конголезцев — мужчин, женщин и детей.

Возмущение мировой общественности этим пиратским актом империализма нашло свое отражение в ноте Советского правительства, которая была передана послам Бельгии, Великобритании и США. В ней говорилось: «Высадка бельгийских парашютистов и захват силой оружия города Стэнливиля

рассматриваются Советским правительством как новый грубый акт военного вмешательства во внутренние дела Конго со стороны Бельгии, США и Англии... Ссылка на необходимость „защиты иностранцев“ с помощью вооруженной интервенции лишней раз раскрывает колониальную сущность этого агрессивного акта... Колониальные державы, убедившись в неспособности своего ставленника Чомбе справиться с положением в стране, решили оказать ему открытую помощь в подавлении национально-освободительного движения регулярными частями бельгийской' армии...

Решительно требуя немедленного прекращения военной интервенции и вывода из Конго всех бельгийских войск и всех иностранных наемников, Советское правительство заявляет, что вся ответственность за последствия этого акта интервенции целиком ложится на правительство Бельгии и других его соучастников»^[17].

Но и после того как пал Стэнливилль, а парашютисты были отозваны обратно в Бельгию, банды наемников продолжали грабить и разорять страну.

Чомбе посетил столицы стран — членов НАТО: Брюссель, Париж, Лиссабон, Лондон, Бонн. Во многих местах его встречали мощные демонстрации протеста. «Убийца Лумумбы!» — кричали ему в лицо тысячи людей. Банкиры же давали ему кредиты. Новые наемники устремлялись на многочисленные вербовочные пункты в Западной Европе, Южной Африке, Америке, потому что Чомбе хорошо платил.

Банды наемников несли с собой хаос, голод, разрушения. Экономика Конго приходила в упадок. Государственная финансовая система фактически развалилась. А корпорация «Юньон миньер дю О'Катанга» продолжала, несмотря на это, получать

сверхвысокие прибыли от разработки богатых полезных ископаемых.

25 ноября 1965 года было сформировано военное правительство во главе с генералом Мобуту и провозглашена вторая республика.

Ситуация, сложившаяся в стране, сказалась на официальной и неофициальной торговле алмазами. Война, присутствие наемников, грабежи и кровавый террор были идеальной почвой для темных спекуляций. Из годовой добычи алмазов, составлявшей от 14 до 15 миллионов каратов, за границу вывозилось 12 миллионов каратов.

Отсутствовал государственный контроль; почти не существовало налогов. Внутри страны процветала подпольная торговля алмазами, в которой принимали участие и наемники.

В этих условиях было основано национальное горнодобывающее общество «Сосьете женераль Конголез де миньер» (ГЕКОМИН), в котором доля участия государства составляла 60 % акционерного капитала. Фирма «Сосьете женераль де Бельжик», которой принадлежала и «Юньон миньер дю О'Катанга», объединилась с ГЕКОМИН и взяла на себя разработку месторождений алмазов и их продажу, оговорив при этом, что ей будет идти определенная часть прибыли.

Ставленник иностранных концернов Чомбе потерял власть и влияние. За преступления против политических руководителей первого правительства независимой республики конголезский парламент в мае 1966 года лишил его депутатского мандата и потребовал начать процесс против убийцы Лумумбы. Только побег дал ему возможность уйти от наказания.

Но и на этом еще далеко не закончились его политические интриги. Как и раньше, он мог в определенной мере положиться на монополистов,

прежде всего из стран НАТО. Кроме того, приказа поднять новый путч ждали его сторонники, объединенные в армию так называемых катангских жандармов. Наконец, оставались еще несколько сотен наемников. Их сборными пунктами стали бывшие бельгийские военные базы в Камине и Китоне. Почти каждый месяц туда отправлялись новые искатели приключений.

Эти отряды наемников, заинтересованные в Чомбе, также поддерживали его. В своем убежище в фашистской Испании он разрабатывал планы возвращения к власти. Награбленные богатства Чомбе вкладывал в торговлю недвижимостью, скупая здания и земельные участки, вел оживленную торговлю предметами искусства. Можно с уверенностью сказать, что всеми выступлениями наемников в Конго руководил Чомбе.

В июле 1966 года в Восточной провинции Конго начался путч. Под командованием бельгийского майора в отставке Вотье 300 наемников при поддержке 3000 катангских жандармов напали на Стэнливилль и разрушили железнодорожную линию, связывавшую город с близлежащими населенными пунктами. Бандиты грабили гражданское население. К концу сентября после боев, продолжавшихся несколько недель, правительственные войска подавили путч. Головорезам удалось скрыться в африканском буше, откуда они совершали набеги на конголезские города и деревни.

Через год наемники развернули наступление в провинции Киву. Они захватили несколько городов, были отброшены назад, а затем перешли в новое наступление. Их предводитель лейтенант Шрамм в ультимативной форме потребовал назначения премьер-министром Чомбе и отставки Мобуту. Наемники сформировали «правительство всеобщего

благоденствия» во главе с полковником Монга, близким соратником Чомбе, который должен был подготовить передачу власти последнему.

Борьба с наемниками перестала быть только внутренним делом Конго. Конголезское правительство обратилось к Совету Безопасности ООН, а также к соседним африканским государствам, и прежде всего к Руанде, с просьбой о помощи. Сражения с наемниками длились до ноября 1967 года. Их все больше оттесняли к границе с Руандой. Им грозил захват в плен, суд и строгое наказание — для большинства смертная казнь.

Отъявленным убийцам и грабителям, оказавшимся в большой опасности, пришел на помощь международный империализм, который использовал для этого дипломатические каналы стран — членов НАТО. В лихорадочной спешке империалисты пытались найти «элегантное» решение проблемы, чтобы избежать широкого международного резонанса и громкого процесса над наемниками.

Наемникам в последнюю минуту удалось спастись. Они переправились через границу в Руанду, где были интернированы. Впоследствии большинство из них вернулось на родину.

За несколько месяцев до того, как в Конго закончилась война за алмазы, золото, уран, кобальт и другие природные богатства, в западной части Средиземного моря произошли события, которые находились в тесной связи с вторжением в Конго наемников в июле 1967 года.

«Воздушная прогулка»

Небольшая группа туристов спустилась по трапу самолета, принадлежащего испанской авиакомпании

«Иберия». Обычной в таких случаях давки у выхода здесь не было. Под палящими лучами средиземноморского солнца пассажиры лениво двинулись к ресторану при аэродроме. Полет зафрахтованного самолета совершался не по расписанию, поэтому люди спокойно обедали и, проведя в ресторане почти два часа, также неторопливо направились к самолету. Подняли трап.

— Теперь на Мальорку, а там посмотрим, — сказал один из пассажиров командиру корабля.

— Как вам будет угодно. Мы можем взлететь хоть сейчас.

Все заняли свои места. Тотчас были запущены двигатели, и самолет стал выруливать в сторону взлетной полосы. Засветилось табло: «Пристегните ремни. Не курить». Еще раз взревели моторы, и самолет, набирая скорость, понесся по взлетной полосе; через несколько секунд он оторвался от земли и устремился в синее небо. Серо-черный след выхлопных газов отмечал его путь.

Через круглые иллюминаторы пассажиры с интересом следили за тем, как острова постепенно «утопали» в просторах Средиземного моря. Солнце бесчисленное множество раз отражалось в волнах беспокойного моря. Казалось, что вся его поверхность выложена осколками алмазов.

Монотонный шум моторов слегка утомил людей. Удобно расположившись в креслах, они ждали окончания полета.

Неожиданно на переднее сиденье вскочил человек. Выхватив из кобуры пистолет, он угрожающе произнес:

— Господа! Я не хочу кровопролития. Руки за голову, не двигаться. Того, кто шевельнется, пошлю в рай.

Чтобы подчеркнуть серьезность своих слов, Франсуа Боденан, как звали этого человека, выстрелил. Пуля попала в заднюю стенку пассажирского салона. Через;

несколько мгновений вторая пуля ударила в плечо телохранителя Хамбурсина. Это произошло в тот момент, когда он пытался прыгнуть на стрелявшего. Со сдавленным стоном этот огромный детина упал в свое кресло.

— Гарантирую тебе, Хамбурсин, что следующую пулю я всажу точнее и тогда с тобой будет покончено.

Боденан почти выкрикнул эти слова. Потом он снова обратился к пассажирам:

— Повторяю в последний раз: каждого, кто сделает хоть одно движение, я убью.

Теперь и остальным телохранителям стало ясно, что им не удастся ничего предпринять. Выстрел в Хамбурсина послужил для них хорошим предостережением.

Одетые в штатское испанские полицейские, которые находились среди пассажиров, не двигались. Почему они должны рисковать жизнью? Им было приказано только сопровождать темнокожего человека. Если уж телохранители не в состоянии защитить его, то полицейские и подавно ничего не могут поделать. Да к тому же кто знает, что это все значит.

Быстрее всех пришел в себя темнокожий человек, который был не кем иным, как бывшим главарем сепаратистов и наемников, действовавших в Конго. К Чомбе в Испании, где он обосновался, были приставлены лучшие телохранители.

Этот «прогулочный» полет должен был закончиться не на Ивисе и не на Мальорке. Кто же узнал его цели, выдал его планы? И откуда известны они Боденану? Этот парень появился у них всего несколько месяцев назад.

Боденан готовился к сегодняшней акции в течение нескольких месяцев. В январе 1976 года он встретился в Брюсселе с теми, кто отправил его на это задание. Ему дали деньги, которые были необходимы для

подготовки похищения, но Боденан не получил почти никаких указаний. Вначале он даже не представлял, как ему выйти на экс-президента Катанги. Через несколько лет в журнале «Жен Африк», выходящем в Тунисе, были опубликованы его воспоминания, в которых он рассказал, как ему удалось проникнуть через, казалось бы, неприступный круг телохранителей и агентов тайной полиции, созданный вокруг Чомбе, и войти в его ближайшее окружение.

«Мне необходима была поддержка влиятельных кругов, — вспоминал Боденан, — потому что бывший президент был человеком, прошедшим огонь и воду. Чомбе трудно было обмануть, но мне удалось обнаружить его слабые стороны. Несмотря на все свое богатство, Чомбе был крайне скуп. Он много обещал, но платил крайне редко».

В одном из отелей Мадрида Боденан на глазах многочисленных агентов испанской тайной полиции установил первые контакты с Чомбе. Как представитель фирмы по торговле недвижимостью он предложил ему выгодную операцию и дал понять, что ведет переговоры от имени высших деловых кругов Швейцарии.

Каждый в окружении Чомбе знал, что тот вложил целое состояние в недвижимость. От правительств ряда западноевропейских стран он получал большие суммы денег, а его коммерческие агенты в Испании, Бельгии, Швейцарии и в других странах искали наиболее выгодные объекты их вложения.

Поэтому Боденан не вызвал никаких подозрений, когда обратился к Чомбе со своим заманчивым предложением. Любопытно, что именно Хамбурсин, в которого стрелял Боденан, и другой телохранитель, Сегал, после того как они в течение нескольких месяцев получали взятки от Боденана, провели его к Чомбе.

«Подкупив Хамбурсина и Сегала, которые были друзьями и доверенными лицами Чомбе, — рассказывал позже Боденан, — я уже мог выйти на Чомбе, не вызывая никаких подозрений. Так как эти люди не знали моих истинных намерений, они всячески пытались помочь мне заключить несколько сделок по торговле недвижимостью. А я вынужден был давать взятки, чтобы сойти за друга Чомбе».

Затем Боденан начал готовиться к осуществлению основной части операции — похищению Чомбе. Но и здесь имелись трудности.

Осторожный главарь сепаратистов панически боялся похищения или покушения на свою жизнь. Во всех переездах и перелетах его сопровождал целый эскорт агентов испанской тайной полиции. Кроме того, он сообщал испанской полиции о своих поездках и пользовался только самолетами испанской авиакомпании «Иберия».

«В таких условиях, — вспоминал Боденан, — заранее подготовленный план похищения столь тщательно охраняемого человека мог бы показаться неосуществимым. Приходилось рассчитывать только на то, что он когда-нибудь полетит в Катангу. Я узнал, что о конечных целях своих поездок он сообщает перед самым отправлением».

Хотел ли главарь сепаратистов этим безобидным прогулочным полетом подготовить возвращение в провинцию Катанга, или он собирался заключить на Мальорке новую сделку?

В те секунды, когда Боденан держал под прицелом пассажиров самолета, пролетавшего над Средиземным морем, он точно не знал планов Чомбе. За день до отлета из Мадрида Боденан получил сведения о том, что Чомбе намеревается предпринять какие-то важные шаги. Но это могло быть и дезинформацией, потому что Чомбе был известен как большой специалист по

политическим интригам. Он часто говорил: «Я решил уйти от политики, потому что я достаточно зарабатываю на торговле недвижимостью. Теперь я лишь торговец».

Но его словам не верили ни его многочисленные враги, ни его сторонники и сообщники. В этом они видели лишь уловки, призванные замаскировать какие-то новые планы.

Но теперь, когда Боденан внимательно следил за каждым движением своих противников, у него не было времени думать о том, зачем Чомбе отправился в этот полет. Он приказал экипажу самолета лететь к североафриканскому побережью. По радио в аэропорт Алжира сообщили, что там скоро приземлится самолет, совершающий чартерный рейс на Мальорку. На его борту находится убийца Лумумбы, которого разыскивают на Африканском континенте.

Таким образом, приближался конец прожженного торговца недвижимостью, рвавшегося к власти. 28 июня 1967 года для Чомбе и некоторых его соратников наступила развязка. План, который они так долго готовили, провалился.

На следующий день началось уже упоминавшееся наступление наемников в Конго, которое должно было совпасть с возвращением Чомбе в Катангу. Но похищение над Средиземным морем перечеркнуло все планы наемников.

На алжирской земле Чомбе был взят под стражу и посажен в тюрьму. Уже в марте 1967 года военный трибунал в Киншасе заочно приговорил его к смертной казни.

Но даже тогда, когда Чомбе находился в тюрьме, его хозяев в странах НАТО интересовала судьба этого человека. Во всяком случае, они хотели избежать того, чтобы суд над убийцей Лумумбы раскрыл преступные махинации империалистических держав. Его

покровители в США и ЮАР выделили 25 000 долларов для освобождения Чомбе. Смерть Чомбе в алжирской тюрьме в 1969 году положила конец этой возне.

В последующие годы международные монополии, используя более изощренные неоколониалистские методы, пытались подобраться к богатой полезными ископаемыми Республике Заир. С помощью хитроумных финансовых манипуляций многонациональным корпорациям снова удалось глубоко проникнуть в важнейшие отрасли национальной экономики страны.

Государственный горнодобывающий концерн ГЕКОМИН, например, получил большой кредит от Европейского инвестиционного банка для разработки месторождений меди, что способствовало сохранению экономических связей стран — членов ЕЭС с Заиром. Японские концерны получили возможность инвестировать значительные средства в добычу руд цветных металлов. Английскому капиталу удалось занять прочные позиции в разработке месторождений алмазов.

Из-за падения цен на сырье подъема экономики Заира, на который надеялись сторонники тесных экономических связей с Западом, не произошло. Это проявилось особенно наглядно на примере меди, которая давала в тот период 80 процентов всей экспортной прибыли. В 1973–1976 годах цены на медь на мировом рынке значительно упали, что привело к существенному увеличению дефицита во внешнеторговом балансе страны.

Рост кредитов из капиталистических стран сопровождался усилением коррупции. Иностранным монополиям удалось подорвать проведенные в 1973 году мероприятия по национализации добычи полезных ископаемых, подкупив чиновников национализированных предприятий.

Результатом постоянных займов и кредитов стал рост задолженности и финансовой зависимости страны от международных банков и Международного валютного фонда.

Очевидно, влиянием иностранного капитала можно объяснить тот факт, что через некоторое время ранее национализированные шахты, плантации и другие предприятия были возвращены их прежним владельцам. Но частнокапиталистические рецепты не могли устранить последствия многолетней колониальной эксплуатации и угнетения.

Долг в 3 миллиарда долларов позволяет международному капиталу держать Заир в финансовой кабале. Богатые месторождения уже не спасают страну от растущей задолженности. Многие считают, что именно природные богатства стали роковыми для Заира. Но это лишь половина правды.

Колониальной и неоколониальной политике империализма можно противопоставить только последовательный антиимпериалистический курс, который провозгласил и проводил национальный герой Конго Патрис Лумумба.

Осенью 1975 года на Африканском континенте вновь началась война, развязанная империализмом с целью вернуть контроль над нефтью и алмазами.

Воина наемников и «челночная дипломатия»

Выгодное дело или сафари?

На небольшом опорном пункте вблизи африканского города Макела-ду-Зомбу не видно ни души. Скрывшись от палящего зноя в палатках, наемники наслаждаются послеобеденным отдыхом. Вдруг раздается истерический вопль. Хотя он всем знаком, солдаты от неожиданности пугаются. Это кричит «полковник» (звание, которое он присвоил себе сам) Каллан:

— Отряд, стройсь!

Две сотни мужчин соскакивают с нар, бегут, толкаясь и ругаясь, на свое привычное место.

Каллан в нетерпении рычит:

— Черт побери, тихо! Можно в этом свинарнике навести порядок? Слушайте!

Воцаряется безмолвие. Все понимают, что что-то случилось. Проходит несколько минут.

Едва слышно Каллан шипит:

— Так какие же свиньи хотели отсюда удрать? — И вдруг переходит на крик: — Выходите, вы, проклятое дерьмо!

Поколебавшись, из строя выходят четыре человека, еще десять неуверенно следуют за ними. Один говорит:

— Полковник, с нас довольно. Мы влипли в поганую историю, и скоро они разнесут нас в пух и прах. Здесь побеждают красные. Мы хотим домой.

«Полковник» становится блее мела, уголки его рта подергиваются. Он надвигается на говорящего, и, прежде чем кто-либо успел что-нибудь понять, Каллан

выхватывает револьвер и стреляет. Человек падает. Каллан рычит:

— Унтер-офицер Коплэнд, ко мне!

Быкоподобный тип выходит из задней шеренги. На животе у него болтается автомат. Унтер-офицер вытягивается перед командиром.

Наемники проявляют беспокойство. То здесь, то там слышится ропот. Но все тотчас же замолкают, когда раздается громкий голос:

— Все в порядке, полковник. Мы готовы. Можно начинать?

Только теперь солдаты видят, что сзади — слева и справа — заняли позицию и направили на них свое оружие два пулеметных расчета.

— Один момент, — кричит «полковник». — Не хотите ли посмотреть, как мы будем вразумлять эту шайку? Внимание! Всем вышедшим раздеться до белья!

Люди недоверчиво покачивают головами:

— Что? Как это раздеться?

— Раздеться, и побыстрее, я не намерен долго ждать.

Все знают, что Каллан безудержен в своей ярости, поэтому молча подчиняются. Едва успевает раздеться последний, «полковник» кричит:

— Унтер-офицер Коплэнд! Вы знаете, что от вас требуется.

В этот момент к строю подкатывает грузовик, и Коплэнд, угрожая автоматом, приказывает полуобнаженным людям садиться в него. Может быть, это просто шутка? Однако грузовик направляется в буш. Все пристально смотрят вслед машине, которая скоро исчезает в облаке пыли.

Никто не произносит ни слова. Вдалеке раздаются автоматные очереди.

Ужасное предчувствие стоящих в строю цинично подтверждает Каллан.

— Итак, этих трусов, видимо, ликвидировали. И я обещаю, что подобное ждет всякого, кто попытается отсюда удрать. В конце концов вы приехали в Анголу не на охоту. Здесь нужно показать, что вы хотите победить коммунизм и защитить мир от красных. Все вы подписывали контракт. Или вы думаете, что наши люди в Лондоне, Брюсселе или Штатах даром дают вам большие деньги?

Многим из присутствующих не по себе. Большинство охвачено ужасом. Расстрел товарищей и наведенное в упор оружие сделали свое дело.

1 февраля 1976 года навсегда останется в памяти многих из тех наемников, которые принимали участие в грязной аванюре, развязанной империалистами и их прихвостнями в 1975 году, накануне провозглашения независимости Анголы.

Поиски алмазов, руды и нефти

11 ноября 1975 года, после почти 500-летнего гнета португальского колониального режима, Ангола добилась независимости. Как и Республика Заир, Ангола располагает богатейшими запасами стратегически важных полезных ископаемых, таких, как нефть, алмазы, железная руда, золото и другие. К этому следует добавить кофе, хлопок и ценную древесину.

Перед империалистической агрессией в 1975 году национальный доход в расчете на душу населения в Анголе был выше, чем в других странах Тропической Африки. Правда, при этом не принималась во внимание резкая дифференциация между африканцами и паразитической прослойкой белых колонизаторов, которых насчитывалось около 500 000 человек. Эта прослойка совместно с транснациональными

корпорациями извлекала выгоду из экономического развития страны, начавшегося в 1961 году. К этому времени португальский колониальный режим отказался от протекционистской колониальной финансовой политики и открыл свои колонии для иностранных капиталовложений.

В тот же год активизировалась борьба ангольского народа под руководством Народного движения за освобождение Анголы (МПЛА).

Португальские колонизаторы надеялись, что международный монополистический капитал, получив возможность в широких масштабах проникать в Анголу, Мозамбик и Гвинею-Бисау, усилит поддержку их действий, направленных на подавление освободительного движения в этих колониях. Такие надежды, как показало будущее, оправдались.

Западногерманская газета «Ди Цайт» в номере от 21 марта 1961 года довольно точно охарактеризовала новую колониальную стратегию Португалии: «В состоянии экономической паники Португалия в последние месяцы широко открыла свои до сих пор почти герметично закрытые двери для иностранных инвестиций. Причина изменения курса лежит в осознании того, что Португалия неизбежно проиграет борьбу за свою колониальную империю, если ей не удастся заручиться поддержкой сильных союзников. В этой ситуации Салазар резко повернул руль хозяйственной политики. Без лишнего шума он приступил к интернационализации в возможно более широком масштабе своей заморской империи. Особенно активно он привлекает к индустриальному развитию слаборазвитых африканских и азиатских владений Португалии американцев, западных немцев и японцев».

Уже в 1962 году только в Анголе было создано 400 компаний с первоначальным капиталом свыше 3 миллионов долларов. Кроме этого образовалось еще

351 акционерное общество с первоначальным капиталом почти 2,3 миллиона долларов. Политика «открытых дверей» быстро принесла богатые плоды. Но это было еще не все.

С иностранных монополий, вкладывавших капитал в экономику Анголы, взимался налог с оборота, который наряду с другими налогами и сборами являлся существенной финансовой поддержкой колониальным властям. Например, в 1971/72 году сумма только этого налога исчислялась в 350 миллионов эскудо. В декабре 1972 года португальское правительство специальным декретом открыло все сферы экономики для иностранных инвестиций; исключение составляли лишь рыбное хозяйство, производство боеприпасов и электроэнергия.

Португальский колониальный режим решил использовать повышенную заинтересованность американских концернов в эксплуатации богатств Анголы. Только после того как США объявили о своей готовности обучать у себя в стране особые части португальской колониальной армии для антипартизанской колониальной войны, Португалия дала согласие на размещение американских баз на принадлежащих Португалии Азорских островах и на бурение нефти американской компанией «Галф ойл».

Американские монополии интересовали в Анголе прежде всего запасы нефти в провинции Кабинда и в прибрежном шельфе. Наряду с упомянутой «Галф ойл», добычу нефти вели «Тексако», «Калтекс», «Стандард ойл», «Континентал ойл», а также «Эссо эксплорейшн» — дочерняя компания «Эссон».

По одному из заключенных контрактов «Галф ойл» обязывалась ежегодно выплачивать Португалии «арендную плату» до 7 миллионов эскудо, а с 1982 до 2010 (!) года — 10,5 миллиона эскудо. Прибыли же

«Галф ойл» уже в 1973 году составили 90,9 миллиона долларов (2,3 миллиарда эскудо).

Но при этом никто не мог предвидеть тот потрясающий рост цен, который начался с 1974 года. В первой половине 1974 года от продажи нефти Кабинды было получено во много раз больше, чем за соответствующий период прошлого года. Если же вспомнить о разногласиях, которые разгорелись между империалистическими государствами и многими развивающимися странами из-за контроля над добычей нефти и других полезных ископаемых, то нетрудно понять, почему американский империализм придавал такое исключительное значение событиям в Анголе.

В 1958 году с помощью американских нефтяных концернов в Луанде был построен нефтеочистительный комбинат производительностью около 100 000 тонн в год. Основная задача этого предприятия состояла в том, чтобы обеспечить португальскую колониальную армию достаточным количеством смазочных и горючих материалов.

В 1963 году нефтяные магнаты создали Фронт освобождения провинции Кабинда (ФЛЕК), финансирующийся за счет доходов от продажи черного золота. Организация ратовала за сепаратную «свободу». За это же, как мы помним, боролся в свое время Чомбе в провинции Катанга. Целью «освободительной борьбы» пресловутого Фронта освобождения провинции Кабинда, как и империалистической раскольнической группировки — Фронта национального освобождения Анголы (ФНЛА), являлось отделение от Анголы ряда ее богатейших провинций в интересах американских нефтяных монополий.

Руками этих лакеев американские нефтяные концерны намеревались еще более упрочить свои позиции в этой африканской стране.

Если добычей нефти в Анголе занимались главным образом американские концерны, то разведкой и добычей алмазов — британские и южноафриканские монополии.

Британскому империализму в начальный период его активности на юге Африки не давали покоя португальские колонии. Повсюду, где колониальный грабитель Сесиль Родс отмечал новые колониальные приобретения поднятием британского флага, на «флангах» неизменно находился португальский колониальный партнер. Со временем относительно слабый в экономическом и военном отношении португальский колониализм принял покровительство Великобритании — крупной и сильной морской колониальной державы.

Оба колониальных разбойника извлекали выгоду из этого своеобразного партнерства. Португальские колонизаторы не были вытеснены более могущественными империалистическими силами из своих колониальных владений, а британский империализм использовал свое превосходство для реализации экспансионистских планов. Британские колониальные владения, лежащие внутри континента, для связи с метрополией пользовались портом Лобиту, находившимся на территории португальской колонии Анголы.

В 1902 году британская компания «Танганьика консешнз лтд» построила стратегически важную Бенгельскую железную дорогу, соединившую центральные районы континента с побережьем. Сырье представляло ценность для монополий только в том случае, если его можно было транспортировать в метрополию.

К этому следует добавить еще один факт. «Танганьика консешнз лтд» была одним из самых крупных владельцев акций концерна «Юньон миньер

дю О'Катанга», который с помощью марионетки Чомбе инсценировал в бывшем Конго сепаратистский путч и организовал действия банд наемников. Компания «Танганьика консешнз лтд» владела 90 процентами акций Бенгельской железной дороги. Ее чистая прибыль в 1970 году составляла 802 миллиона эскудо. Но прежде всего эта компания совместно с пресловутой «Англо-Америкен корпорейшн оф Саут Африка» и компанией «Сосьете женераль де Бельжик» почти полностью контролировала добычу алмазов в Анголе. Эти фирмы действовали через один из крупнейших алмазных трестов — «Диаманг», который уже в 1912 году один владел разработкой алмазных месторождений на всей территории страны. К концу 1972 года «Диаманг» имел концессии на 208 месторождений, большая часть которых была сконцентрирована в бассейне реки Касаи. Часть акций «Диаманг» принадлежит «Де Бирс» и ряду других финансовых групп.

До конца 1975 года «Диаманг» занимал особое положение среди иностранных концернов. Он, в частности, был освобожден от всех налогов и пошлин как на ввоз своего горного оборудования, так и на вывоз добытых им алмазов. Драгоценные камни продавались исключительно через центральную торговую организацию концерна «Де Бирс».

«Диаманг» мог по своему усмотрению распоряжаться армией рабочей силы в районе, переданном ему по концессии. Это означало, что он, используя механизм колониальной эксплуатации, постоянно имел дешевую рабочую силу для добычи алмазов.

Растущему влиянию Народного движения за освобождение Анголы «Диаманг» пытался противостоять двояким способом. С одной стороны, алмазный трест, стремясь подкупить африканских

рабочих, занятых на его предприятиях, предоставлял им некоторые социальные льготы: более высокую заработную плату, улучшенное снабжение продовольствием, медицинское обслуживание. С другой стороны, «Диаманг», так же как и другие транснациональные корпорации, организовывал акции для подавления национально-освободительного движения. Концерн предоставлял португальскому военному режиму собственные, оснащенные современным вооружением военные подразделения, которые вели колониальную войну против коренного населения этой африканской страны.

Кроме того, алмазный трест регулярно делал взносы в так называемый фонд обороны. Он предоставил колониальной администрации в Анголе заем. К тому же португальское правительство владело 12 процентами акций «Диаманг».

Американские концерны интересовали прежде всего богатейшие нефтяные и алмазные разработки Анголы. Но не менее важными были политические интересы США в этой стране. Американский журнал «Форин афферс» писал в середине 1975 года: «Наши главные интересы в Анголе — политические (поощрение дружески расположенного правительства в большой и потенциально сильной африканской стране) и экономические (защита американских деловых интересов)».

Среди международных монополий, действовавших в Анголе, были и концерны ФРГ. Спустя лишь несколько месяцев после начала вооруженной борьбы МПЛА концерну Круппа удалось получить право на разработку железорудного месторождения вблизи Касинги, на транспортировку полезных ископаемых, а также на финансирование и строительство таких сооружений, как, например, железнодорожная линия, ведущая к порту Мосамедиш, горно-обогатительное предприятие.

Площадь концессии составляла свыше 227 000 квадратных километров. К 1976/77 году из Анголы было вывезено около 10 миллионов тонн высококачественной железной руды. Эта руда, содержащая 62–65 процентов железа, — чрезвычайно важное сырье для сталелитейной индустрии ФРГ.

Так же как и алмазный трест, Крупп создал собственные вооруженные отряды, которые при необходимости действовали сообща с португальскими колониальными властями в Анголе.

В течение ряда лет концерн Круппа вынужден был делиться добычей с другими империалистическими конкурентами. Так, была создана «Компания минейраду Лобито», которая наряду с концернами из ФРГ, а также монополиями из США, Франции, Великобритании и ЮАР участвовала в эксплуатации месторождений железной руды. В результате значительно увеличилась годовая добыча, которая только в 1973 году составила более 6 миллионов тонн. Таким образом, ФРГ, Япония, Великобритания, Франция, Италия, Бельгия, Испания и Португалия получили возможность импортировать ангольскую железную руду.

Список международных монополий, которые наживались на богатствах Анголы, можно продолжить. Производство такой сельскохозяйственной экспортной продукции, как кофе и хлопок, контролировалось преимущественно бельгийскими и французскими концернами.

Каждая сколько-нибудь доходная отрасль хозяйства Анголы находилась под контролем крупных корпораций из империалистических стран НАТО. Условия для получения прибылей здесь были столь же благоприятны, как в ЮАР, Намибии и Южной Родезии.

Любопытно, что Португалия, некогда самая могущественная колониальная держава, получала лишь незначительную часть награбленных богатств, а

львиную долю добычи захватывали более сильные империалистические конкуренты.

Необходимо упомянуть еще об одном важном проекте, защиту которого южноафриканские расисты использовали как пропагандистский предлог для оправдания своей преступной агрессии против Анголы. Это энергосистема Кунене — один из крупнейших гидроэнергетических проектов в Африке. На границе между Анголой и Намибией, по склону горного массива, течет река Кунене, воды которой затем обрушиваются в глубокие ущелья, чтобы собраться вновь и влиться в море.

Природа уже провела громадную подготовительную работу для закладки плотины. Здесь можно не только получать в высшей степени дешевую электроэнергию, но и собирать огромную массу воды для орошения земель в Северной Намибии и Южной Анголе. Наряду с благоприятными климатическими условиями это могло бы стать предпосылкой для создания высокопродуктивного сельского хозяйства.

Кроме того, не менее важное значение имеют запасы воды и для разработки богатых полезных ископаемых как в Анголе, так и в Намибии. Для современной горнодобывающей промышленности, будь то добыча золота, алмазов, урана, железной руды или другого сырья, наличие богатых запасов воды может существенно удешевить рабочий процесс.

Все эти соображения учитывались южноафриканскими расистами и группой международных монополий, когда они решились на реализацию куненского проекта. Показательно, что инициаторы подписанного 21 января 1969 года соглашения исходили из того, что в предстоящее десятилетие по-прежнему будет существовать португальское колониальное господство в Анголе и

сохранится дальнейшая незаконная оккупация Намибии Южно-Африканской Республикой.

Сначала названия монополий, причастных к проекту, хранились в строгой тайне. Было объявлено, что на первой стадии строительства расходы (от 200 до 300 миллионов долларов) взяла на себя южноафриканская государственная компания по энергоснабжению — ЭСКОМ. В 1969 году стало наконец известно, что кредит в размере 39 миллионов долларов предоставил банковский консорциум под руководством «Дрезденер банк» (ФРГ). Фактическая сумма превосходила названный размер кредита. В этом консорциуме огромное участие принимают западногерманские концерны, в частности Коммерческий банк, Берлинское торговое сообщество и «Дойче банк», а также французский «Креди коммерсиаль де Франс», английский «Хилл Сэмюэль энд компани», люксембургский «Креди банк» и нидерландский Всеобщий банк. Примечательно, что Западная Германия представлена теми же концернами, которые имеют в ЮАР большие дочерние предприятия или филиалы.

О масштабах проекта свидетельствует уже тот факт, что в результате его реализации энергодобыча Анголы увеличится более чем в 50 раз. В 1972 году она составила 838 миллионов киловатт-часов. Кроме того, разрабатывались два проекта по сооружению гидроэнергокомплексов на реках Чамбамбе и Чикапа.

Ангола, эта богатейшая страна, была обречена десятилетия оставаться в тисках международных концернов. В случае необходимости империалистические державы, действовавшие в интересах этих концернов, использовали военно-политические средства.

Каждый, кто внимательно следил за колониальной политикой Португалии, снова и снова задавал себе

вопрос: каким образом эта одна из самых бедных и относительно слабых в военно-политическом отношении империалистических стран смогла удерживать такую колониальную империю? Фашистский режим в Португалии был в состоянии содержать колониальную армию численностью свыше 70 000 человек, а также вести дорогостоящую колониальную войну, направленную на подавление африканского освободительного движения, только благодаря щедрой политической, финансовой и военной помощи государств — членов НАТО.

Весь империалистический лагерь ставил своей целью удержать этот последний крупный колониальный бастион империализма всеми имевшимися в его распоряжении средствами. Была выдвинута даже теория о «коллективной ответственности», решающая роль в пропаганде которой принадлежала нравоэкстремистским силам в ФРГ. Во втором номере журнала «Штальхельм» за 1962 год можно было, например, прочитать следующее: «Португалия борется в заморских странах за Европу, за свою свободу и свое место в мире. Мы, немцы, обязаны поддержать Салазара всеми возможными средствами. Португалия всегда рассматривала Европу как надежный тыл. Сегодня Лузитания нуждается в защите и помощи Европы. Задача Западной Европы — не оставить Португалию в этот решающий час».

Партнеры по НАТО поставляли португальским колонизаторам самолеты, корабли, военные грузовики, пушки, вертолеты, танки, пулеметы, автоматы, средства связи и боеприпасы — все, что португальским колонизаторам было необходимо для подавления африканского освободительного движения. Именно этим можно объяснить, почему Португалия вообще была в состоянии выдерживать растущий военный натиск освободительного движения.

Видную роль в действиях НАТО по поддержанию португальского режима играл западногерманский империализм. Особенно усердствовал в этом тогдашний министр обороны Франц-Йозеф Штраус. Когда в начале января 1960 года он прибыл с официальным визитом в Португалию, в его портфеле лежал проект тайного военного соглашения, детали которого министр обороны обсудил с португальскими представителями во время пребывания в Лиссабоне.

Весьма показательно, что в 1970 году Штраус заключил точно такие же соглашения с Израилем и ЮАР. Это было время, когда западногерманский империализм искал в агрессивных и реакционных режимах партнеров для своей усиливающейся военно-политической экспансии.

Таким партнером и стал португальский колониальный режим. Два года спустя Штраус вновь приехал в Лиссабон для координации милитаристских планов. В ходе переговоров был заключен договор о поставках оружия — частично из собственного арсенала ФРГ, частично из резервов других партнеров по НАТО. Кроме того, правительство ФРГ выразило готовность предоставить Португалии долгосрочный кредит в размере 150 миллионов марок. Начавшаяся колониальная война значительно обострила ставший уже хроническим дефицит португальского государственного бюджета, так что помощь из Бонна пришла как нельзя кстати. Но Франц-Йозеф Штраус не тот человек, который бросает деньги на ветер. Он и его боннские друзья имели, конечно, свои собственные цели, которые надеялись достичь с помощью Португалии.

Уже много лет руководство бундесвера добивалось иностранных военных баз. В Южной Португалии, недалеко от Бежа, Штраусу удалось получить обширную территорию, которая была превращена в

учебный полигон для военно-воздушных сил ФРГ. Здесь были построены современный аэродром для реактивных истребителей, необходимые вспомогательные службы, жилые дома и убежища для 17 000 военнослужащих. Бежа стал одной из самых крупных военных баз ФРГ за ее пределами, на которой обучались пилоты не только бундесвера, но и португальских колониальных войск.

Несмотря на то что ООН призвала все государства не поставлять больше Португалии оружия для ведения колониальной войны в ее заморских территориях, ФРГ продолжала свою военную поддержку. До середины 60-х годов ФРГ поставляла португальским колониальным войскам автоматы, боевые самолеты, грузовые автомашины, радиоаппаратуру и боеприпасы. В португальские колонии в Африке направлялись также военные инструкторы.

Так западногерманский империализм превратился в одного из главных военных союзников португальского режима, а монополии ФРГ, и прежде всего концерн Круппа, извлекли из этого огромную экономическую выгоду.

Португальским колониальным войскам все труднее было сдерживать национально-освободительную борьбу. Даже интенсивная военная помощь государств — членов НАТО не могла воспрепятствовать тому, что силы МПЛА наносили португальским колониальным частям сокрушительные удары, и колонизаторы чувствовали себя в безопасности только в укрепленных городах и военных опорных пунктах.

Крах ослабленного колониальной войной и внутренними противоречиями фашистского режима Каэтаноу был неминуем. Однако значительные экономические богатства Анголы, а также ее особо важное стратегическое положение были достаточным основанием для того, чтобы натовская военщина в Брюсселе, Бонне и Нью-Йорке по-своему попыталась

решить «ангольскую проблему» — с помощью наемников и раскольнических организаций.

Тревога в Хрутфонтейне

В те дни готовились напасть на Анголу также и южноафриканские части. Было призвано 20 000 резервистов. Некоторые из них находились на военной базе вблизи расположенного в пустыне Намиб города Хрутфонтейна. Почти ежедневно на базу прибывали соединения, которые должны были принять участие в маневрах. Эта пустыня была идеальным учебным полигоном для войск режима апартеида, который оккупировал Намибию.

В конце октября маневры были прекращены и началась концентрация войск. Солдатам приблизительно на две недели были выданы боеприпасы и продовольствие. Многие ничего не подозревали и ожидали продолжения учений. Только офицеры знали о приказе начать действия, а также о направлении похода. Претория требовала соблюдения строжайшей тайны.

Неожиданно было приказано сменить обмундирование. Все, даже личный знак, должно остаться на складе. Солдаты получили форму, которой до этого никто из них не видел: пеструю, бежево-зеленую. Затем последовала необычная команда: составить и сдать завещания. Командиры тщательно следили за тем, чтобы все письменно изложили свою «последнюю волю». Теперь у многих закралось сомнение. Солдатам разрешили оставить у себя только Библию, и это открыло им глаза, так как с давних пор существует старое бурское правило: «Когда бур идет на

войну, с ним его Библия и его ружье». Наконец-то стало все ясно: затевается что-то серьезное.

Среди ночи всех подняли по тревоге. Медленно тронулись в путь, на север, тяжелые грузовики и танки. На следующее утро колонна подошла к ангольской границе. Интервенты беспрепятственно проехали по каменному мосту через реку Кунене, которая является естественной границей между Намибией и Анголой.

Мировая общественность узнала об этой военной авантюре из заявления главы южноафриканских расистов Балтазара Джона Форстера. Южноафриканские войска вторглись на ангольскую территорию якобы для того, чтобы охранять строящуюся плотину на Кунене.

Но уже в то время, когда Форсгер распространял эту ложь, одни отряды интервентов форсированным маршем продвигались на север, к Луанде, другие двинулись по так называемой «кофейной дороге» на северо-восток, к алмазным полям, ибо Ангола, как уже упоминалось, принадлежит к самым крупным производителям алмазов в мире.

Южноафриканские войска стремительно продвигались вперед. Они почти не встречали сопротивления, так как основные силы МПЛА отошли для обороны Луанды. Руководители Народного движения за освобождение Анголы ввиду превосходства империалистических сил решили собрать вооруженные отряды, разбросанные на многочисленных участках фронта, в один кулак.

Войска режима апартеида надеялись достичь легкого успеха, они уже видели себя победителями, так как, по их мнению, на континенте не было более сильной армии, чем их. В акциях против африканского национально-освободительного движения в ЮАР, Намибии и Южной Родезии они почти всегда

демонстрировали превосходство в военной технике и не несли больших потерь.

Но и эти отборные части вскоре почувствовали организованное и упорное сопротивление. Они становились объектом нападения вооруженных соединений трех освободительных организаций: Африканского национального конгресса Южной Африки (АНК), Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО), Народного союза африканцев Зимбабве (ЗАПУ) и Национального союза африканцев Зимбабве (ЗАНУ). Уже там они убедились, что борьба с партизанами — не воскресная прогулка. Все чаще их вынуждали вести войну именно таким способом. В южноафриканской прессе стали публиковаться длинные списки погибших в Анголе.

Войска расистского режима, несмотря на кажущееся легким наступление, не были уверены в успехе своего дела. Они не могли нигде прочно закрепиться, так как жители селений, через которые они проходили, не скрывали своей вражды к ним. Африканцы не хотели менять почти 500-летнее колониальное господство, конец которого был близок, на новое империалистическое ярмо в форме фашистской диктатуры апартеида.

Прибытие в лагерь

Всего несколько дней отделяли Анголу от провозглашения независимости. Удастся ли МПЛА увенчать свою 15-летнюю освободительную борьбу созданием свободного, независимого государства? Или проимпериалистические раскольнические банды ФНЛА и УНИТА захватят к этому дню Луанду? В конце октября север страны превратился в военный лагерь реакции. В

Макела-ду-Зомбу перебрасывались танки, пушки, грузовики, гранатометы, автоматы, оружие и боеприпасы.

Здесь же собирались завербованные в Европе, США и ЮАР наемники, которые со дня на день ждали приказа о выступлении. Жалованье им выплачивалось из средств, предоставленных «Диаманг», «Де Бирс» и ЦРУ.

Людей раздражали неразбериха и полное неведение. Поэтому многие из них испытали облегчение, когда однажды утром услышали команду своего предводителя Каллана:

— Всем слушать мою команду! Тихо, черт побери!

Когда воцарилась тишина, он объявил:

— По договоренности с нашими ангольскими друзьями я принял на себя командование, с тем чтобы навести хоть какой-нибудь порядок. Позже отдельные отряды численностью от десяти до двадцати человек будут приданы ангольским частям. Нашими непосредственными союзниками являются люди из ФНЛА и УНИТА, которые носят такую же форму, как и мы. Их командиры станут новыми хозяевами в Анголе, когда мы освободим Луанду от коммунистического МПЛА. ФНЛА и УНИТА связаны с Западом. Вы сами увидите это по их вооружению. Итак, наша задача состоит в том, чтобы защитить Анголу от коммунизма и сохранить ее для свободного мира. Конкретно для нас это означает разгром МПЛА в Луанде еще до 11 ноября 1975 года, с тем чтобы создать дружественную Западу Анголу.

— Один момент, — раздалось из рядов наемников. — Мы же нанимались в качестве военных инструкторов.

— Правильно! Нам сказали, что мы только военные инструкторы.

— Спокойно, спокойно! — Каллан старался оставаться невозмутимым. — Господа, ваши реплики

объясняются незнанием обстановки. Позже мы непременно будем желанными квалифицированными военными советниками в этой стране. Но теперь... теперь мы боремся не на жизнь, а на смерть. За это вам неплохо заплатят. Кому не нравится, пусть убирается.

— Браво! Правильно! Вон тех, кто трусит! Начнем, мы готовы!

Каллан торжествовал.

— Так держать, мальчики! Теперь вы можете делать большие деньги. За каждый уничтоженный танк компания, которая нанимала вас, платит 500 фунтов. Уже завтра мы выступаем на Луанду. Город еще до 11 ноября должен стать нашим. И тогда мы отпразднуем независимость наших друзей. Каждый из вас, я в этом уверен, обеспечил свою жизнь после победы, так как в этой борьбе с черными сила на нашей стороне. Итак, в бой!

Важное решение

События принимали драматический характер. Кто поднимет флаг в Луанде? Удастся ли ангольскому народу добиться свободы и независимости, или империализм реализует свой план и еще до 11 ноября 1975 года поставит у власти ФНЛА и УНИТА?

Южноафриканских интервентов невозможно было отличить от бандитов из УНИТА: на тех и других одинаковая форма. Это было сделано для того, чтобы замаскировать открытую интервенцию.

Противнику почти удалось окружить Луанду. От столицы его отделяло около 15 километров. Был поврежден центр водоснабжения; если бы он попал в руки осаждавших, жители и защитники Луанды остались бы без воды. Не хватало продовольствия.

Улицы и шоссейные дороги были заполнены сотнями тысяч беженцев.

На северной окраине Луанды застыли в напряженном ожидании бойцы МПЛА. Жозе со своими людьми отражал натиск противника вблизи дорог на Кашито и Кармону. Ряды защитников города заметно редели. Многие испытанные бойцы, которые в течение 15 лет участвовали в непрерывной антиколониальной войне, сложили здесь свои головы. Но МПЛА постоянно пополнялось молодыми бойцами, которые после краткосрочной военной подготовки прибывали на передовую.

Противнику не удавалось преодолеть заграждения на шоссе, ведущее в Кашито, которые были построены всего за несколько часов. Этот участок защищали солдаты, которыми командовал Жозе. Он был опытным командиром. Солдаты доверяли ему. Но он не знал, как долго им удастся удерживать натиск врага. Разведчики донесли, что противник готовится к новой атаке. Жозе решил морально подготовить отряд к предстоящему бою.

— Друзья! Никто из нас не знает, останется ли он в живых после следующей атаки врага. Но каждый из нас знает: дело, за которое погибло уже столько лучших сыновей и дочерей нашей родины, правое и мы победим. Я участвовал в штурме Центральной тюрьмы португальских колонизаторов в Луанде 4 февраля 1961 года. Какие шансы были у нас тогда? Почти никаких. И несмотря на это, мы боролись и боремся вот уже 15 лет со все большим успехом. Свыше 70 000 человек собрали португальские колонизаторы в Анголу, чтобы уничтожить нас, маленькую партизанскую армию, чтобы и дальше держать наш народ под пятой империализма. Вначале колонизаторы теснили нас, но сейчас положение изменилось. Мы атаковали их где только возможно, и они вынуждены были искать

убежище за каменными стенами и колючей проволокой. Старые колонизаторы изгнаны из Анголы. Это была победа, о которой надо всегда помнить. Бойцы, вам будет чертовски тяжело. В то страшное мгновение, перед которым не может устоять никто, когда хочется кричать и плакать от смертельного страха, вы должны помнить, что боретесь за свободу нашего народа. Это поможет вам преодолеть тяжелый момент. И еще одно. Никаких самовольных контратак! Мы останемся на своих позициях до тех пор, пока не получим другого приказа. Только тогда, когда подойдет подкрепление, мы сами будем атаковать.

— Жозе, подкрепление давно уже должно было подойти, — сказал один из бойцов.

— Терпение, товарищи! Мы ждем его с часу на час.

В этот момент совсем рядом раздался оглушительный взрыв. Кромешный ад неожиданно обрушился на людей. Солдаты быстро заняли свои позиции. «Ну, начинается, — думал каждый из них. — Только бы выстоять».

Залпы минометов следовали один за другим. Одновременно противник открыл сильный пулеметный огонь. Вдруг неожиданно наступила тишина, зловещий, пугающий покой воцарился над полем битвы.

— Стрелять только по моей команде. Только тогда, когда враг подойдет ближе, — приказал Жозе.

Со своего наблюдательного пункта командир видел, что к ним, используя в качестве прикрытия кустарник и деревья, приближался противник.

Хотя на вражеских солдатах была одинаковая форма, Жозе различил в первых рядах светлокожих наемников, выкрикивавших команды на непонятном языке, а сзади и между ними — темнокожих людей из ФНЛА и УНИТА.

Враги, уже не маскируясь, устремились на укрепления патриотов. С победным криком они

бросились вперед и, к своему удивлению, встретили ответный огонь. Многие продолжали атаковать, но некоторые предпочли спастись бегством. Жозе отдал приказ прекратить огонь. Неизвестно, когда придут боеприпасы из Луанды. Поэтому необходимо беречь каждый патрон. Жозе знал, что противник любой ценой попытается прорваться к Луанде. И действительно, не прошло и четверти часа, как враг вновь ринулся в атаку, а спустя немного времени — в следующую. В этот день неприятель четыре раза пытался предпринять наступление. Положение патриотов становилось все более тяжелым. Боеприпасы подходили к концу. Были убитые и раненые. Многие, несмотря на ранения, оставались в строю.

«Где же подкрепление? — думал Жозе, глядя на свои поредевшие ряды. — Молодые бойцы превосходно показали себя и выдержали боевое крещение. Но сколько они еще продержатся?»

Ночью патриоты немного отдохнули: противник вел себя спокойно. Но на рассвете на патриотов вновь обрушился минометный огонь. Снова наемники и раскольнические банды штурмовали позиции Жозе, но теперь они стали гораздо осторожнее. Тактика первых атак больше не применялась.

«Сколько мы еще сможем продержаться?» — Эта мысль не давала покоя Жозе.

— У меня кончились патроны, а бандиты подходят все ближе, — в отчаянии крикнул один молодой боец.

Его голос потонул в нарастающем свисте. Все прижались к земле: ад шел с тыла. Оправившись от испуга, патриоты с радостью увидели, что удар пришелся точно по неприятельским линиям. Откуда взялось столько артиллерии? И все же плотность взрывов, вой и свист пугали бойцов, им казалось, что под ними разверзается земля.

— Жозе, мы окружены, на нас напали сзади. Все кончено!

— Спокойно, без паники! Этого не может быть. Взгляните, как стремительно удирают наемники!

Внезапно гул орудий стих. В наступившей тишине с тыла слышались крики наступающих. И патриоты увидели своих товарищей. Все, кто мог, присоединились к атакующим. Над их головами снова засвистели снаряды.

Вскоре патриоты узнают, что произошло в тылу в те Дни, когда они сражались не на жизнь, а на смерть. Прибыло современное оружие — помощь социалистических стран.

На призыв руководства МПЛА к мировой общественности оказать помощь и поддержку ангольскому народу для отпора наглой агрессии откликнулись многие государства, и среди них Советский Союз, Куба и ГДР. Империалисты просчитались, полагая, что с помощью банд наемников и современного вооружения им удастся в последний момент помешать образованию Народной Республики Анголы. В этот трудный для освободительного движения час дружеская акция социалистических стран оказала решающее влияние на исход национально-освободительной войны.

Танки, артиллерия, военные грузовики и минометы выгружались с самолетов и кораблей и сразу же направлялись на передний край. Патриотам, которые на протяжении многих лет вели партизанскую войну, предстояло теперь овладевать современными методами ведения боя с применением новейшей военной техники. Это необходимо было сделать в кратчайшие сроки, так как враг стоял у столицы.

И вот наступил перелом в войне. «Катюши» — как окрестили советские солдаты во время второй мировой войны это оружие — «пели» в африканском буше,

наводя на захватчиков страх и ужас. Интервенты, наемники и банды раскольников в панике бежали. Их заносчивость и высокомерие испарились. Здесь, под Луандой, были остановлены и обращены в бегство профессиональные убийцы.

А что же стало с южноафриканскими частями интервентов? Им пришлось убраться восвояси. Миф об их непобедимости был развеян под ударами ангольских вооруженных сил и пришедших им на помощь кубинских борцов.

«Войной за нефть и алмазы» назвал один западно-германский иллюстрированный журнал империалистические атаки против молодой Народной Республики Анголы и вынужден был признать, что отражение агрессии против Анголы — самая крупная и значительная военная операция, которая когда-либо проводилась на Африканском континенте.

Но были ли тем самым полностью сорваны империалистические планы? Отнюдь нет! Известно, что сразу после провозглашения независимости 11 ноября 1975 года разведывательными службами в странах НАТО был организован большой заговор, с помощью которого империалисты надеялись выиграть «войну за нефть и алмазы».

С этой целью использовались различные тайные акции, шантаж, экономический нажим. Американские дипломаты предпринимали многочисленные поездки в страны Африки. С помощью посулов и угроз они пытались удержать как можно большее число африканских государств от официального признания Народной Республики Анголы. Это привело к тому, что решение данного вопроса несколько затянулось, однако основная цель — международная изоляция молодого государства — не была достигнута.

15 ноября 1975 года Уильям Колби, занимавший в начале 60-х годов пост директора ЦРУ, открыто

признал, что Соединенные Штаты активно поддерживали интервентов деньгами и оружием. Затем стало известно, что США выделили для диверсионных операций против Анголы свыше 60 миллионов долларов, а глава раскольнической организации ФНЛА Холден Роберто с 1961 года состоял на службе ЦРУ. По настоянию правительства США американские нефтяные концерны «Галф ойл», «Тексако» и другие неожиданно прекратили выплату своего долга, составлявшего свыше 200 миллионов долларов, правительству Анголы. Таким способом они надеялись помешать закупкам продовольствия и оружия. Одновременно ЕЭС блокировало авуары ангольского государства в европейских банках.

По мере того как на полях военных сражений в Анголе все отчетливее вырисовывался успех вооруженных сил молодой республики, активизировались империалистические атаки извне.

Возвращение наемников и судебный процесс

Ожесточенные бои продолжались до февраля 1976 года. Но вот наступил момент, когда раскольнические группировки, интервенты и соединения наемников были разбиты на всех фронтах. Отряды агрессоров поспешно отступали в Намибию. В это время участь различных частей наемников все больше попадала в поле зрения международной общественности.

Бойня, которую устроил Каллан 1 февраля 1976 года, вызвала возмущение даже в странах НАТО, о ней заговорили в печати и в правительственных кругах некоторых стран. Хотя, надо сказать, часто в буржуазной прессе сообщения о бесчинствах белых наемников не относились к африканскому населению

подавались в лучшем случае как занимательные истории.

В ночь с 10 на 11 февраля 1976 года журналисты, падкие на сенсацию, могли получить интересный материал. Свыше 40 представителей газет, журналов, радио и телевидения собрались в лондонском аэропорту Хитроу. В зале ожидания, где обычно в это время дремлют в креслах лишь несколько таможенников и служащих аэропорта, царило оживление. Только что было объявлено о прибытии специального самолета из Брюсселя. На его борту находились наемники, бежавшие из Анголы.

Входя в зал, наемники щурились, ослепленные прожекторами и фотовспышками. Многие закрывали лица сумками, куртками или пальто. Эти разгромленные вояки с наголо подстриженными головами старались как можно скорее проскользнуть мимо собравшихся здесь журналистов.

— Где вас ранило? — спросили у одного человека., ковылявшего на костылях.

— В отпуске, — ответил он мрачно.

— Почему вы не можете ходить? Вы были ранены в бою? — Этот вопрос обращен к человеку в каталке.

— Я упал с дерева.

— Кто из вас присутствовал при расстреле наших парней 1 февраля?

В ответ — молчание. Слышится только шарканье ног следующих друг за другом наемников. Никто не хочет вспоминать об этой истории.

— А где же, собственно говоря, этот полковник Каллан? Прежде всего он должен ответить за это.

— Да, где же он?

Никто не знает этого, а если кто-нибудь и знает, то не говорит.

Ночная пресс-конференция, организованная против воли наемников, неожиданно прерывается в тот

момент, когда появляются полицейские и тесным кольцом окружают прибывших. Человек в штатском, обращаясь к: ним, говорит:

— Господа, я старший инспектор Скотленд-ярда Миллер. Все вы подвергнетесь допросу. Нас интересует ваша деятельность в последние недели за границей. Поэтому я прошу вас пройти в соседнее помещение. Господам из прессы я предлагаю уйти.

Дальнейшие расследования ничего не прояснили. Никто не хотел сознаться в том, что он делал что-то несправедливое, и никто не чувствовал себя виновным. Позднее один репортер упрекал официальные инстанции в том, что они заинтересовались «сомнительной ролью наемников в бывшей португальской колонии только тогда, когда стало очевидно, что британцы боролись на стороне проигравших».

О судьбе Каллана, командира соединения наемников, сначала ничего не удалось узнать. Как показали поиски, тот унтер-офицер, который столь ревностно выполнил приказ Каллана о расстреле своих товарищей был казнен.

Следы других наемников, которые были завербованы в Лондоне и Брюсселе, затерялись на полях сражений в Анголе. Совершенно очевидно, что некоторым удалось скрыться. Однако многие были пойманы освободительными силами Народной Республики Анголы.

В начале июня 1976 года в Луанде перед революционным трибуналом предстали тридцать белых наемников. И только тогда мировая общественность узнала, что «полковник» Каллан, ответственный за бойню 1 февраля 1976 года и другие преступления, был схвачен народными вооруженными силами Анголы и также предстал перед судом.

Прокурор, доктор Мануэль Альвес Монтейро, перечислил в своем обвинительном акте многочисленные злодеяния этих людей, служивших орудием империалистической политики насилия: наемничество, преступления против мира, вооруженное нарушение границ, убийства и издевательства над мирным населением, разрушение мостов и зданий.

Гамбургский журнал «Шпигель» констатировал: «Эта мрачная глава колониальной истории вышла на свет. И впервые — по крайней мере на Африканском континенте — она должна была закончиться процессом, которому вынуждена была уделить определенное внимание даже вражеская сторона».

На слушании дела присутствовали 42 специальных наблюдателя из 37 стран, среди них были и эксперты, принимавшие участие в Нюрнбергском процессе. 75 иностранных журналистов имели возможность сообщать о ходе судебного процесса. Защитник американских подсудимых Роберт Кеснер, прибывший из США, вынужден был признать, что процесс ведется «честно и корректно».

Профессиональный убийца Каллан цинично взял на себя ответственность за все, что сделали его люди.

Кто же он, этот Каллан? Его настоящее имя — Костас Георгиу, он — греческий киприот, который служил в английских парашютных войсках в Северной Ирландии. Позднее за различные преступления он был изгнан из английской армии, в 1972 году ворвался в одно из отделений связи и, угрожая пистолетом, похитил 100 фунтов. За это он получил пять лет тюремного заключения, но был досрочно освобожден. В судебно-психиатрическом заключении он довольно образно назван «диким псом на веревке», который абсолютно не страшился опасности и наслаждался как риском, так, вероятно, и убийствами.

Ни у кого в зале суда в Луанде не было ощущения, что это чудовище в человеческом обличье хоть сколько-нибудь раскаивается в своих действиях. Более того, Каллан не скрывал, что ремесло наемника — его призвание. Одержимый безмерным тщеславием, он позволял называть себя «полковником» Калланом.

Этот субъект был главным обвиняемым на процессе. Но его персону, как писала во время процесса в Анголе ежедневная газета «Журнал де Ангола», «не так уж важна для Анголы и всего мира. Важно то, кого этот преступник представляет».

Еще один подсудимый, 27-летний Густаво Марчелло Грилло, заявил на суде: «Я — детище чудовища — американского общества». Однако раскаяние в своих поступках, как он сам заметил, приходит слишком поздно. Его родители, итальянцы, эмигрировали из Италии и поселились в Буэнос-Айресе. Там он брал даже уроки музыки и французского языка. Позднее Грилло переехал в США, где стал гангстером. Когда он попался в сети вербовщика наемников Давида Бафкина, его дальнейшая судьба была решена окончательно.

Грилло рассказал также о своем пребывании в госпитале около Луанды, где познакомился с кубинским добровольцем. «Он — сельскохозяйственный рабочий, а его мир — это поля сахарного тростника. Он расстался со своей семьей, чтобы защитить другой народ. Он пришел не ради денег, а ради свободы. Когда я это понял, мне захотелось куда-нибудь спрятаться, таким маленьким и ничтожным я себе показался. Я не горжусь тем, что был наемником. Это одно из самых отвратительных и гнусных дел в мире. Наемник как проститутка. Он продается».

Пребывание в Анголе дало мыслям этого человека, который бездумно занимался своим грязным делом еще во Вьетнаме, новое направление. Возможно, впервые в своей жизни он полностью осознал свои преступления.

«Я убивал ради денег, — сказал он, но тут же добавил: — Если бы это произошло в Америке, мы никогда не предстали бы перед трибуналом».

На судебном процессе в Луанде был дан хороший урок США, Великобритании и другим капиталистическим странам. Международные эксперты доказали, что британское правительство на основании закона 1870 года и американское правительство в соответствии с законом 1959 года могли прекратить вербовку и отправку наемников. Каждому, кто вербует в США граждан для вооруженных акций за границей, грозит трехлетнее тюремное заключение. Тот из граждан США, кто служит в какой-либо иностранной армии, теряет свое гражданство. А в пункте 8 резолюции ООН № 2465 от 1968 года говорится, что «практика использования наемников против движения за национальное освобождение и независимость есть уголовно наказуемый акт» и что «наемники объявляются преступниками, стоящими вне закона».

Таким образом, каждый из обвиняемых нес личную ответственность за свои кровавые деяния. Кое-кто пытался отговориться тем, что ему сказали, будто у наемников он может служить поваром или денщиком.

Но в конце концов преступления каждого из них были доказаны и ни один не избежал наказания. Четверо из тринадцати обвиняемых — Костас Георгиу, Даниель Френсис-Герхард, Джон Дерек Баркер и Эндрю Гордон Маккензи — были признаны виновными в совершении особо тяжких преступлений и приговорены к смерти. Другие были приговорены к длительным срокам заключения.

Приговор в отношении этой четверки был приведен в исполнение вскоре после окончания процесса. Их судьба характерна для той категории людей, которые служат орудием жестокой системы эксплуатации и подавления.

Гангстерская пляска в «Зонненхофе» [\[18\]](#)

Лето 1976 года выдалось небывало жарким. Утром того дня, о событиях которого будет рассказано ниже, нещадно палило солнце, а во второй половине разразилась такая сильная гроза, какой еще никогда не было в этих краях.

После ливня ландшафт будто обновился, и все вышли на улицу, чтобы полюбоваться им. Обслуживающий персонал «Зонненхофа» в Боденмайсе высыпал на террасу этого чрезвычайно дорогого, фешенебельного пансионата. Его служащих не интересовала преображенная природа, они с нетерпением посматривали на проясняющееся небо.

Здесь, как и в пансионате с таким же названием в Графенау, расположенном в 40 километрах, ожидали прибытия высоких гостей, которое задерживалось, очевидно, из-за непогоды. Все было готово к их приему. Администратор, кельнер, повара, горничные — каждый имел строго определенный круг обязанностей. Приехавшие откуда-то люди дополнительно проверили всех сотрудников, а затем некоторые из них были отправлены в «отпуск» на время предстоящего визита.

Территория обеих «солнечных усадеб» уже несколько дней тщательно охранялась полицейскими, которые не покинули своих постов даже во время грозы.

Среди деревьев близлежащего леса виднелись темные фигуры с автоматами в руках и в дождевых накидках.

«Внимание! Операция начинается. Через несколько минут автоколонна приблизится к объекту», — сообщили по рации.

На широкую площадку свернула колонна черных автомашин. Еще на ходу из их открытых дверей выпрыгнули одетые в черное охранники и заняли заранее установленные места перед зданиями. Руководитель операции сообщил по рации: «Все готово к посадке».

Только теперь, после того как были выключены многочисленные моторы, стало слышно жужжание вертолетов. Одна из двух повисших над лесом машин приземлилась. Тотчас из нее вышли четверо мужчин. Они окружили пятого, следующего за ними, очевидно почетного гостя, и быстро скрылись в «Зонненхофе». Спустя десять минут сцена повторилась в Графенау.

Наконец можно было приступить к реализации детально подготовленной программы. У 150 представителей прессы, которые расположились на указанных им местах, почти не было шансов узнать что-либо. Несколько снимков, сделанных с помощью телеобъектива, с трудом добытый репортаж с места событий — это очень немного, а от них ждали подробной информации. В лучшем случае они могли написать о прекрасной ели, которая за день до этого была срублена тремя лесорубами, так как мешала посадке вертолета.

Необычные меры по обеспечению безопасности не покажутся удивительными, если иметь в виду, что в «солнечные усадьбы» в Боденмайсе и Графенау прибыли Генри Киссинджер, занимавший в то время пост государственного секретаря США и Балтазар Джон Форстер — тогдашний глава режима апартеида.

Киссинджер и Форстер обдуманно выбрали для переговоров Баварию. В это время, в конце июня 1976 года, в мире, пожалуй, не было ни одного государства, которое согласилось бы оказать гостеприимство главарю южноафриканских расистов. Можно было бы, конечно, встретиться на родине одного из партнеров по

переговорам. Но ни тот, ни другой не захотели этого. Несмотря на то что США и ЮАР имели много общих интересов, между ними, особенно в последнее время, появились весьма серьезные разногласия, которые Киссинджер и Форстер надеялись урегулировать, встретившись на нейтральной территории.

Киссинджер известен всему миру как искусный специалист по ведению переговоров, мастер «челночной дипломатии» в международных отношениях.

Его партнер по переговорам уже много лет тщетно пытался добиться международного признания своего режима. Он был строгим приверженцем Нидерландской реформатской церкви — прерывал в воскресенье деловые разговоры, чтобы присутствовать на церковной службе. В свободное время Форстер охотился на львов и был не прочь сфотографироваться рядом со своими трофеями. Но этот человек, опираясь на полицию, тайную службу и армию, охотился и на людей. Он олицетворял собой южноафриканский расизм, являлся главным поборником этой античеловечной системы. Наряду со своим официальным именем он носил весьма меткое прозвище «мистер Апартеид», которое досталось ему от его предшественника — Фервурда. Форстер претендовал на то, чтобы представлять население одной из богатейших стран Африки.

Расистский премьер вынашивал далеко идущие планы. Он хотел создать расистскую модель общества, которая дала бы возможность его клике в ЮАР и его сообщникам в Южной Родезии держать и в будущем под кнутом африканское большинство населения.

Оба партнера по переговорам полностью сходились в том, что богатые месторождения полезных ископаемых африканского юга при любых обстоятельствах должны остаться под контролем монополий.

Разногласия существовали по вопросу о том, какие уступки должны быть сделаны миллионам африканцев в ЮАР, Южной Родезии и Намибии.

Американский эмиссар, ведя переговоры, исходил из глобальных политических интересов великой империалистической державы. Он учитывал растущее влияние африканских государств и других развивающихся стран, которые солидаризируются с угнетенными народами юга Африки, и знал, как это влияние использовать. Американские капиталовложения направляются в конечном счете не только в ЮАР, но и во многие другие стратегически важные регионы.

Позиция махрового расиста Форстера была двойственной: он лавировал между своей узколобой доктриной апартеида и необходимостью приспособливаться к меняющемуся стратегическому соотношению сил на юге Африки. Со времени неожиданного поражения в Анголе его самого и его сообщников не покидал страх. Всеобщие забастовки, демонстрации протеста, вооруженные выступления национально-освободительных сил — все это уже не поддавалось больше контролю давно налаженного механизма апартеида. Более того, начала исчезать уверенность международного капитала в стабильности политического и хозяйственного развития ЮАР и Южной Родезии. Глава расистов не мог и не должен был игнорировать это важное обстоятельство.

Повсюду ощущались признаки кризиса, и это также вынуждало его действовать решительно. В ходе многочасовых бесед Форстер и Киссинджер искали приемлемых решений. Однако события в мире напоминали им о том, что время работает не на них, а против них.

Протесты против интриг, которые плелись на земле ФРГ, звучали не только в этой стране. Мировая

общественность задавала вопрос, почему Форстер не ведет переговоры с тем, кто признай Организацией Объединенных Наций и Организацией африканского единства, а именно с освободительными организациями в странах Южной Африки.

Кордоны полиции и служба безопасности ФРГ силой оружия удерживали демонстрантов, которые хотели сказать Форстеру, что они о нем думают. «Форстер, вон из ФРГ!», «Долой расистов!», «Убийца африканцев!» — вот некоторые из лозунгов, которые демонстранты адресовали одному из «почетных гостей».

Многочисленные демократические организации ФРГ, которые объединены в Антиимпериалистический комитет солидарности (АКС), энергично протестовали против приезда главы правительства колониально-фашистской диктатуры. В одном из воззваний АКС говорилось: «Антиимпериалистический комитет солидарности самым решительным образом протестует против приезда в ФРГ такого человека, как Форстер, и против приема, оказанного ему западногерманским правительством.

В связи с тем что ФРГ — один из наиболее крупных кредиторов, торговых партнеров и поставщиков оружия ЮАР, а также в связи с тем что западногерманское правительство, поставляя технические знания ЮАР, способствовало и способствует атомному вооружению режима апартеида, визит Форстера означает эскалацию поддержки расистов.

Этому должны воспротивиться все демократически настроенные люди. Мы требуем, чтобы правительство ФРГ бойкотировало режим апартеида в соответствии с решениями ООН, запретило Форстеру въезд в страну и отказалось от всяких переговоров с главой расистов».

Молодые люди, собравшиеся на рыночной площади Боденмайса, говорили отдыхающим: «В „Зонненхофе“ сегодня гангстерская пляска».

Однако встреча продолжалась; Форстер и Киссинджер нашли в Баварии не только противников, но и сторонников своего предприятия. Красноречивым отражением политического климата в ФРГ служит уже тот факт, что западногерманское правительство, которое пытается выдавать себя за поборника прав человека, оказало гостеприимство расисту Форстеру. Но в стране есть и те, кто открыто стоит на стороне расистов. Их следует искать в лагере правых сил, прежде всего среди представителей ХДС/ХСС.

Франц Хаудлос, член бундестага от ХДС, замещавший Франца Позефа Штрауса, который в свое время вел переговоры с расистами в ЮАР, направил главе расистов приветственное послание в «Зонненхоф». В нем он, открыто высказывая солидарность с режимом апартеида, писал: «Большая часть немецкого народа не против вас и вашей страны, а с вами».

Этой идеологической поддержкой Форстер во время своего визита в ФРГ не смог воспользоваться в полной мере, так как ему не удалось достигнуть единства взглядов с американским партнером по переговорам.

Киссинджер и Форстер встречались еще раз в Цюрихе и Дар-эс-Саламе. Государственный секретарь США прилагал усилия к тому, чтобы добиться выработки решения, которое способствовало бы некоторому ослаблению напряженности в ЮАР. Во время визита в ЮАР он пытался найти среди расистов сторонников своих компромиссных формулировок.

Однако расисты не хотели идти даже на незначительные уступки. Напротив, они усиливали террор. Африканских мужчин, женщин и детей расстреливали прямо на улицах, хватали и бросали в тюрьмы.

За несколько дней до приезда Форстера в Баварию началась кровавая драма в Соуэто. Это один из

пригородов-гетто Йоханнесбурга, в котором вынуждено жить африканское население. Африканцы ежедневно отправляются в город, где они выполняют работу, не требующую никакой квалификации, на предприятиях, в отелях, ресторанах, принадлежащих белым.

В июне 1976 года расисты хотели ввести в школах в Соуэто африкаанс. Африканские школьники запротестовали. Тогда вооруженные до зубов полицейские окружили около 12 000 юных демонстрантов и пустили в ход слезоточивый газ. Учащиеся стали кидать в полицейских камни.

Все, что произошло потом, описал очевидец — фоторепортер южноафриканской газеты «Санди таймс» Альф Кумало: «Хладнокровно, без предупреждения полиция стреляла в головы детей. Прошла доля секунды, прежде чем я понял, что полицейский целится в ребенка. Справа от меня упал тринадцатилетний мальчик. Его звали Гектор Петерсон. Следом за ним — маленькая девочка. Они сразу же скончались. Падали другие ребята. Они катались в крови и отчаянно кричали. Это была ужасная картина».

Оставшиеся в живых дети побежали. Некоторым удалось прорваться сквозь полицейские заграждения. Плача, они искали какой-нибудь защиты. В небе кружили полицейские вертолеты, построенные в ФРГ. С них снайперы стреляли, как писал западногерманский журнал «Штерн» 22 июня 1976 года, «во все, что двигалось».

Приказ Форстера, который гласил: «Порядок и законность должны быть восстановлены, чего бы это ни стоило», был выполнен с беспощадной точностью.

Однако эта расправа не сломила воли африканцев. Они продолжают свою справедливую борьбу за свободу, человеческое достоинство и независимость.

Расизм, колониализм и апартеид не могут сохраняться до скончания веков. В странах

африканского юга ощущается приближение бури.

Контрабандисты, дельцы, спекулянты

Пакетик из Лондона

Мистер Ван Хёвен сердился: самолет, на котором он летел из Амстердама в Лондон, немного запоздал. А ведь в 11 часов он намеревался быть в Сити. До назначенной встречи оставалось 20 минут. Таможенники его хорошо знали и не стали задерживать. Хёвен торопливо прошел через зал к стоянке такси. «К штаб-квартире Оппенгеймера, что у собора святого Павла», — бросил он водителю и откинулся на спинку сиденья.

Каждый месяц — поездка в Лондон. Это утомительно, но что ему остается делать? Только так он может быть уверен, что купит драгоценные камни. Он должен радоваться, что принадлежит к числу 200 избранных, которые регулярно, каждые четыре недели, получают телеграмму от лондонского центрального правления синдиката с приглашением явиться «на смотр».

Охрана штаб-квартиры Оппенгеймера беспрепятственно пропустила его. В зал верхнего этажа, где ему вручили «его» пакетик, он явился лишь с небольшим опозданием. Цена, как обычно, была помечена на шелковой оберточной бумаге. Мистер Ван Хёвеп спокойно направился в забронированную для него комнату. В его распоряжении было около восьми дней, в течение которых он мог рассмотреть каждый из предложенных ему алмазов и связаться по телефону с потенциальными покупателями в Лондоне, в городах

континентальной Европы или заокеанских стран. Затем ему предстояло решить: покупать содержимое пакета полностью или отказаться от него. Но отказ чреват серьезными последствиями: того, кто два-три раза не принял предложения, вычеркивают из списков синдиката, который заинтересован в том, чтобы сбыть с рук все камни.

Хёвен подумывал о контрабандной торговле алмазами, которые в огромном количестве предлагаются на черном рынке. Но за торговлю контрабандными камнями синдикат наказывает сурово и неумолимо: навсегда лишает поставок. А как продать какому-нибудь нефтяному магнату из Техаса браслет или кольцо стоимостью 100 000 долларов с контрабандными камнями? Тот факт, что камни получены из фондов синдиката, для такого покупателя является гарантией высокого качества товара.

Так сохраняется «культ смотра» в Лондоне, и все приглашенные берут предназначенные им пакетики. Каждый из них знает, что через четыре недели (если у синдиката не возникнут сомнения) он снова явится для получения пакетика в штаб-квартиру Оппенгеймера и все повторится вновь.

Таким способом синдикат оказывает огромное влияние на торговлю алмазами в капиталистическом мире. Ежегодный оборот организаций, ведающих сбытом, составляет в среднем 1,2 миллиарда долларов. При этом необходимо также учитывать тот факт, что стоимость «резервных алмазов», хранящихся в лондонских сейфах для манипуляции ценами, — почти 300 миллионов долларов.

Опираясь на экономическую мощь синдиката, Оппенгеймер может позволить себе известную критику в адрес режима апартеида. Если бы что-нибудь подобное позволил себе кто-то другой независимо от цвета кожи, он был бы брошен в тюрьму или отправлен

в печально знаменитый концентрационный лагерь на острове Роббен. Естественно, Оппенгеймер руководствуется не гуманными соображениями; его беспокоят преграды для реализации прибыли, чинимые расистами. Доктрина апартеида запрещает африканцам овладевать профессиями более или менее высокой квалификации. Однако современное капиталистическое производство в ЮАР испытывает нехватку именно таких специалистов. Иммиграция не может удовлетворить хронический дефицит в квалифицированной рабочей силе. Поэтому Оппенгеймер и настаивает на отмене или по крайней мере смягчении ряда постановлений апартеида. При этом он находит поддержку даже некоторых политиков фашистского режима, которые хотят таким способом, не изменяя сущности апартеида, приукрасить его фасад.

На пути всевластия синдиката стоят преграды и другого рода. Капиталистическое регулирование цен посредством спроса и предложения само открывает на строго регулируемом алмазном рынке пути и возможности, которые не дают покоя компаниям Оппенгеймера. Не секрет, что даже избранные, получающие каждый месяц пакетики с алмазами, продают многие из них на черном рынке с надбавкой до 40 процентов. Другие ухитряются торговать как контрабандными камнями, так и алмазами синдиката. Специалисты подсчитали, что ежегодный оборот контрабандной торговли алмазами почти равен обороту сбытовых организаций Оппенгеймера.

К попыткам поставить под контроль синдиката деятельность нелегальных скупщиков алмазов относится и продолжавшееся целую неделю совещание, которое проходило в здании синдиката в Йоханнесбурге между руководством концерна и неким лицом, прибывшим из Лондона.

Встреча с бывшим сотрудником контрразведки

Мистер Перси Силлитоу — типичный англичанин. Он неизменно одет в темный костюм и белую рубашку с галстуком. Почти ежедневно он ездил восьмичасовым поездом из Истбурна в Лондой, и никто из его попутчиков не догадывался, что этот человек — шеф четвертого отделения британской контрразведки. Его офис помещался в обычном доходном доме на Керзон-стрит, в лондонском Вестэнде.

В январе 1954 года, когда Силлитоу уже вел размеренную жизнь пенсионера на одной из окраин Лондона, он получил от Оппенгеймера приглашение прибыть в Йоханнесбург.

Глава алмазного синдиката познакомил его с проблемами, возникшими в связи с контрабандной торговлей алмазами. Эта торговля, организованная в международном масштабе и особенно активизировавшаяся с середины 50-х годов, являлась серьезной угрозой синдикату.

Силлитоу, сразу же поняв, к чему клонит Оппенгеймер, прямо спросил:

— Скажите мне, господин Оппенгеймер, имеете ли вы ясное представление о том, во что, скажем, обойдется организация разведывательной системы?

— Мой дорогой друг, все имеет свою цену. Кто может знать это лучше меня, уже несколько десятилетий занимающегося продажей алмазов? Мы мыслим не такими категориями, как в контрразведке и Скотлендярде.

— И все же я должен еще раз предупредить вас, что это будет стоить очень больших денег.

— Как вы полагаете, сколько?

— Я мог бы сказать вам это не раньше как через несколько месяцев. Но для подсчета мне также нужна

некая круглая сумма.

— Итак, сэра Перси, для того чтобы вы уяснили себе, каковы масштабы дела, которым вам придется заниматься, я назову некоторые цифры. В прошлом году синдикат получил около двадцати миллионов фунтов стерлингов чистой прибыли. Мы полагаем, что приблизительно такая же сумма получена от продажи алмазов на черном рынке. Так вот, я хочу предложить вам на первое время десять миллионов фунтов.

— Десять миллионов фунтов?

— Совершенно верно, и эта сумма может быть предоставлена в ваше распоряжение тотчас в любом месте мира, где имеется банк.

— Тогда...

— Что значит «тогда»? Этого недостаточно?

— Боже мой! Просто я подумал, что тогда можно будет добиться кое-какого успеха.

— Вот и хорошо. Сообщите мне, пожалуйста, когда вы сможете приступить к делу. Я думаю, вам целесообразнее переехать сюда, в ЮАР. Синдикат оборудует по вашему желанию дом и предоставит обслуживающий персонал. Вашу квартиру в Лондоне мы можем обменять на подходящий дом здесь.

Бывший шеф четвертого отделения британской контрразведки тотчас приступил к новым обязанностям: подыскал себе сотрудников, пригласил агентов, с которыми когда-то вместе работал, и разослал их во все алмазные центры мира.

Перси Силлитоу занимался разработкой стратегических задач операции, руководство же работой генерального штаба было возложено на бывшего начальника «Интеллидженс сервис» мистера Спенсера.

Таким образом, всего за несколько месяцев возникла самая крупная частная агентурная организация в мире — «Международная алмазная

организация безопасности», единственной целью которой была защита прибылей и сбыта товаров алмазного синдиката от всяких помех.

Ее агенты вступали в контакты с местными торговцами, чтобы узнать имена покупателей и продавцов алмазов, вели наблюдения в аэропортах, отелях, барах таких алмазных торговых центров, как Брюссель, Амстердам, Лондон и Нью-Йорк. Они подкупали портье, горничных, служанок, поддерживали контакты с персоналом аэропортов и стюардессами, проститутками, бродягами и сутенерами. Они получали информацию от водителей такси и железнодорожников, от полицейских и таможенников и даже от служащих «Интерпола».

«Международная алмазная организация безопасности» превратилась в могущественное предприятие, которое за несколько лет добилось немалых успехов. Однако контрабанду алмазов не мог парализовать даже агентурный аппарат сэра Перси. Поэтому через несколько лет синдикат попробовал скупать контрабандные бриллианты через собственных агентов. И тем не менее стремление империи Оппенгеймера вечно господствовать на мировом алмазном рынке — несбыточная иллюзия.

Африканские государства, добиваясь в настоящее время в ООН или какой-либо другой международной организации признания своего права неограниченно распоряжаться принадлежащими им полезными ископаемыми, упоминают и алмазы. Будь то в Гане, Сьерра-Леоне, Заире, Танзании или независимой теперь Анголе — повсюду африканцы хотят сами определять условия, на которых они будут продавать алмазы.

Наконец, необходимо указать еще на то, что в 1954 году в Сибири было открыто алмазное месторождение. Ни Эрнст Оппенгеймер, ни его последователи не могли предвидеть этого.

Девушка Бонни Лу

В один из октябрьских дней 1964 года ослепительно белый кадиллак подъехал к парадному подъезду отеля «Кембридж хаус» в Нью-Йорке. Из него вышли трое молодых людей в спортивных, элегантных костюмах и упругой походкой прошли в широко открытые двери подъезда. Носильщики несли за ними несколько легких дорожных чемоданов. Молодые люди сняли самые дорогие апартаменты «Кембридж хауса», стоимостью 5000 долларов в месяц, вручили телефонистке отеля розы и не поскупились на чаевые носильщикам и горничной.

Эти трое — Роджер Кларк, Джек Мэрфи, Аллан Кун, — что называется, набивали себе цену. К вечеру они были окружены красивыми девушками. Но среди них не было возлюбленной Джека Мэрфи — Бонни Лу, которая осталась в Майами, во Флориде, откуда так скоропалительно сорвались три плэйбоя. Впрочем, Мэрфи довольно быстро утешился с новыми подружками.

В промежутках между попойками и пирушками все трое интересовались искусством. Они посещали Музей естествознания в Нью-Йорке, который был виден прямо из окон их комнат, изучали книгу «История драгоценных камней», написанную директором музея. Никто, даже опрошенные позднее сотрудники ФБР, не заметил, что эти трое проявляли повышенный интерес к внутренним помещениям и сигнализации музея.

Самым дорогим, уникальным экспонатом выставки драгоценных камней был, несомненно, сапфир «Звезда Индии» размером с мяч для гольфа, который передал в собственность музея миллионер Морган.

Во время своих посещений музея Мэрфи и его «коллеги» узнали, что электрическая сигнализация из соображений экономии вот уже два года не функционирует. 30 октября 1964 года незаметно двое из них остались в музее на ночь. Они проникли из подвала, где прятались, пока не ушел последний работник музея, в выставочный зал, разбили стеклянную витрину и похитили особенно дорогие камни, в том числе «Звезду Индии».

Джек Мэрфи ожидал своих друзей в кадиллаке недалеко от музея. Хищение обнаружилось только тогда, когда все трое уже были в солнечном Майами. И снова, окруженные прелестными девушками, среди которых на сей раз была и Бонни Лу, они праздновали успех. Молодые люди по-прежнему вели легкий образ жизни, но именно это и навело на след полицию: их нью-йоркские подружки, допрошенные полицией, рассказали, что Кларк, Мэрфи и Кун приехали из Майами.

Во время очередной ночной оргии, происходившей на пятнадцатом этаже приморского отеля «Колорадо», все трое были арестованы. Однако сокровищ при них не оказалось. На допросе они сказали, что тайник знает только Бонни Лу. Когда люди из ФБР взломали дверь ее квартиры, они смогли лишь констатировать смерть возлюбленной Мэрфи. Она умерла от слишком большой дозы снотворного, но точных обстоятельств смерти никто не знал. Ясно было одно: гибель этой девушки связана с событиями в нью-йоркском музее. Так исчезла последняя улика против похитителей драгоценных камней. Взяв залог, их отпустили на свободу.

Итак, драгоценные камни бесследно пропали. Но полиция убеждена, что эти трое молодых мужчин являются членами международной гангстерской организации, специализирующейся на краже драгоценностей.

Там, где они неожиданно появляются на кадиллаке или на роскошной яхте, ювелиры впадают в беспокойство, а отряды полиции поднимаются по тревоге.

Как-то яхта с тремя плэйбоями причалила в Нассау, на острове Эльтера, в группе Багамских островов, и в эту же ночь исчезли украшения и драгоценные камни стоимостью в несколько миллионов долларов. В другом городе в отеле был взломан считавшийся очень надежным сейф и похищено его дорогостоящее содержимое. Это произошло в то время, когда на яхте была устроена пирушка. Расследование, как всегда, ни к чему не привело.

Похищение алмазов, золота и драгоценных камней в наше время является, пожалуй, одним из самых доходных предприятий международного гангстерства. Чтобы уберечь драгоценные камни и металлы от похищения, изготавливаются негораемые сейфы повышенной секретности, устанавливаются электронные и рентгеновские наблюдательные устройства, конструируются радиотехнические сигнальные системы, нанимается бесчисленное множество сторожей и тайных детективов. В капиталистических странах получила развитие так называемая индустрия безопасности. К числу услуг, оказываемых предприятиями подобного рода, принадлежит подготовка частных детективов, хорошо разбирающихся в драгоценностях, кадров охраны, к примеру охраны для предприятий алмазной индустрии, расследование грозящего или уже совершенного похищения ювелирных изделий и даже поставка специально обученных сторожевых собак.

Летом 1976 года был придуман новый метод — разведение тарантулов. Чрезвычайно ядовитые пауки длиной около трех сантиметров, помещенные в сейфы с

драгоценностями, должны стать вспомогательным средством защиты от воровства.

Гангстеры внимательно следят за всеми этими нововведениями и со своей стороны совершенствуют методы грабежа и способы избежать наказания.

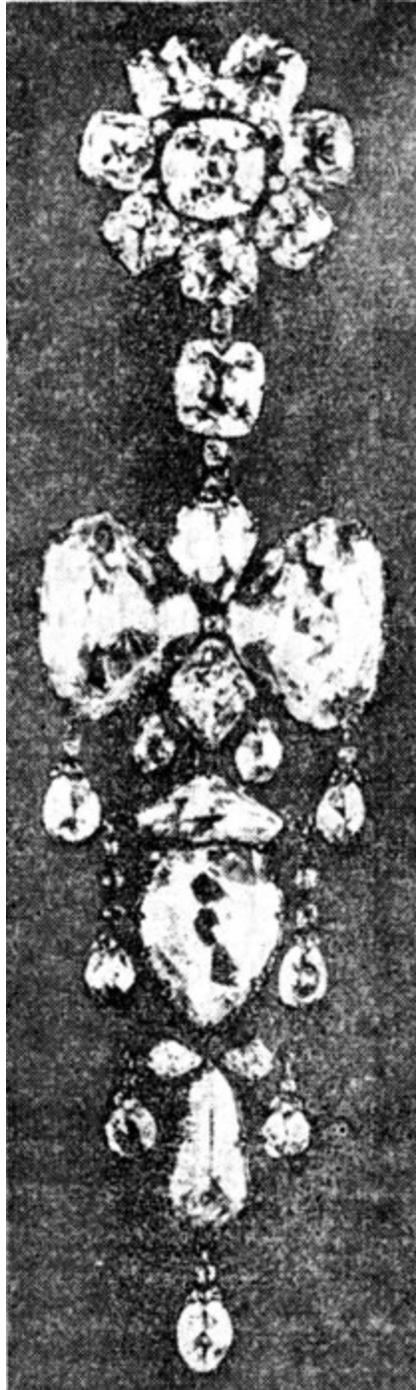
В 1947 году у герцогини Виндзорской из, казалось бы, абсолютно недостижимого для взлома сейфа были украдены драгоценности, в том числе бриллианты стоимостью 1,75 миллиона фунтов стерлингов. Обнаружить преступников инспекторам Скотленд-Ярда не удалось до сих пор.

Когда некая богатая госпожа направлялась из Парижа в приморский курорт Довиль, на нее напали четыре гангстера, похитившие все ее украшения стоимостью около миллиона долларов. Преступников удалось схватить, но украшения так и не были найдены. Все четверо арестованных молчали, так как знали, что в случае их признания международная гангстерская организация найдет их, где бы они ни были — на воле или в тюрьме, и расправится с ними.

Покупка, продажа и доставка на выставки драгоценных камней, особенно алмазов, требуют чрезвычайных мер предосторожности.

Когда в сентябре 1974 года алмаз «Красный крест» передавался новому владельцу, цюрихская полиция была приведена в состояние боевой готовности. Камень в 205,07 карата входит в десятку самых крупных алмазов мира и отшлифован так, что на его самой большой грани можно узнать мальтийский крест. Он был найден в Южной Африке в 1901 году, много раз менял владельцев и был наконец выставлен на продажу цюрихским ювелиром Губелином за 4 миллиона швейцарских франков. Имя обладателя камня не называлось. Общество, в котором камень был застрахован, разрешило ежедневно в течение четырех часов показывать алмаз при условии, что он будет

помещен за двойной пуленепробиваемой витриной. Тайные агенты и вооруженные детективы постоянно охраняли объект. Были установлены электронные защитные устройства, которые соединялись с радиоцентром цюрихской полиции. В остальное время алмаз хранили в кожаном мешочке, который запирался в подземном несгораемом сейфе. Камень перед продажей не был похищен. Очевидно, гангстеры побоялись больших затрат и риска. К тому же столь известные драгоценности очень трудно или вообще невозможно сбыть. Если же их все-таки похищают, им придают новую огранку, хотя при этом они теряют значительную часть своей первоначальной стоимости.

Один из образцов ювелирного искусства

Драгоценные камни, и особенно алмазы, рекламируются лучшими ювелирами в качестве самого

изысканного украшения дамского вечернего туалета. В Вашингтоне, Лондоне, Бонне, Париже или Брюсселе — повсюду дамы высшего света с помощью драгоценностей подчеркивают свое положение в обществе. От них не хотят отставать кино- и телезвезды. В 1957 году в нью-йоркском отеле «Уолдорф-Астория» происходило открытие сезона зимних балов. Первый из них, отличавшийся особой пышностью, называли «балом миллионов». Кто-то подсчитал, что на дамах, присутствовавших на празднике, были алмазы общей стоимостью свыше 9 миллионов долларов. Оперная певица Мария Каллас, например, появилась в костюме египетской принцессы с «маленьким» набором стоимостью 3 миллиона долларов.

Дамы и их кавалеры, правда, привыкли к тому, что за каждым их шагом следят зоркие глаза охранников. Но никто из этого избранного общества не задумывался над тем, что число официальных и частных агентов службы безопасности, возможно, превышает число приглашенных гостей.

Ловкая банда гангстеров украла у киноактрисы Софи Лорен все сокровища из сейфа в отеле. Так как она была застрахована на достаточно большую сумму, то некоторым утешением для нее стало то, что она смогла надеть на шею новое алмазное кольцо стоимостью почти 3 миллиона марок.

Полиция в Парижской опере

В октябре 1967 года в Парижской опере состоялась пышная премьера фильма «Укрощение строптивой», где Элизабет Тейлор играла главную роль. Во время показа картины актриса должна была сидеть на сцене. Свыше

четыре часов провела Тэйлор у известного парижского парикмахера Александра, который украсил черные как смоль волосы кинозвезды алмазной короной стоимостью 1 миллион долларов. Десять тайных агентов, оснащенных радиопередатчиками, ни на минуту не спускали с нее глаз. После ужина, которым завершилась премьера, охранники проводили киноактрису до ее апартаментов и не уходили до тех пор, пока миллионное сокровище не было снято и заперто опять в сейф отеля.

Обработка алмазов требует высокой квалификации

Известная кинозвезда Джина Лоллобриджида зарабатывала в кинематографе так много денег, что однажды по случаю кинофестиваля в Каннах преподнесла своим конкуренткам «бриллиантовый сюрприз»: на тщеславной Джине были бриллиантовые клипсы и кольцо общей стоимостью 1,2 миллиона марок. Кинозвезда торжествовала: она была признана «самой прекрасной дамой этой ночи».

Американский продюсер и звезда кинобоевиков Сэмми Дэвис-младший в начале 1977 года задумался над тем, как создать вокруг собственной персоны новую рекламную шумиху. И его осенила блестящая идея. Он заказал оправу для очков, в которую были вставлены бриллианты общей стоимостью пятьдесят тысяч марок.

Подобные истории — «горючее», разжигающее покупательский спрос. Они чрезвычайно успешно используются осенью и зимой, когда начинается «сезон подарков».

Кульминацией рекламной шумихи вокруг ювелирных изделий является международная выставка украшений в Нью-Йорке. Лучшие ювелиры из Лондона, Парижа, Нью-Йорка и из других городов представляют коллекции искусно обработанных алмазов, сапфиров, рубинов, изумрудов, оправленных золотом и платиной, и соревнуются за обладание «Международным алмазным призом».

Но все меньше людей из страха перед грабежом готово объявлять, что они имеют или хотят приобрести бриллиантовые украшения или необработанные алмазы. Одна горсточка алмазов, которую можно незаметно положить в карман куртки, стоит более ста тысяч долларов. Неудивительно, что грабители ювелирных ценностей отдадут предпочтение «королю камней», а не золоту, которое неудобно для транспортировки. Этим объясняется тот факт, что похищение золота не является для международного преступного мира особенно прибыльным делом.

Шлифовка камня

47-я улица в нью-йоркском районе Манхэттен — прямо-таки идеальный район для торговли алмазами, поступающими из различных источников. Здесь продаются, покупаются и снова продаются алмазы всех размеров и разного качества. Грабежи и убийства в этой части города — обычное дело. Даже кажущиеся надежными стальные кассеты, которые можно прикрепить к запястью цепью, не помогают уберечь драгоценные камни.

Среди бела дня на улице иного обладателя стального чемодана вместе с дорогостоящим содержимым вталкивают в машину, и он навсегда исчезает. Иногда совершенно случайно его труп находят в бетонном ящике на дне Ист-ривера. Бесследно, как и сам человек, исчезают и камни, которые он перевозил. Не проходит дня, чтобы полиции не приходилось расследовать какое-нибудь дело на 47-й улице, которое непременно связано с алмазами.

Крепость и победитель кризиса

Когда после многолетней борьбы позиции западно-германских торговцев алмазами на международной арене стабилизировались, они, естественно, задумались и о создании собственного алмазного центра, который должен был ослабить такие традиционные центры торговли алмазами, как Лондон, Амстердам и Нью-Йорк.

В октябре 1974 года обербургомистр Франкфурта Арндт торжественно открыл в деловой части города алмазную биржу — огромное здание из стекла и бетона. В железобетонный фундамент был замурован алмаз в пять каратов. Считалось, что это будет содействовать удаче предприятия.

«Неприступная крепость», как окрестили биржу, была оснащена всеми мыслимыми чудесами. У входов разместились 30 телекамер, которые автоматически фотографировали каждого посетителя. В этом 12-этажном здании через каждые три метра были установлены устройства, которые при попытке грабежа поднимали тревогу во Франкфуртском управлении полиции. Охрана менялась через каждые два часа. Это делалось для того, чтобы охранники (150 человек) были постоянно отдохнувшими и готовыми к решительным действиям.

Однако ирония судьбы заключалась в том, что серьезная опасность пришла не с той стороны, с которой ее ждали. «Супермошенник», который очень тихо и постепенно «грызет» «суперкрепость», зовется кризисом. Оборот биржи был катастрофически низким, а посетителей было значительно меньше, чем ожидалось при закладке этого претенциозного здания. Дело шло настолько вяло, что не привлекало даже

гангстеров. И это в городе, который поистине является их приютом.

Спустя год после открытия биржи во Франкфурте журнал «Шпигель» саркастически писал: «Алмазные весы покрылись пылью, большой биржевой зал таинственно пуст. Первая алмазная фирма Германии стала бесполезной блестящей побрякушкой».

Позднее пресса включилась в кампанию, направленную на то, чтобы признать алмаз победителем кризиса. Драгоценный камень был провозглашен «прекрасной защитой от инфляции». С его помощью, утверждали газеты, можно преодолеть все «трудные времена» и в случае необходимости снова быстро превратить алмаз в деньги.

Но может ли «царь камней» в действительности избавить от кризиса? Конечно, нет, ибо он является товаром, который подчиняется законам капиталистического товарного производства. Даже «Де Бирс», несмотря на все старания, не смогла предотвратить падение цен на алмазы, которое происходило в результате экономического спада. Например, если в 1974 году камень в один карат стоил 6300 долларов, то в середине 1975 года — приблизительно 5700 долларов.

Так, даже при помощи самых крупных алмазов нельзя преодолеть, а тем более ликвидировать те противоречия, которые фактически являются признаком неизбежной перемены мира, которая положит конец господству капитала.

«Бал маленьких белых кроватей»

Солнечный августовский день. Два специальных самолета стоят на парижском аэродроме Орли в

стороне от прочих машин гражданского воздушного флота. К самолетам подкатывают черные блестящие машины. Под звуки музыки двух маленьких капелл из машин выходят элегантно одетые дамы и господа. Они подходят к покрытому белой скатертью столу, за которым перед полетом можно перекусить или выпить прохладительные напитки и поболтать друг с другом.

Здесь почти все знают друг друга, поэтому не нужны длинные церемонии представления. Князя, герцоги, принцы, кинозвезды, известные театральные актеры, промышленные боссы, известные плэйбои — все, кто собирается принять участие в «самом дорогом европейском ночном бале», имеют счета во многих банках, и для них довольно значительная плата за участие в запланированном мероприятии так же естественна, как для простого смертного — плата за театральный гардероб.

Когда общество собралось, все, в том числе и музыканты, направились к трапам самолетов. Как только закрылись входные двери, низкие электрокары потянули машины на взлетные полосы.

Традиция организовывать подобные балы берет начало с 1919 года. На этот раз организаторы решили устроить «бал маленьких белых кроватей» — как они называли это мероприятие — не в одном из светских клубов Парижа, а в замках Ливана, сохранившихся со времен крестоносцев.

Изнывающие от скуки кутилы тратят большие усилия на то, чтобы каким-нибудь экстравагантным способом израсходовать накопленные деньги. Одним из них являются балы. Часть взносов за участие в них идет на помощь бедным. Эти «милостыни» распределяются благотворительным комитетом. «Жертвующие» уверены, что их подачки помогут больным детям, как им нравится говорить, получить место в больнице и лечь в белые кровати.

В Бейруте компанию встречает гнетущая жара, обычная в этих широтах, которая, однако, не ощущается в отеле с кондиционерами.

Ужин проходит в «Казино Ливана», маленьком ресторанчике, расположенном на краю утеса, омываемого морем.

Ночной «парад» ожидается позже. Это именно тот легендарный «бал маленьких белых кроватей», который состоится где-то в скалистых горах. Кто будет признан прекраснейшей, у кого самые оригинальные и дорогие украшения?

По ночной пустыне в горы несется сопровождаемая эскортом полиции автоколонна. Все еще жарко, но встречный ветер приносит некоторую прохладу. Сорокакилометровый путь через овраги и по отвесным крутым горным перевалам ведет к сказочному дворцу эмира Бешира II. Почти 100 лет прошло с тех пор, как он организовывал здесь роскошные восточные празднества. Однако при взгляде на гостей, прибывших сюда автокараваном, даже он побледнел бы от зависти. Нечасто можно увидеть в одном месте такое количество алмазов, жемчуга, изумрудов и рубинов. Парижские ювелиры оценили стоимость украшений, которые были на участницах этой прогулки, приблизительно в 20 миллионов долларов.

На прекрасных шеях, в изящных мочках ушей, на тонких запястьях, холеных пальцах и в искусных прическах, как писал присутствовавший на торжестве репортер одного из западногерманских иллюстрированных журналов, блестел, пылал и сверкал высококаратный огонь.

Само собой разумеется, что представлялись наряды от Пату, Нины Ричи или Диора.

Наступили «напряженные» ночи и дни для тех, кто приехал сюда есть, пить, танцевать и беседовать с «благотворительными целями».

Перечень поглощенных блюд свидетельствует действительно об архитрудной работе: четыре шведских лебедя, шесть павлинов из Новой Зеландии, два африканских оленя, восемь кабанов, 300 перепелов, 48 турецких омаров, к тому же еще крабы с Аляски, бразильские лангусты, иранская икра, креветки из Александрии, гусиная печень из Стасбурга, а также 1500 килограммов фруктов, жаркое из говядины, котлеты из ягненка, артишоки и т. п.

Одна принцесса, принимавшая участие в празднике, после трех дней веселья сказала: «Это было, конечно, необычайно утомительно. Но для хорошего дела приходится отказываться от сна».

Однако даже эти шумные празднества «а ля тысяча и одна ночь» не могут превзойти то, что устраивает американский алмазный миллионер Гарри Уинстон. Гарри охотно позволяет называть себя «алмазным Наполеоном», а когда он приглашает гостей к себе в отель «Палас» в Сан-Морице на «алмазную ночь», само собой разумеется также с благотворительной целью, туда съезжаются миллионеры, драгоценные украшения которых стоят более 100 миллионов долларов. Однако никакие благотворительные действия, даже если они имеют подлинно гуманные мотивы, не могут решить фундаментальных проблем капиталистического общества.

Фред Меркс

**В
ПОИСКАХ
«ГОЛУБОЙ
ЗЕМЛИ»**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Фред Меркс
В ПОИСКАХ «ГОЛУБОЙ ЗЕМЛИ»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

МОСКВА 1982

ББК66.2(5)(6)

M52

Fred Mercks

JAGD NACH BLAUER ERDE

Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik
Berlin, 1978

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ, А.
Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г.
ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Перевод М. В. ЗАВЬЯЛОВА

Ответственный редактор А. С. ПОКРОВСКИЙ

Меркс Ф.

M52 В поисках «голубой земли». Пер. с нем. М. В.
Завьялова. М., Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

173 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»),

Известный журналист из ГДР рассказывает об истории открытия крупнейших месторождений алмазов в различных районах Африканского и Азиатского континентов. Особое внимание уделено хищнической политике империалистических держав по отношению к молодым независимым государствам.

**M 0804000000-087 146-82.
013(02)-82**

ББК 66.2(5)(6)

© Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik (VEB), 1978.

© Перевод: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

Фред Меркс

В ПОИСКАХ «ГОЛУБОЙ ЗЕМЛИ»

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор *И. В. Королева*

Младший редактор *М. В. Малькова*

Художник *И. Г. Ларский*

Художественный редактор *Э. Л. Эрман*

Технический редактор *Г. А. Никитина*

Корректор *А. В. Шандер*

ИБ № 14514

Сдано в набор 07.01.82. Подписано к печати 02.04.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,24. Усл. кр. — отт. 9, 49. Уч. — изд. л. 9,23. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5111. Зак. № 13/277. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука» Москва К-45, ул. Жданова. 12/1

3-я типография издательства «Наука» Москва Б-143,
Открытое шоссе, 28

Отпечатано в ПО «Полиграфист» УИМ. Москва, ул.
Макаренко, 5/16.

notes

Примечания

1

Ныне Кейптаун.

2

Здесь и далее — метрический карат. — *Примеч. пер.*

Алмазы в это время поступали в основном из Капской колонии. — *Примеч. пер.*

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 375.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 376.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 380.

«Брудербонд» («Союз братьев» — африкаанс) — тайная организация наиболее фанатичных расистов. Члены этой организации занимают все ключевые посты в правительстве ЮАР. — *Примеч. пер.*

Сафари (суахили) — путешествие, поездка, экспедиция. Получило распространение для обозначения охоты на африканских животных. — *Примеч. пер.*

Имеется в виду оккупированная ЮАР Намибия. —
Примеч. пер.

«Томми» — презрительное прозвище англичан. —
Примеч. пер.

В. И. Ленин. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 381.

Ранд — денежная единица ЮАР. — Примеч. пер.

13

Ныне Шаба — провинция Республики Заир. —
Примеч. пер.

Ныне Киншаса — столица Заира. — *Примеч. пер.*

Ныне Лумумбаши. — *Примеч. пер.*

Ныне Кисангани. — *Примеч. пер.*

«Правда», 26.XI.1964.

«Зонненхоф» — солнечная усадьба (нем.). —
Примеч. пер.